

18+

Александр Черенов

Мёртвые не кусают?!

Долг платежом кровью красен

Александр Черенов

**Мёртвые не кусают?! Долг
платежом кровью красен**

«Издательские решения»

Черенов А.

Мёртвые не кусают?! Долг платежом кровью красен /
А. Черенов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982897-2

Следователь прокуратуры обвинён в совершении преступления, которого не совершал. Дальше — суд и приговор. Жизнь окончена? Нет: бывший следователь идёт по стопам графа Монте-Кристо в духе установки «Никто не забыт — и ничто не забыто». Долг платежом кровью красен... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-982897-2

© Черенов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвёртая	25
Глава пятая	33
Глава шестая	46
Глава седьмая	55
Глава восьмая	60
Глава девятая	64
Глава десятая	73
Глава одиннадцатая	82
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Мёртвые не кусают?! Долг платежом кровью красен

Александр Черенов

© Александр Черенов, 2020

ISBN 978-5-4498-2897-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

...Эта неделька выдалась, «ещё та»: зарядили не только дожди, но и покойники. Удивляло и то, и другое, но «другое» удивляло больше. Дожди в конце марта – тоже эксцесс, но «стахановские урожаи» трупов – «эксцесс в квадрате». И, ладно, если бы речь шла о «подснежниках»: март-апрель – самое время для «всходов» прошлогодних мертвецов. Так ведь нет – «свежачок»! И, если «подснежники» в большинстве своём являли собой результат вполне мирного, ненасильственного перехода с этого света на тот, то среди «новоприбывших» преобладали жертвы криминала. В отличие от «подснежников», в массе своей деклассированного элемента, не побуждавшего к поискам себя даже тех, кому положено искать по службе или родству, «урожай» нынешней весны отличался разнообразием с уклоном в сторону порядочных людей.

«А город подумал: ученья идут». Была некогда такая песенка. Это – к тому, что изобилие мертвецов нагружало только посвящённых. Для всех остальных граждан, мирных и не вполне, мартовская весна была обычной для здешних мест с резко континентальным климатом. Ассортимент услуг, как всегда, был широким, в диапазоне от луж и плюс десяти до буранов и минус тридцати. «Характером» этот март не отличался от других. Март как март: долгоиграющего типа и невыносимый в своей многоликости.

Александр Сергеевич Иванов – с благородным ударением на «а» – не любил март. Не любил «дважды»: и как рядовой обыватель, и как рядовой старший следователь районной прокуратуры. Как и многим его землякам, ему всегда казалось, что этому месяцу – худшему в году – не будет и конца. Он как-то сразу не полюбил март. Не полюбил ещё в школе, когда на старт весны приходился финиш самой длинной учебной четверти, за которой, словно в насмешку, шли самые короткие и бестолковые каникулы. Работа в прокуратуре лишь укрепила его в отсутствии пиетета к «марту-месяцу».

Иначе и быть не могло: распутица, бездорожье, необходимость ежедневно решать проблему гардероба, ибо «пришёл марток – надевай семь порток!». А тут ещё – «Восьмое марта»! Казалось бы: а это – при чём?!

Ни при чём... для мирного обывателя. А для следователя прокуратуры – очень даже «при чём». Потому что «кому – война, кому – мать родна», только наоборот. А, если этот «праздник» дополнялся парочкой выходных, то «весёлая» неделя гарантировалась на все сто. Народ почему-то обожал доставлять неприятности следственным органам именно в эти дни. И доставлял самым неоригинальным способом: изводил либо кого-то, либо себя. Именно на эти дни для следователей приходился «самый пик» трудовой активности. И всё – по причине другого пика: количества самоубийств.

Парадокс? Скорее, факт. Необъяснимый, но факт. Психологов и психиатров слушать бесполезно: наврут и глазом не моргнут. Особенно бесполезно слушать их тому, кому придется собирать плоды этой «праздничной жатвы»: вынимать самоубийц из петли или нарушать их тесное единение с охотничьей двустволкой. Следователю лучше послушать не психиатров, а родственников. Оно и для протокола полезней.

Хотя, в чём-то товарищи учёные, возможно, и правы. Отчего-то именно в праздники в человеке активно проявляется то, что в будни мирно дремлет в глубинах подсознания. И лезет из подсознания не «Христос», а «Сатана». И в разгар тотального веселья – в самое неподходящее время – в голову неожиданно приходят... неожиданные же мысли. И ладно бы, только мысли: ещё и такие же желания! Бедному, глупому человеку становится вдруг так жалко самого себя, что в приступе этой жалости он лезет в петлю. Ну, вот, не находит другого способа пожалеть себя. Такое, вот, оригинальное «несовпадение во взглядах» на жизнь с остальным миром. «Лишний человек» – только не из литературы. Вот и получается: не было бы праздников – был бы человек... может быть. А так – где радость, там и печаль.

Но, если причины терялись в глубинах подсознания и далеко не всегда открывались даже следствию, не говоря уже о родственниках, то с поводами дело обстояло много проще. Обычно «исход» происходил в силу двух неоригинальных причин: недопил или перепил. К такому выводу Иванов пришёл в результате личных наблюдений: человек, «принявший» в меру, в меру трезвый и в меру пьяный, не лез в петлю даже под влиянием чрезвычайных обстоятельств. Как минимум, не лез сразу, в состоянии сильного душевного волнения, как любили и до сих пор любят выражаться судебные психиатры. А потом он, тем более, не лез в петлю: сильное душевное волнение либо ослабевало, либо глушилось «оздоровляющей» дозой. «Уходить» в состоянии душевного подъёма – не путать с волнением! – «дураков нет».

Что же до влияния марта, то – опять же в силу опыта – Иванов не исключал его. От таких перепадов атмосферного давления, от таких видов за окном и психически нормальному, совершенно трезвому человеку впору хоть в петлю лезть. Так или иначе, а март давал львиную долю «приплода» самоубийц. Минимум, в три раза больше, чем в остальные месяцы. Исключение составлял запойный «Новый год», традиционно для «православного безбожника ивана» стартовавший с католического Рождества и финишировавший «старым Новым годом», а то и крепченскими морозами.

Но этот год «удался», как никакой другой. В сейфе у Иванова лежало уже три десятка «отказников», до которых никак не доходили руки – а покойник «шёл косяком». До конца месяца оставалось ещё больше недели, но мертвецы и не думали угомониться, словно задавшись целью побить свой же месячный – всего за три недели! – рекорд. И три десятка «покойников» лежало только в сейфе у Иванова! А ведь были ещё и покойники его коллег: Петрова и Сидорова! (Да: Иванов, Петров, Сидоров. Как в анекдоте. Но разве анекдоты не из жизни берутся?! Ну, вот так получилось: Иванов, Петров, Сидоров – и в одном месте, скопом! В анекдотической последовательности! Ну, вот «посчастливилось» людям и с фамилиями, и с коллЕКТИВОМ!).

А ещё им «посчастливилось» с местом работы. Точнее, с двумя: и с одним, и с другим. С географией и административным делением, то есть. Район, в котором им «посчастливилось», во все времена был главным поставщиком трупов и «специфических показателей» для областных контор, от прокуратуры до обкома партии. Но в год нынешний Старый город побивал самого себя! И, ладно бы: «ростом производства» мирных трупов! А то ведь и «полку» криминала прибыло, да ещё как!

Но Старый город славился не только «жатвой душ». В переложении с языка Священного писания на местные реалии: не трупом единым жив человек. Оба человека. Те, что по разную сторону барьера. Несмотря на холодную, промозглую весну, в прокуратуру табунами шли жертвы уличных изнасилований. Увы: народ старогородской был «любвеобильный» и морозоустойчивый: где прихватило желание, там его и реализовал.

По причине улицы и двухсоттысячного населения сплошь криминализованного района: большинство – «с прошлым» – раскрываемость соответствовала классике. А именно: пятьдесят на пятьдесят. Все преступления даже в сказках не раскрываются, что уже было говорить за Старый город, которому «сам Бог велел» работать Содомом и Гоморрой «в одном лице».

Но и это ещё не всё. К сожалению – для небольшой категории лиц, прокуратура – специфическое учреждение. Ей одних убийств и изнасилований мало. Так решили законодатели и «отцы народа» из Политбюро. В отличие от известного киноперсонажа, они не пришли в восторг от того, что «милиция всякой мелочью занимается, а подрасстрельные дела об убийствах расследует прокуратура». Вот и нагрузили... догрузили бедных следователей... «бездельников» следователей с университетскими да институтскими дипломами расследованием всевозможных хозяйственных преступлений: хищения в особо крупном размере, взятка в особо

крупном размере, приписки объёмов выполненных работ, нарушения правил техники безопасности со смертельным исходом и даже без него.

Одним дельцем из последней категории – впридачу к двадцати другим (четырнадцать из которых – «подрасстрельные») и тридцати бедолагам-«отказникам», скорбно дожидаясь своей очереди – «посчастливилось» обзавестись в этом марте и Иванову. На подъездных путях к одному из заводов, крупнейшему в области и даже союзного подчинения, имел место сход вагонов. Если бы он «заимел место» на другом заводе, никто и внимания не обратил бы: Старый город – «кузница пролетариата» и «индустриальная столица»... «индустриальной столицы», в которой имел честь... или несчастье родиться и работать Иванов. Но, к несчастью – для Иванова и фигурантов – это был не «другой» завод, а именно этот: союзного подчинения.

Начиналось же всё это дело вполне мирно и благопристойно. Как и положено, была создана комиссия. В ударные сроки она пришла к нужным выводам, о которых так прямо и доложила в Москву: «жертв нет, а часть вагонов уже даже подверглась утилизации». После этого комиссия убыла, а контора плавно – и планоно – занялась совершением текущих подвигов во имя всё того же плана.

Казалось бы... Ан, не тут-то было. В смысле: оказалось совсем не то, что казалось. Товарищи в Москве отнеслись к этому факту совсем не так «легкомысленно», как хотелось бы товарищам на местах. Почти – в духе установки детективной классики: «А не было ли у тебя, сукин сын, умысла на теракт?!».

Поскольку с терактами в нашем городе, да и в области в целом, было туго – совсем не было, статистику решили поправить. Поправлять её обязали местное Управление КГБ – а кого ещё?! Заскучавшие без работы – шмоны у баптистов в зачёт не шли – наследники доблестной ЧК рьяно взялись за работу... и целую группу «подозреваемых в совершении террористического акта, имеющего своей целью...»... ну, и дальше всё, что полагалось сюжетом.

Не долго думая – чего думать, когда уже в Москве подумали?! – возбудили уголовное дело. Хотя теоретически, в соответствии с УПК, можно было провести вначале доследственную проверку, которая наверняка привела бы тем же самым выводам, что и затянувшееся следствие. Это сэкономило бы время, нервы, силы, деньги, что, в свою очередь, позволило бы заняться настоящими делами, которые уже вопияли о внимании к себе.

Но доблестные чекисты «копали и взрыхляли носом землю», не щадя себя, а ещё больше подследственных. Мужики настолько увлеклись работой, что и не заметили, как миновали предусмотренные УПК два месяца. Правда, другой момент оказался более заметным: следствие успешно зашло в тупик. Ни один из подследственных ни на миллиметр не приблизился к скамье подсудимых в заветном качестве подсудимого же.

И что сделали «по-прежнему доблестные» чекисты? «Отпустили» всем подозреваемым – и отпустили всех подозреваемых? Признали факт избыточной бдительности... избыточным и даже несостоятельным? Как бы не так: они продлили сроки следствия по делу ещё на месяц! Спустя месяц, который истёк так же «плодотворно», как и два его предшественника, они ещё раз продлили сроки – и вновь на месяц. И лишь после этого в областном УКГБ вспомнили завет «железного» Феликса относительно параметров настоящего чекиста: «горячее сердце, но холодная голова».

Во исполнение установки «отца-основателя» чекисты остыли, и принялись раскидывать мозгами. Раскидывать пришлось недолго... по причине небольшого объёма работ. Итогом пасьянса явилось решение вспомнить за УПК и перебросить «дохлое» дело в областную прокуратуру «по подследственности». «Внезапно» – по истечении четырёх месяцев следствия – оказалось, что признаков интересующего состава преступления в действиях подозреваемых не усматривается. Зато в них, опять же «внезапно», были усмотрены признаки «очень преступной» халатности, повлекшей за собой... ну, и далее по тексту соответствующей статьи УПК.

Для большей убедительности был даже определён кандидат в «стрелочники»: им оказался заместитель директора завода по транспорту. Вот ему – на всякий случай – и предъявили обвинение. В прокуратуру дело пришло уже с пышной «сопроводителкой»: «по обвинению заместителя директора завода гр-на такого-то в совершении преступления, предусмотренного статьёй такой-то».

Почему на роль «козла отпущения» избрали именно этого бедолагу? По ознакомлению с материалами – а чести «поднять упавшее знамя» удостоили именно старшего следователя Иванова – Александр Сергеевич уже не сомневался в том, почему. Нет, не потому, что «ты виноват лишь тем, что хочется мне кушать». Вернее, не только потому. Это тоже имело место, но главное заключалось в другом: зам по транспорту был... всего лишь зам по транспорту. Этаким «человек ниоткуда, никто и звать никак». Дяденька без родственников, друзей и знакомых «наверху»: идеальный кандидат в «козлы отпущения» с переходом в сидельцы в ударные сроки.

Ознакомившись с кандидатурой соискателя, Москва одобрила выбор товарищей на местах. Ну, вот, не было другого выбора: первоначальные компаньоны соискателя – тогда ещё в качестве всего лишь подозреваемых и даже свидетелей... неизвестно, чего – совсем не подошли на роль «козлов отпущения». К несчастью – как для следствия, так и для бедного зама по транспорту – все обросли «мохнатыми лапами» до Москвы включительно. Такого «йети», как говорится, «не замай»! Вот и пришлось «замать» первого встречного... точнее, подходящего на роль «козла».

Дело спустили «вниз», да не позволили «спустить на тормозах», хотя оно само уже «спускалось». А не «спустили» потому, что... Ну, вот, нужно было наказать... хоть кого-нибудь: ведь «прогремели на весь свет»! Как итог – промежуточный, конечно – дело поставили на двойной контроль: областной прокуратуры и отдела административных органов обкома партии.

Иванов оказался в классической ситуации: между молотом и наковальней. Во второй уже раз. Точнее, между вторым «комплект из молота и наковальни». Первый составили правда жизни и правда дела. Согласно правде жизни, «Карфаген должен быть разрушен». Ну, вот, потому что «хочется... им кушать»! Но этой правде начала перечить другая: правда дела. «В лице» так называемого «социалистического правосознания» старшего следователя Иванова. Оно вопияло на тему «что такое ничего и как из него сделать что-то». По этой правде сделать не получалось ничего. Ну, вот нечего было делать... кроме дачи вольной бедолаге заместителю.

Не обнаруживался в его действиях даже этот скромный – в сравнении с «умыслом на теракт» – состав преступления.

Увы, но настоящая правда – а на Руси их всегда на выбор – оказалась... анекдотической: ошибку совершил тот, кому и положено её было совершить. А именно стрелочник. Настоящий, без кавычек. Дяденька, «временно нетрудоспособный» по классической русской причине, не туда перевёл рельсы, в результате чего и состав пошёл не туда, а «совсем даже по бездорожью». Хотя состав-то был – одно название: порожняк в старых, рассыпающихся вагонах.

Но «стрелочник» неблагородного происхождения оказался на удивление благородным человеком. Правда, в истинно русском духе, не вполне соответствующем классическим представлениям. Узнав о случившемся, и вспомнив о хрестоматийном предназначении «стрелочника» в подобных случаях, он принял мужественное решение: допить всё недопитое к моменту перевода стрелок. Испил, так сказать, чашу сию.

В «чаше» оказалось так много, что этого «многого» оказалось слишком много для одного человека, будь он даже самым Ильёй Муромцем. Старый пьяница не был Ильёй Муромцем, а потреблённой лично им дозы хватило бы на троих таких, как он. Ну, как того яда чёрной мамбы, который глупая змея расходует, почём зря. (Не познакомилась в своё время с установкой «экономика должна быть экономной»).

В результате, ещё и дела не возбудили, ещё проверка только «разгоралась», а на стол комиссии уже легла драгоценная бумага с «золотыми» словами эксперта областного бюро СМЭ о том, что «смерть наступила в результате отравления алкоголем (этиловым спиртом)». Казалось бы: вот он – выход для всех! «Преступник» обнаружен, состав – налицо, факт смерти – ещё больше! Бери и списывай дело на такого хорошего, такого понятливого стрелочника... здесь можно и в кавычках!

Сколько было в практике Иванова, да и не одного его, таких дел, когда сама жизнь – в лице ответственных товарищей – вынуждала к поиску «стрелочника», нахождению его... на кладбище и «загрузке» по полной программе! И ничего: все были довольны! Потому что – классика: «и «волки сыты, и овцы целы»! «Волки», естественно – алчущие крови чиновники, «овцы» – «смирненные агнцы Божии» с нижних этажей исполнительной власти.

Попытались двинуть «проторённой дорожкой» и на этот раз.

Но оказалось совсем не то, что казалось. Оказалось, что «Здесь вам не тут! Здесь вам не позволят водку пьянствовать, и безобразия нарушать!». Оказалось, что Москва... отказалась. Отказалась дать добро. Москве требовался пример, который «другим наука». Москве нужен был живой пример. Во всех смыслах живой, а не только в переносном. Да и кандидатуру зама директора на роль «козла отпущения» там уже утвердили: товарищ подходил по всем параметрам... для участи «гражданина».

И Иванову тоже велели подойти. Велели подойти к этому вопросу со всей ответственностью – во избежание появления в его служебной характеристике «убойной» строчки о том, что «политику партии и правительства понимает неправильно». Повеление было дано в одной «весомой организации», даже более весомой, чем КГБ: в обкоме партии.

Для большей увесистости довода обком сослался на вышестоящую инстанцию. Куда более вышестоящую, чем Господь Бог: Отдел ЦК КПСС.

Поначалу Иванов проявил вопиющую несознательность: заявил, что он не только не член партии, но и не член ВЛКСМ. Дескать, из комсомольских штанишек вырос, а до партийных так и не дорос. Товарищи «из весомай организации» шутку – в телефон – выслушали, но не поняли. А, не поняв, тут же стали объяснять следователю, насколько сильно он не понят по причине уже собственного недопонимания. Всё опять получалось в духе установки «Здесь Вам не тут!». К этому времени Иванов давно уже был на хорошем счету, как следователь – и совсем даже наоборот, как гражданин и «участник социалистического строительства». Последним он так и вовсе не считался. И это не было предположением: так прямо его и определили «по совокупности преступлений».

Первое из них он «совершил», когда отказался пойти навстречу пожеланиям первого секретаря Старогородского райкома партии. Пожелание касалось привлечения к уголовной ответственности руководства единственного в районе РСУ: ремонтно-строительного управления. Формальные основания для «взрывления почвы носом» имелись: материалы районного Комитета народного контроля о приписках объёмов выполненных работ, и, соответственно, хищении государственного имущества в особо крупном размере. Местный отдел БХСС также отметился «на фронте борьбы за соцзаконность». Там же, в РОВД и возбудили дело, которое немедленно «отгрузили» прокуратуре. И – не только в связи с исключительной подследственностью. Но это уже выяснилось чуть позже.

Дело передали Иванову: он считался в прокуратуре специалистом по «дохло-хозяйственным» делам. Уже первое ознакомление лишило Александра Сергеевича иллюзии быстрой «разгрузки»: многое «не билось» и «не увязывалось». Назначенная им комплексная ревизия только добавила сомнений. Нет, отдельные факты подтвердились, но при этом значительно ужались в размерах. Да и объяснение большинству из них нашлось, и вполне объективное. Те же факты, которым не нашлось объяснения, не «катали» на хищение в особо крупном размере.

Кроме того, совокупностью материалов дела не подтверждался умысел на совершение приписок с целью последующего хищения государственного имущества. Оказалось, что дяди и тётки вынуждены были «давать стране угля». А что делать: план – и хоть застрелись! РСУ участвовало в соцсоревновании, областная контора – тоже, лишиться переходящего Красного знамени никто бы не позволил, вот товарищи «сверху» и попросили руководство РСУ «сделать всё возможное и невозможное». Руководство попросило о том же самом коллектив – и план, как принято было говорить в узких кругах посвящённых – то есть, всех, без исключения – «натянули». Не «вытянули», а именно «натянули».

«Излишек» строительных материалов пришлось списать на «выполненные работы». Но только на бумаге: материалы «зачадили» до худших времён. Никакого эксклюзива: все так делали. Потому что в эпоху «развитого социализма» иначе было нельзя. Это лишь Христос мог советовать не думать о дне завтрашнем: жизнь учила другому. Особенно жизнь в условиях сплошного дефицита.

Ревизия подтвердила, что часть материала – в наличии на складе.

Но был ещё и другой склад, о котором узнал только Иванов. Узнал он об этом исключительно по причине симпатии, внезапно вспыхнувшей к нему со стороны товарищей из РСУ. Почувствовав «нестандарт» следователя, который, прежде чем «нагрузить» избранных «козлов» составом преступления, захотел разобраться в заслуженности «груза», люди честно сознались в содеянном.

Содеянное заключалось в том, что часть материалов они «заныкали» «на неофициальное ответхранение». Ну, на тот случай, когда «жареный петух» клюнет. А ведь и случай, и «петух», как установил Иванов, явно не относились к категории «science fiction». Таким, не вполне нормативным созданием ненормативных запасов коллектив избежал бы гарантированного простоя, невыполнения плана, неполучения премии и бестолковых авралов.

Иванов сразу вспомнил армию, когда они вместе с остальными дежурными по роте в ударные темпы создали из «списанных» или «неоприходованных» элементов постельного белья стратегический запас. Создали на тот случай, если неосознательные солдаты растащат простыни и полотенца «на хозяйственные нужды». Так и было: нередко простыни работали сырьём для подворотничков. А спрос – с дежурного по роте: «твоя недостача – твои проблемы!» Но сержант сержанту – «друг, товарищ и брат»: «У меня сегодня не хватает столько-то, но ты ведь знаешь, сколько лежит в НЗ. А за мной „не заржавеет“: восполню». И восполняли: «изыскивали возможность». Не от уголовных наклонностей: жизнь заставляла...

Ситуация с РСУ показалась Иванову почти «родственной». Многие

в этом деле «не било» и «не катило». А тут ещё «узналась» деликатная подробность: ещё до проверки КНК товарищ первый секретарь райкома обзавёлся «большим личным зубом» на начальника РСУ. Тот «неправильно понял политику партии и правительства» – и отказался за счёт средств РСУ достраивать шикарную дачу местного «гаулейтера». Такая же участь постигла и дачу начальника Старгородского РОВД, отчего тот не менее активно встал «на защиту социалистической законности».

Просчитав всё «плюсы» и «минусы» дела, Иванов решил прекратить его. А поскольку товарищи из отдела БХСС регулярно интересовались судьбой дела, случилось то, что и должно было случиться: «нет ничего тайного, что не стало бы явным». Узнав о «самоуправстве какого-то, там, следователя», Первый секретарь райкома вызвал к себе обоих – следователя и прокурора – и устроил лекторий на тему статьи шестой конституции СССР о «руководящей и направляющей». Иванов послушал, но не послушался, в результате чего другой «зуб» первого секретаря начал расти уже «в его направлении»...

Но однократного факта «непонимания политики партии и правительства» Иванову, видимо, показалось мало – «и второй раз закинул старик невод». Во второй раз первый секретарь пожелал, чтобы следователь прекратил дело в отношении очень нужного для района чело-

века, обвиняемого в халатности, повлекшей за собой смерть четырёхлетней девочки. Правда, «желал» первый секретарь весьма своеобразно:

– Ты кто такой есть?! Ты думаешь, что я забыл историю с РСУ?! Ты что, на всю партию замахваешься... в моём лице?! Да ты знаешь, что я могу с тобой сделать... от лица партии?! Ты понял меня?

– Понял, – смиренно опустил очи долу Иванов, – но дела я прекращать не стану. Хватит с меня.

«Хватит с меня» не носило характера политической конфронтации: так далеко «оппозиция» Иванова не заходила. Всё объяснялось много проще. Несколько лет назад он действительно «пошёл навстречу» в аналогичном случае, и отказал в возбуждении дела в отношении очень нужного человека... для другого района. А, пойдя навстречу, сам же и «пошёл в обратном направлении»: попросил отменить постановление об отказе в возбуждении дела.

Настоящее же дело Иванов вёл с самого начала: с того момента, как посадил выловленный из котлована труп девочки рядом с собой на заднее сиденье «уазика». Ну, вот, не на чем было везти труп в морг: «содействительность в действии».

– Вот тогда я и решил: будь что будет, а это дело я доведу до конца.

– Тогда я доведу до конца тебя! – взревел первый секретарь. – Вон отсюда!

«Разобравшись» с Ивановым, партбосс развернулся к прокурору района:

– Что за анархию Вы развели у себя в прокуратуре?! Забыли статью шестую Конституции?! Так я, кажется, уже знакомил с ней Вас и этого анархиста! Завтра чтобы лично доложили мне о прекращении дела! Свободны!

«Свободны!» адресовалось только прокурору: Иванова уже «освободили» фразой «Вон отсюда!». В коридоре, трясущимися руками надевая пальто, бедный прокурор не менее трясущимися губами прошептал:

– Александр Сергеевич, придётся тебе прекратить это дело...

– И не подумаю, Пётр Николаевич, – тут же «согласился» Иванов.

– А что мне прикажешь делать?!

Иванов пожал плечами.

– Ну, приказать не могу, но могу посоветовать.

– Ну?!

– Дайте мне письменное указание о прекращении дела, а я письменным же рапортом на Ваше имя откажусь его исполнять! Обе бумажки Вы сдадите завтра этому «козлу» – и с Вас взятки гладки!

– А ты, Александр Сергеевич?!

– А я доведу это дело до конца... а фигуранта – до скамьи подсудимых.

На следующий день прокурор «на полусогнутых» прибыл в райком, и смиренно расписался перед секретарём в бессилии. Разумеется, грехи Иванова тут же были суммированы, и доложены, «куда надо», как по вертикали, так и по горизонтали...

...И, вот – новый «состав преступления». Опять Иванов демонстрировал «вопиющее непонимание политики партии и правительства». Правда, на этот раз «куратор от лица партии» оказался полной противоположностью «товарищу из района». Хотя – уже другая «правда» – «товарищ из района» к тому времени перестал быть не только «товарищем из района», но и просто товарищем. Иначе говоря, перешёл в категорию граждан. Должность-то первого секретаря райкома – выборная! А номенклатура – это не обязательно передвижение между этажами одного учреждения!

Да и характеристику себе первый секретарь заработал соответствующую: «не оправдал высокого доверия». Какого рода было это доверие, насколько высоким оно было, и чем именно его не оправдал товарищ, Иванов не знал, да и не стремился узнать. Главное, что товарища задвинули – и именно на то место, с которого и выдвигали: главным инженером угольной

шахты. Спустя всего пять месяцев от «низложения» Первого и произошла их новая встреча с Ивановым.

Как же непохожа была эта встреча на две предыдущие! Прямо, «куда, куда вы удалились весны моей златые дни?». Бывший «Первый» неожиданно попался на «помощи» некоей «артели художественных промыслов и ремёсел». Оказание «помощи» осуществлялось государственным крепёжным лесом и металлом. Тем самым, который предназначался для укрепления лав и штреков. «Помощь» отнюдь не предполагалась бескорыстной. Доказательства этого, как и полагается, в присутствии понятых, были извлечены из карманов и стола главного инженера. Всё это фиксировалось на видео, столь экзотическое по тем временам.

Главный инженер не выдержал такого надругательства над «кристально чистой партийностью»... и упал на колени, орошая слезами ботинки Иванова. Как порядочный человек, Иванов не стал поминать бывшему «первому» былое. Он «вытирал ноги о товарища» молча, и от этого его «греховное» удовольствие не становилось меньше.

И «главный» не привередничал. Больше того: намекни Иванов на «оказание дополнительных услуг» – и бывший Первый отслужил бы не только губами, но и задом...

Глава вторая

Заведующий отделом административных органов обкома партии товарищ Городецкий изрядно «потёрся» на нижних этажах всевозможных «комов», для того чтобы с порога безмозгло объявлять себя: «Мы, Николай Второй...». Исключительно в силу этой причины Иванова встретила не холодная надменность недалёкого чинуши, а «доброжелательная» улыбка пройдошливого царедворца. И не одна встретила – на пару с протянутой рукой. Да и ту Завотделом протянул первым.

– Здравствуйте, уважаемый Александр Сергеевич!

Заведующий излучал не просто радость – счастье – от лицезрения столь приятного собеседника.

– Чай? Кофе?

Иванов опешил. И то: не иначе, как мир перевернулся?! В жизни своей он не видел столь обходительного партийного чина. А, если совсем точно – не «столь», а любого. За время контактов с чиновниками от КПСС он пришёл к твёрдому убеждению о том, что «обходительность» и «номенклатура» – понятия несовместимые. И вот – первое исключение. Неожданное, приятное... и настораживающее.

– Благодарю... но я вызвал на сегодня много людей... потому что много дел...

Александр Сергеевич сходу принялся выказывать себя, неприглаженного и не выставочного. Но завотделом не обиделся. Напротив, лицо его только прибавило в улыбке.

– Понимаю, понимаю, уважаемый Александр Сергеевич. И заранее прошу меня простить за то, что отрываю Вас от насущных дел... Сами понимаете – служба... Но я не стану задерживать Вас без нужды. Только один вопрос, Александр Сергеевич: как там наше дело?

– Ваше? – так и не попытался исправиться Иванов.

Если завотделом и опешил, то лишь на мгновение. Уже в следующее мгновение лицо его вновь расцвело дружелюбной, почти открытой, почти беззаботной улыбкой, и он шутливо погрозил визави пальцем:

– Ох, и ёж Вы, Александр Сергеевич!

Шутка показалась Иванову – ибо таковой и была – формата «в каждой шутке – доля шутки». За шутливыми интонациями ему отчётливо послышалось «ёж твою мать!». Не зря послышалось: товарищ Городецкий имел репутацию серьёзного человека, приверженца установки «Никто не забыт – и ничто не забыто». Он никому, никогда, ничего не отпускал, и при первой же возможности на вполне законных основаниях, с милейшей улыбкой добряги-людоеда, съедал обидчика не только с кашей, но и с говном. «За обеденным столом» он был принципиальным, но небрезгливым.

– Но Вы, конечно, правы.

Городецкий по роли – или в плановом порядке – решительно посерьёзней лицом.

– Речь – о деле, которое стоит на контроле у Первого...

Завотделом ткнул «пальцем в небо», и совершил выразительный маневр бровями.

– ... и не только у него.

– Слушаю Вас, – непочтительно покосился на часы Иванов, столь же непочтительно не испугавшись «потолочных» намёков собеседника. Но и при наличии оснований Завотделом опять не изменил амплуа: улыбнулся якобы смущённо, правда, глаза его при этом отработали автономно от улыбки. Глаза были правильные, начальственные: «будет и на нашей улице праздник, сукин ты сын!».

– Я хотел узнать у Вас, уважаемый Александр Сергеевич, как там «наш» зам по транспорту?

И опять прилагательное, звучно ударенное голосом, шло в сопровождении многозначительного взгляда. Иванов слегка удивлённо выдул губы, и пожал плечами.

– Насколько мне известно, по состоянию на сегодняшнее утро он был ещё жив.

– Смешно, – не улыбнулся Завотделом. – Если я верно понял Вас, он звонил Вам сегодня утром?

– Вы меня верно поняли.

– Звонил по поводу сегодняшней встречи?

– Нашей с ним, – художественно приподнял бровь Иванов.

Лицо Городецкого расцвело одной из бесчисленных улыбок.

– Конечно, конечно, уважаемый Александр Сергеевич: не нашей же с Вами!

Погасив улыбку, завотделом выдержал многозначительную паузу. Классически многозначительную: в её образовании участвовало не только отсутствие слов, но и присутствие мимики.

– А, кстати, он не в курсе нашей встречи? Нашей с Вами?

Классическое «я возвращаю Ваш портрет» состоялось, и Иванов почти одобрительно усмехнулся.

– Вы хотите знать, не ввёл ли я его в курс? Нет, не ввёл.

Лицо Завотделом максимально прибавило в приятности. Он даже закричал, то ли от удовольствия, то ли от другой мажорной причины.

– И как он Вам показался, Александр Сергеевич?

– Сегодня утром?

Городецкий рассмеялся и опять шутливо погрозил визави пальцем.

– Ну, Александр Сергеевич! «Сегодня утром?»! И такая стопроцентная невинность на лице! Как говорят некоторые из наших общих клиентов: «Перший сорт!».

Насчёт «общности клиентов» товарищ Городецкий преувеличивал совсем немного. «В детстве», правда, уже далёком, он окончил юрфак ЛГУ, и некоторое время работал следователем прокуратуры. Правда, совсем недолго: партийный долг обязал служению партии в буквальном смысле – и перспективного товарища определили в инструкторы райкома. Оттуда ему уже не было исхода, да и быть не могло. Разве что, «ногами вперёд».

– Нет, Александр Сергеевич, меня интересует то, как он чувствует себя... ну, вообще, что ли?

Улыбка исчезла с лица Городецкого так же быстро, как и появилась. Глаза его смотрели по-прежнему доброжелательно, но сквозь эту доброжелательность заметно пробивалось что-то от кобры. Именно от кобры. Не от гюрзы, не от эфы, не от гремучника – от змеи не столь прямолинейной, деликатной... и ещё более ядовитой. Да и в глаза визави завотделом «пополз» аналогичным манером.

– Это – в качестве «назначенного в козлы отпущения», что ли? – «по традиции отдерзился» Иванов. Надерзил, то есть: не дерзнул на дерзость.

– Можно и так.

На этот раз Зав даже не улыбнулся, по причине чего Иванову оставалось... тоже остаться без улыбки.

– Н, что ж... Мне показалось, товарищ понимает... что недолго ему осталось ходить в товарищах. Правда, не понимает, за что.

– А Вы не пытались ему объяснить? – частично вернулся к улыбке Городецкий.

– «Ты виноват лишь тем, что хочется мне кушать»?

Иванов не только не убрал глаз с дороги начальственной улыбки, но даже спрямил неделикатный взгляд. Зав усмехнулся, и покачал головой.

– Ох, Александр Сергеевич, Александр Сергеевич... Хороший Вы человек... и следователь хороший... Но помяните моё слово: не умрёте Вы своей смертью. Поверьте на слово

партийному бюрократу: даже в эпоху развитого социализма нельзя быть таким... не по годам развитым. Это очень плохо отражается на состоянии.

– Карьеры?

– Здоровья.

Городецкий уже совсем не улыбался. Расхотелось улыбаться и Иванову. К легковесной мимике не располагал и характер – колючий, неуживчивый и прямолинейный. Характер, он которого он не мог избавиться так же, как верблюд – от горба: судьба, что ли, такая.

Правда, судьба судьбой, а он и не хотел избавляться. Потому не хотел, что имел неправильные взгляды на жизнь и её составляющие. И такими неправильными они были у него, что даже сама жизнь не смогла не то, что исправить их: хотя бы поправить. Недаром сказано: «... посеешь характер – пожнёшь судьбу». «Сказка – ложь, да в ней намёк...». Только для Иванова уроком она никак не становилась. В свете этой минорной констатации перспективы старшего следователя районной прокуратуры выглядели незавидными. А, если совсем точно – отсутствующими. Да, он не собирался делать карьеры, но другие-то собирались! В том числе, и за его счёт...

– Возможно, – «испортился» лицом Иванов: не счёл нужным притворяться, или не нашёл резервов. – Но «раз пошла такая пьянка», вот Вам «последний огурец»: я намерен прекратить уголовное дело в отношении замдиректора.

– Почему?

Бровями заведующий отработал предельно экономно: большое дело – опыт.

– Я никогда не привлекал «стрелочников», особенно тех, которых «спускали» «сверху».

– Благородно...

Городецкий с усталым видом откинулся на спинку кресла.

– ... и глупо... Жаль, уважаемый Александр Сергеевич... Очень жаль... Выходит, напрасно я звонил Вашему прокурору...

– Звонили?!

Хотя ситуация располагала, Иванов не стал кривить лицом, а всего лишь экономно двинул щекой.

– Зачем Вам понадобилось это? Я хотел сказать: зачем нужно было пугать старичка? Не ровён час, «даст дуба»... Он хватается за валидол уже от звонка из райкома, а тут «целый» обком!.. И зачем же Вы ему звонили, позвольте узнать? Неужели всерьёз рассчитывали на то, что он «даст мне ц. у.», и я немедленно «возьму под козырёк»?!

– Нет, – мило улыбнулся заотделом. – На это я и не рассчитывал.

Я всего лишь хотел узнать о Ваших настроениях из первоисточника.

– А в итоге нагнали страху на старичка.

Под всё ту же милую улыбку и без отрыва от спинки кресла Городецкий якобы с сожалением развёл руками.

– Так получилось.... Только я не виноват: в отличие от Вас, Александр Сергеевич, Пётр Николаевич «политику партии и правительства понимает правильно»... Но на «ниве устрашения» я отработал не напрасно. Кое-что о Ваших настроениях мне стало известно... в дополнение к информации о Ваших «антиобщественных взглядах».

– Об «антиобщественных взглядах»?!

Иванов попытался «остаться в лице», но далось ему это с большим трудом. И то: не каждый день на тебя вешают «политическую статью».

– Например?

– Например, то, что Вы собрались увольняться. И это – правильное решение. Для Вас. Для государства, если, конечно, говорить объективно, это решение ущербное.

– Потому что земля держится не на китах, а на дураках?

– В том числе, и поэтому.

Городецкий в очередной раз отставил улыбку.

– Не считайте мои слова данью высокому слогу. Такие люди, как Вы, не нужны отдельным чиновникам, но нужны стране. Даже – государству, при всей парадоксальности такого утверждения. Вы, надеюсь, «в курсе» разницы между понятиями «страна» и «государство»?

Иванов усмехнулся.

– «Государство – аппарат насилия для подавления большинства в интересах меньшинства».

Съехав щекой набок, Городецкий медленно поводит головой из стороны в сторону. Лицо его давало нерафинированную смесь различных эмоций: от уважения до пренебрежения включительно.

– Надо же: Вы дали сталинскую формулировку! Не Маркса, не Ленина – Сталина!.. Да Вы просто напрашиваетесь, уважаемый Александр Сергеевич! На очень большие неприятности напрашиваетесь! Может, на последние в Вашей жизни. Прошу не понять меня буквально: Вы же знаете, что сегодня можно зарезать и без ножа.

– «Убей меня нежно», как сказал один писатель?

– Вот именно.

Кривя губами, чтобы не слишком подрагивали, Иванов потрепал мочку уха.

– Что ж, приятно слышать угрозы в свой адрес в таком серьёзном учреждении, как Ваше. Здесь разбрасываются многими словами, но только не такими...

– Боязно? – «посочувствовал» Городецкий.

– И приятно, – не сдался Иванов. Как тот «гордый «Варяг». —

Значит, жизнь не зря прожита.

– Да не прожита ещё! – раздражённо – впервые с начала беседы – поморщился Городецкий: припекло. – Не прожита!.. Но может... если Вы и дальше будете противопоставлять себя обществу.

– А вы – общество?

Городецкий чуть слышно скрипнул зубами: и по причине «отказа в доверии», и потому, что расслышал местоимение с прописной буквы.

– Ну, хорошо – государству. Только от этой перемены для Вас лично ничего не меняется.

– А могу я узнать, что Вы сказали прокурору дословно?

Брови Городецкого на законных основаниях полезли наверх. И то: вместо того, чтобы «проникнуться и осознать», визави переключался на второстепенные... даже третьестепенные вопросы. Переключался с такой непосредственной заинтересованностью, словно важнее ответов на них для него ничего больше не существовало.

– Дословно?!

Непритворно пытаюсь вспомнить, завоетделом наморщил лоб.

– Ну, я не помню... Так – «печки-лавочки»... Поговорили, что называется, «о погоде»... Ну, там, о грядущих партийных конференциях, о съезде... Ах, да: я попросил его не нагружать Вас другими делами – с тем, чтобы позволить Вам спокойно... относительно, конечно... разобраться с этим.

– И он...

– Пообещал, что не будет.

– Куда уже дальше! – покривил щекой Иванов. – Я и так нагружен «по самое не могу»! И так – четырнадцать только «подрасстрельных» дел, не считая мелочевки... А тут ещё дежурство по району: каждый день – два-три трупа. А это – два-три часа отвлечения на пустяки...

Городецкий улыбнулся и развёл руками.

– «Я сделал всё, что мог – пусть другой сделает больше!»...

– Вашими бы словами... Впрочем, и на том спасибо...

«По сценарию для подобных встреч», после этой фразы должно было наступить весьма неловкое молчание. Но на этот раз оно не получило ни единого шанса на самое себя: оба участника постарались. Первым «воспротивился» Иванов – и всё по той же причине: «к мандатам почтения нету»:

– Если Вы не возражаете – вернёмся к нашим баранам...

– Слушаю Вас, – улыбнулся Городецкий, уже чуть менее приятно, чем прежде: явно «садились батарейки».

– Нет, это я Вас слушаю, – ещё приятней улыбнулся Иванов.

Городецкий – опять же вопреки «сценарию» – и не подумал смутиться.

– Жаль, Александр Сергеевич... Очень жаль...

– Вы ещё скажите: «С нами – а не наш»! – ухмыльнулся Иванов. Завотделом хлопнул себя по ляжкам, и, отбросив номенклатурную чопорность, покатылся со смеху.

– Ну, молодец! – утирая слёзы, простонал он. – Даже Горького к месту ввернул! Потому-то и жаль, Александр Сергеевич... Но – в сторону лирики...

– «Я пришёл к Вам, как юридическое лицо к юридическому лицу»?

И новая цитата была к месту, только зав даже не улыбнулся.

– Вот именно, Александр Сергеевич... У меня к Вам небольшая просьба...

– Да?

Городецкий неожиданно откашлялся в кулак.

– Вы не могли бы... оставить мне это дело?

– На съедение? – хмыкнул Иванов.

– Для ознакомления, – не хмыкнул зав.

Бровь Иванова приподнялась сама, без усилий со стороны «правообладателя».

– На каком основании, позвольте спросить?

– Ну-у...

Неубедительно прозвучав, Городецкий попытался столь же неубедительно уйти глазами в сторону. Уйти получилось недалеко: визави хватал взглядом не хуже, чем рукой. Поэтому аргументация завотделом больше походила на жалкий лепет двоечника, чем на «железные доводы» столоначальника с четвёртого этажа.

– ... Изучить... понять трудности... может, помочь чем... Помощь нужна?

Иванов безжалостно усмехнулся.

– Ну, разве тем, что мешать не будете... Так, так... Значит, говорите: оставить Вам дело... Разумеется – без «отношения» и без расписки?

Так как Иванов не столько спрашивал, сколько утверждал, Городецкий под «виноватую» улыбку развёл руками.

– Уважаемый Александр Сергеевич, мы же по закону не имеем права...

– Так, какого же х...

– А такого, – не обиделся зав, – что все мы под богом ходим.

Точнее, под разными богами. Я, например, хожу под богом по имени «Первый секретарь обкома»: он – ближайший ко мне «на небе». А он – под «республикой». А «республика» – под богом союзного значения... Да, будто Вы сами не знаете, Александр Сергеевич! Вы же не с Луны сюда десантированы!

Иванов озабоченно наморщил лоб.

– «Областной бог» интересуется этим делом?

– Потому что им интересуется вышестоящий Бог, – покривил щекой Городецкий.

– У него что, других дел нет? – «комбинированно» выдул губы Иванов: и насмешливо, и удивлённо одновременно. – Я не имею в виду уголовных?

По лицу Городецкого основательно проехала ироническая ухмылка, не вполне уместная на лице... официального лица.

– Сказано ведь «пути Господни неисповедимы»...

– Вожжа под хвост попала?

– Может, и так, – спокойно двинул плечом Городецкий. – Так как, Александр Сергеевич: оставите дело? Я верну: честное слово! Могу дать любые гарантии!

– Например? – заинтересованно приподнял бровь Иванов. Городецкий забежал глазами по кабинету – и взгляд его прояснился.

– Например, я могу отдать Вам любое из своих дел!

– Угу, – хмыкнул Иванов. – «Равноценный обмен».

– Не понял? – не соврал завождем.

– Все Ваши дела грузовиком вывези – никто не заметит и не вспомнит! А меня за одно это – в цугундер!

– А если я смогу убедить Первого в том, чтобы решение по делу оставить на Ваше усмотрение?

Чисто механическим движением Иванов пробежался ладонью по щеке. Поворот в разговоре намечался интересный: Городецкий – явно не последний дурак на свете – умел торговаться.

– Но Вы же будете докладывать одному из секретарей!

Завождем уважительно посмотрел на собеседника: парень знал номенклатурные порядки.

– Так и было бы... раньше, но только не в этом случае. Вы правы: «вожжа под хвост попала». Кому-то там, «наверху». И теперь ни с этого дела, ни со всех причастных к нему уже не слезут.... пока мы его не заболтаем.

Под пристальным взглядом Городецкого Иванов отлучился глазами за окно, но задерживаться там не стал. Оперативно «вернувшись в кабинет», он щёлкнул замками кейса и вытащил увесистую папку в «черновой» обложке: переплёта удавалось лишь дело, направляемое в суд.

– Держите.

Дело переключалось на половину стола Городецкого. Зав любовно огладил потрёпанную обложку.

– День на ознакомление даёте?

– Хоть два! – уже вставая, снисходительно махнул рукой Иванов. – У меня почти все документы скопированы в НП. Так, что, отсутствие дела работе не мешает.

Выдержав паузу – так, словно раздумывал над необходимостью продолжения – Иванов посмотрел Городецкому прямо в глаза.

– Даже, если Вы... или Ваши боссы надумаете «потерять» дело, у меня есть, чем его восстановить. Поэтому не стоит и трудиться...

– И в мыслях не было! – обложился руками Городецкий. – Послезавтра верну, честное пионерское!

Одна рука завождем осталась «почивать» на сердце, а вторая уже тянулась прощаться с Ивановым...

Глава третья

– Саша, Пётр Николаевич уже трижды спрашивал тебя!

Заведующая канцелярией Таня – красивая натуральная блондинка лет двадцати пяти, на удивление не дура и мать-одиночка – первой услышала знакомые шаги Иванова, и первой же поспешила к нему кабинет.

– Ну, и что ты сказала? – не глядя на неё, буркнул Иванов, занятый определением «дипломата» под стол. Ногой.

– То, что ты и просил: «уехал по вызову в обком».

– И – как Пётр Николаевич?

Иванов, наконец, высвободил ногу и глаза. Последние тут же включились в ухмылку.

– Выжил после этого сообщения?

Таня рассмеялась: паническая боязнь прокурора всевозможных секретарей всевозможных «... комов» давно уже стала притчей во языцех. И не только в районной прокуратуре: «слух пройдет обо мне по всей Руси великой...».

– Просил тебя зайти к нему сразу, как вернёшься... Кстати, ему звонили из обкома в твоё отсутствие.

– Знаю... Ладно: «объяви меня»...

...Пётр Николаевич встретил Иванова уже на пороге кабинета. Весь его вид, далёкий от прокурорского, вопиял открытым текстом: «не до жиру!». Всё это – взамен «уставного» «Жду – не дождусь!».

– Ну, что, Александр Сергеевич? Как ты?

В прокуроре дрожало всё, что только могло дрожать: губы, руки, ноги, голос и даже глаза. Не прокурор, а живая иллюстрация к строкам Высоцкого: «сегодня жизнь моя решается: сегодня Нинка соглашается».

Иванов улыбнулся – и развёл руки в стороны.

– Выжил, Пётр Николаевич... пока...

– То-то и оно, что «пока»!

Прокурор трясущейся рукой подхватил Иванова под локоть, и лично сопровождал к стулу.

– Садись, Александр Сергеевич. Будем думать.

– О чём? – приподнял бровь Иванов.

– Как жить дальше!

Иванов небрежно махнул рукой.

– Не нагнетайте, Пётр Николаевич! Мало ли у нас было таких дел!

– Ни одного! – неожиданно огрызнулся прокурор.

– В каком смысле?

– В смысле контроля в ЦК КПСС!

– Фуфло, Пётр Николаевич! – опять не захотел «проникнуться» Иванов. – До Бога высоко, до царя далеко! Скоро им будет не до нас!

– Ты думаешь?

По голосу прокурора чувствовалось, что у него уже начало «отлегать» не только от сердца, но и от другого места, куда более чувствительного к воздействиям извне. Он задышал ровнее и даже частично вернул себе привычный чахоточный румянец.

– Так ведь – «новая метла», Пётр Николаевич...

Прокурор закусил губу: отчасти его следователь был прав. Совсем недавно кресло Генерального секретаря ЦК занял Михаил Сергеевич Горбачёв, товарищ относительно молодой, и по всему, деятельный. Отсюда был понятен расчёт Иванова на то, что это, действительно незначительное, дело вскоре потонет в массе куда более серьёзных дел нового Генсека и его

команды. Хотя, наученный жизнью... в номенклатуре, Пётр Николаевич не исключал и другой расклад: делу, напротив, не дадут загдохнуть. Потому что – «вожжа под хвост», потому что «шлея под мантию», потому что «кампанейщина», которая по традиции обязана заканчиваться жертвоприношением, пусть даже и ритуальным.

– Новая-то она новая, Александр Сергеевич...

Прокурор с сомнением покачал головой.

– ... Только я не стал бы чересчур полагаться на фактор «новизны». Да и традиции у номенклатуры – хрен разберёшь: с одного – как с гуся вода, а другому – на полную катушку... И на скоротечность кампании я тоже не стал бы полагаться... Кто знает, как далеко они решили зайти. Может, это и не капания вовсе, а первая ласточка...

Иванов поморщился, и в очередной раз отмахнулся.

– Не накручивайте, Пётр Николаевич! Вы награждаете этих людей отсутствующими достоинствами: мозгами, планами, коварными умыслениями. А у них этого не было, нет и не будет. Новый Генсек будет делать лишь то, что нужно для удержания власти. Так делали все до него, так будут делать и после. Всё остальное – гарнир к основному блюду: умные разговоры, мелкие подачи народу, «громадьё планов»... на бумаге – и никаких дел!

– Ну, не знаю, не знаю...

Пётр Николаевич, вконец расстроенный, нервно забегал пальцами по столешнице. Лицо его посерело от невесёлых дум, а грудь медленно и тяжело колыхалась в такт им.

– ... Может, ты прав, может – нет... Но нам с тобой нужно не на звёзды заглядываться, а смотреть под ноги.

– Не понял? – приподнял бровь Иванов.

– Нечего нам гадать «на политической гуще». Мы с тобой – люди маленькие... А спрос с нас – очень большой. Поэтому мы не можем допустить ошибки в этом деле...

Прокурор в очередной раз испустил тяжкий вздох, и медленно проехался рукой по «заросшему от волнения» подбородку.

– Кстати, мне звонил Городецкий...

– Кстати, я знаю.

– И что он сказал? – «дополнительно умер» прокурор, наплевав на сценарий, предписывавший частичное оживление.

– Сказал, что попросил Вас не перегружать меня делами.

– А ещё?

– Ещё, – усмехнулся Иванов, – сказал, что попросил Вас... упросить меня сконцентрироваться исключительно на этом деле.

– Вот!

Указательный палец прокурора несколько секунд дрожал у самого лица Иванова.

– Вот, Александр Сергеевич – а ты мне говоришь!

– А что я говорю?!

– Всё внимание – этому делу, Александр Сергеевич!

Прокурор от волнения взял такую высокую ноту, что «дал петуха».

«Дача» продолжилась и в следующем предложении.

– Всё внимание!

– А остальные, что: «по боку»?

– Да... то есть...

Пётр Николаевич, пусть и неуклюже, но всё же вывернулся из-под насмешливого взгляда Иванова.

– Что, там, у тебя за дела? Сколько всего?

– Двадцать. С этим – двадцать одно. Четырнадцать – «живых». Все – с судебной перспективой. Все – «подрасстрельные». Плюс ещё хренова уйма «отказных». И материалов, за кото-

рые ещё и не брался – штук десять. Ну, тех – из нового прихода, которые Вы мне отписали за последние две недели.

– «Четырнадцать с судебной перспективой»...

Прокурор ушёл глазами «в параллельное измерение», и зашелестел губами: явно калькулировал. Спустя полминуты он «вернулся», и в заметно улучшившемся настроении.

– Четырнадцать дел в суд, да ещё в областной – это хорошо, Александр Сергеевич! Это очень хорошо! Когда думаешь заканчивать?

Лицо Иванова скривилось, как от зубной боли: как и любого следователя, малейшее упоминание о сроках «убивало» его «на месте».

– В этом месяце дам шесть «на выход». Остальные восемь – в следующем.

– На продление выходить не будешь?

– Не планирую.

– Молодец!

Под вздох облегчения и улыбку на лице прокурор откинулся на спинку кресла.

– Значит, план двух месяцев мы выполняем досрочно!

Пётр Николаевич не шутил: и у следователей прокуратуры тоже имелся свой план. Конечно, негласный, но от этого не менее требуемый исполнением. Планы «спускались сверху» в зависимости от категории района. Старгородской район считался самым бандитским в городе, а, значит, самым «плодоносящим». Отсюда, с каждого следователя прокуратуры этого района «область» требовала ежемесячно «выдавать на гора» – в суд, то есть – не меньше трёх дел областной подсудности, и не меньше трёх дел – районной. Любое прекращённое дело, даже по реабилитирующим основаниям, даже под условием защиты чьей-то жизни и чести, считалось браком в работе и непроизводительным расходом служебного времени.

Обычно «район» – следствие прокуратуры, значит – «давал стране угля». Иной раз и с заметным перевыполнением плана. И тогда «район» хвалили в «области», особенно, если основу плана составляли дела областной подсудности. Ведь сторону обвинения по таким делам представляли «областники». Но бывали и «засушливые» месяцы, когда преступники, «как на грех», не проявляли должной активности, словно не осознавая высоких задач, стоящих перед родной прокуратурой. И тогда план не натягивался и не вытягивался, даже за уши. Следователям приходилось идти на всякие хитрости, чтобы только «закрыть цифры». В суд шла любая мелочевка, от уклонистов от военных сборов до оказания сопротивления работникам милиции, благо, что и с военкоматом, и с РОВД установились подлинно творческие отношения формата: «ты – мне, я – тебе».

Именно поэтому и не шутил сейчас прокурор: четырнадцать делами областной подсудности Иванов закрывал личный пятимесячный план «по расстрелу». За это «область» могла с лёгкостью «отпустить» и недостачу дел «районного звена».

– А что с остальными?

Иванов презрительно скривил губы.

– А-а, мелочевка для района...

– Всё – в суд?! – просиял глазами прокурор.

– За исключением двадцать первого.

Теперь уже лицо Петра Николаевича сморщилось, как от зубной боли.

– Александр Сергеевич, ты не торопись...

– Торопись, не торопись, – махнул рукой Иванов, – а из ничего не сделаешь что-то. Ну, вот, не вижу я в этом деле никаких перспективных блёсток!

– Чего не видишь?

– Ну, криминала в действиях замдиректора.

– А, может, вместе увидим?

Голос прокурора дрогнул настолько искренно, что Иванов даже отказался от текста, ограничившись иронически-укоряющим взглядом.

– А, может, в бездействии увидишь?

Вопрос, казалось бы, шутейного звучания, был исполнен прокурором совсем не шутейно, и «на высоком идейно-художественном уровне». Пётр Николаевич по традиции хватался за соломинку. По этой причине Иванов окончательно решил пощадить самолюбие шефа, и дал ответ на полном серьёзе.

– Увидел бы, когда бы оно было. Так ведь нет его, Пётр Николаевич! Ну, не накачаешь этому бедолаге состав, как ни накачивай! Сплошной «воздух», Пётр Николаевич!

Иванов нахмурил чело, потряс давно не стриженной шевелюрой – и спустился октавой ниже.

– За компанию со всеми я бы ещё пустил его, и то не на первых ролях. Так ведь не дают – и не дадут!

– «За компанию»?

Прокурор оживился на манер гэдээровского артиста Фрица Дица, сыгравшего Гитлера в эпопее «Освобождение»: «Контрудар?! В Померании?!». Иванов даже не удержался от хмыканья – настолько похоже Пётр Николаевич сыграл... нет, не фюрера: надежду на чудо.

– За компанию – с кем?

– Генеральный директор, главный инженер, директор по производству, директор...

– Хватит! – обречённо махнул рукой прокурор: энтузиазма, как не бывало.

– Так ведь это ещё не всё! – «тут же послушался» Иванов. – Есть ещё и чины в главке, которым не только должностная инструкция, но и сам Бог велел...

– Я же сказал: хватит! – поморщился прокурор. – Александр Сергеевич, что у тебя за манера, такая: сыпать соль на раны!

– Так в медицинских же целях, Пётр Николаевич... виноват.

Почувствовав небольшой перебор, Иванов одной рукой прикрыл рот, чтобы уже обеими тут же отработать «Хэндэ хох!». Укоризненно покосившись одним глазом на следователя, Пётр Иванович тяжело вздохнул.

– Эх, Александр Сергеевич, Александр Сергеевич... тут такие, понимаешь дела, а тебе всё шуточки!.. Лучше бы сказал, что делать будем?

– Тянуть резину!

Прокурор скрипнул зубами, и уже изготвился к ответной речи, но, взглянув на абсолютно серьёзного Иванова, передумал и отказался от намерения.

– Ты не шутишь, Александр Сергеевич?

– Я никогда не был так серьёзен, Пётр Николаевич.

– Поделись!

– Классика, Пётр Николаевич!

Вот теперь Иванов усмехнулся.

– ??? – частично ожил прокурор.

– «Или шах помрёт, или ишак сдохнет»! Помните Ходжу Насреддина, Пётр Николаевич?

На лице прокурора обозначилась слабая улыбка. Сомнение в его взгляде боролась с надеждой – и с переменным успехом. Наконец, Пётр Николаевич, как всегда, полурешительно-полуобречённо махнул рукой.

– А у тебя получится, Александр Сергеевич?

– Не впервой, Пётр Николаевич!

Иванов панибратски обнял прокурора за плечи: «время обнимать, и время уклоняться от объятий». Конечно – нарушение «устава», но в меру, особенно в критических ситуациях, это было не только можно, но и нужно. Даже полезно – для сохранения физического и психического здоровья начальства.

- Я бы добавил ещё одну фразу, но она будет совсем «не из устава»...
- Добавь – разрешаю! – снисходительно покосил глазам Пётр Николаевич.
- «Не ссы, Маруся: я – Дубровский!».

Прокурор рассмеялся – как всегда, в половинном формате: полунервно, полуоблегчённо.

- Никакого у тебя почтения к начальству, Александр Сергеевич!

Ни малейшего!.. Ладно: действуй... Кстати, занеси мне дело: хочу ознакомиться с ним.

- В очередь! – усмехнулся Иванов.

- Не понял... – так и сделал Пётр Николаевич.

– Становитесь в очередь, Пётр Николаевич! За товарищем Городецким: он первым захотел ознакомиться.

Пётр Николаевич задумчиво поелозил рукой по щеке.

- Отдал, значит...

Иванов развёл руками.

- Ну, казните меня!

– Ну, что ты?! – махнул рукой прокурор. – Правильно сделал. Не стоит умножать число врагов своих: их и без того хватает.

Брови Иванова от удивления полезли на лоб: прокурор демонстрировал образчик мышления, достойный самой Библии! Обычно трусость Петра Николаевича носила характер исключительно житейский, даже бытовой, весьма далёкий от философского.

– Мудро, Пётр Николаевич, – благодарно не соврал Иванов. – Тем более, что нам с Вами это ничем не грозит... Ну, то, что они там, в обкоме, могут «заныкать» часть документов или даже целиком дело.

- Ты хочешь сказать, что...

– Да, Пётр Николаевич: НП по этому делу – фактически дубликат самого дела. И почти всё – подлинники, хоть и вторые экземпляры. Я, как почувствовал, что начинает «попахивать жареным», сразу же подстраховался. Так, что, отобьёмся, в случае чего. Кстати, Городецкого я уже предупредил. Ну, чтобы он зря не надрывался.

Прокурор с чувством пожал руку Иванова – даже слезу дал.

- Я всегда знал, что тебе можно верить, Александр Сергеевич...

Почти неизбежное «усиление осадков» не состоялось: в самый кульминационный момент дверь в кабинет приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась голова Тани.

– Пётр Николаевич, там к Александру Сергеевичу пришёл этот... ну, замдиректора завода... Я его придержала, но он хочет уйти!

Иванов переключился глазами на прокурора.

- Разрешите, Пётр Николаевич?

- Иди, Александр Сергеевич.

Прокурор «не по уставу» приложился рукой к плечу старшего следователя.

- И действуй сообразно обстоятельствам.

– Буду «тянуть» изо всех сил! – ухмыльнулся Иванов. – Чтобы – как в той сказке: «тянут-потянут – вытянуть не могут!»... Таня, удержи товарища: я сейчас обслужу его...

Глава четвёртая

... – Александр Сергеевич, извините...

Иванов с недовольным видом оторвался от протокола. В дверях застыла Маша, черно-волосая двадцатидвухлетняя девица формата «ничего себе», недавно принятая на должность секретаря-машинистки,

с возложением обязанностей заведующей канцелярией на период отсутствия той по уважительным причинам.

– Чего тебе?

Секретарша замялась.

– Там... пришли заявительницы... по изнасилованию...

– А я тут при чём? – буркнул Иванов. – Эту неделю дежурит Сидоров. Как говорится, «милости прошу!».

– Сидоров с утра уехал в тюрьму, и до сих пор не вернулся!

В Маше плакало всё, что могло: голос, глаза, губы. Плакало очень натурально, правдоподобно, а, может даже, всамделишно. Иванов поморщился.

– Маня, а ты – с какого боку? Тебе – что за печаль? Ты же – на бюллетене?

Лицо секретарша искривило гримасой скорби и неудовольствия.

– Тане срочно понадобилось вести дочку в больницу. Ну, вот она и позвонила мне...

Маша жила в классических «двух шагах» от конторы. Если совсем точно – в пятидесяти. В соседнем дворе. Большое удобство – в одном случае, и такое же неудобство – в другом. Она первой из всех сотрудников оказывалась дома, – но и первой же могла оказаться на работе... и оказывалась. Всегда – по одной и той же причине: «в связи с производственной необходимостью», которая возникала не так, уж, и редко.

Теперь уже искривилось лицо Иванова: перспектива спокойной работы с заместителем директора «блснула» и «накрылась». А всё – потому, что не в традициях следователей прокуратуры – как минимум, этой – было «кидать» друг друга. Дело – житейское: сегодня я тебя выручил – завтра ты меня... быть может.

– А Сидоров когда «обещали вернуться»?

Иванов и сам понимал, что это – всего лишь жалкая попытка отсрочить неизбежное, но так полагалось. Ну, вот, полагалось оборвать все соломинки, за которые по сценарию требовалось хвататься, прежде чем дать «согласие утонуть».

Сквозь кислоту на лицо Маши уже пробилась радость: поняла уже, что порядочный Александр Сергеевич в очередной раз, пусть и вынужденно, готов проявить неизбежную порядочность.

– Таня сказала, что он ей сказал... что...

– Ну, понятно, понятно! – дополнительно «убился лицом» Иванов. – «Кассирша мэни казала, шо вона йий казала...»!..

Несколько мгновений он смотрел в стену, отнюдь не подражая Бодхитхарме, потом обречённо махнул рукой и повернулся к горестно вздыхающему мужику напротив себя:

– Ладно... Товарищ Зайцев... Алексей Петрович, давайте перенесём наше randevu на завтра? Не возражаете?

«Товарищ Зайцев» – щуплый мужик небольшого росточка, лет пятидесяти от роду, в котором не было ничего даже «замдиректорского»: «ни кожи, ни рожи» – обречённо кивнул головой. По всему чувствовалось, что заместитель директора явно не был готов спасать себя. Больше того, он не слишком-то и возражал «утонуть», а если на что и рассчитывал, то лишь на «счастливую волну» в лице старшего следователя прокуратуры Иванова. Так сказать, «надеемся только на крепость рук, на руки друга, и вбитый крюк...».

– Ну, вот и славно!

Придерживая согбенного визави за спину, Иванов лично сопровождал того до двери.

– Я Вам перезвоню, и мы уточним время. До свидания!

Напутствовав замдиректора панибратским хлопком по плечу, Иванов повернул кислое лицо к Маше.

– Что ж, зови... Куда деваться...

Секретарша вышла, и её место на пороге кабинета заняли четыре женщины. Точнее, одна женщина, лет сорока пяти, и три девицы в возрасте двадцати-двадцати двух лет.

– Проходите, садитесь, – «без запятой отбарабанил» Иванов, и, пренебрегая этикетом, первым опустил зад на потрёпанный стул. Традиционно – для первой встречи – робея, новоприбывшие оседлали разнокалиберные стулья вдоль стены, прямо напротив массивного двухтумбового стола Иванова. Некоторое время Александр Сергеевич занимался делопроизводством: определял в сейф бумаги по делу «союзного значения». Наконец, он щёлкнул замком сейфа и «счёл возможным заметить» новоприбывших. Глаз его медленно и устало скользнул по лицам и фигурам, не задерживаясь ни на одном и на одной из них.

– Простите, а кто кого привёл?

Взгляд Иванова остановился на растерянном лице «старшей».

– Вы – потерпевшая?

Женщина покраснела.

– Нет, что Вы!.. Это... вот – они...

– Все трое?

– Да.

Бровь Иванова не поднялась даже на миллиметр: и не такое доводилось и видеть, и слышать. Не смог пробиться на лицо и энтузиазм: работёнка явно предстояла «непыльная».

– Значит – жертвы уличных насильников? – по совокупности причин так и не смог взбодрить он пресный голос.

– Нет, сейчас я Вам всё расскажу!

Женщина, в которой чувствовалось присутствие характера, распрямила плечи, и сделала энергичный вдох.

– А почему Вы? – в очередной раз изнасиловал себя вопросом Иванов. – Вы – свидетель?

– Нет, что Вы, я – мать... вот...

Женщина повела указательным пальцем вправо от себя – и соседствующая с ней темно-волосая девица раздражённо поморщилась.

– Значит, Вы – не свидетель?

Только небольшая примесь издёвки в голосе, и та неуловимая для «гражданских», отличала сейчас Иванова от классического зануды.

– Не свидетель и не потерпевшая?

Женщина растерялась.

– Да... то есть, нет... То есть, я... Ну, в общем, это я их привела...

– Я это понял, – вздохнул Иванов. – И даже увидел. Но полагаю, что сами они расскажут обо всём полнее и точнее Вас.

– А я?

– «Все – в сад!» – даже не улыбнулся Иванов. Хотя, даже улыбнись он, женщина всё равно не поняла бы. Да она так и сделала, о чём так прямо и заявила.

– Не поняла?

– Я прошу Вас посидеть в коридоре. А, если Вам некогда, то я не смею Вас задерживать.

Женщина покраснела, и теперь уже не от застенчивости.

– Вы предлагаете мне выйти вон?!

– Разве?

Если Иванов и «оживился», то одной лишь бровью.

– Я всего лишь «попросил» и «не смел».

– Но ведь это я их привела!

– И Вы полагаете, что этим обрели какие-то процессуальные права?

Иванов «в упор расстрелял» тётку полусонным взглядом, оттого ещё более невыносимым и «где-то даже» убийственным.

– Ваши «подопечные» – несовершеннолетние?

Женщина «упала глазами» на пол.

– Нет...

– Сколько Вам лет?

Иванов уже пошёл взглядом слева направо.

– Двадцать, – опустила глаза «левая крайняя».

– Двадцать один, – не опустила глаз «центровая».

– Двадцать два, – то же самое не сделала (или сделала?) «правофланговая».

Полусонный взгляд Иванова, уже переключившийся на «сопровождающее лицо», исполнился укоризны.

– Ну, вот, видите...

– Что? – старательно «не поняла» тётка, едва ли не закипая благородным возмущением. Не отрывая руки от стола, Иванов лишь приподнял ладонь и повернул её в сторону двери.

– Но ведь это я привела их! – вскочила со стула тётка. – Не имеете права!

– «Не имеешь права! Старший ведь приказал! Нет, ну старший приказал!».

– А?

Недоумевающий взгляд женщины дополнился слегка провисшей челюстью. В отличие от неё, девчонки оказались более догадливыми: фраза из «знакового наизусть» «Места встречи» вызвала дружный смех. Вторично не поняв – зато приняв на свой счёт – женщина побагровела лицом, звучно клацнула замком дамской сумочки, и направилась к двери. Уже взявшись за ручку, она обернулась:

– Но я хотела бы узнать подробности!

– Только не от меня, – ещё больше прокис лицом Иванов. – Я не справочное бюро и не передача «Человек и закон».

– Но Вы-то их будете слушать?!

Иванов поводит головой из стороны в сторону – так, словно говорил: «Ну, не женщина, а крейсер «Варяг»: «Погибаю, но не сдаюсь!»». В другое время он даже расщедрился бы на уважительный взгляд, а сейчас лишь скептически цыкнул сквозь зубы:

– Я бы с куда большим удовольствием послушал того дяденьку, которого мне пришлось выпроводить ради вас... Да, я выслушаю заявительниц, и даже начну копаться в интимных подробностях и прочем «грязном белье». Но сделаю я это не из праздного любопытства, и не по причине извращённого сознания: работа такая... Я понимаю Вас, гражданка: Вы узнали лишь то, что Ваша дочь и её подруга сочли нужным... или возможным рассказать Вам. Все претензии – к ним. Сочтут они иначе – радуйтесь, не сочтут – не взыщите.

Женщина хотела что-то сказать, потом обречённо махнула рукой и вышла за дверь. Иванов повернулся к девчонкам.

– Итак, начнём, помолясь. Только у меня к вам, девочки – просьба: быть предельно краткими. Только – самое главное: кто, где, когда, каким образом? Я понятен?

Нестройными голосами «строй» подтвердил «команду».

– Тогда – кто первый?

Девчонки переглянулись, и захихикали. Как-то совсем не смущённо захихикали.

– Ну?

Иванов устало подпёр рукой подбородок.

- Будем жребий бросать?
- Не надо – я начну.

«Центровая» выпрямила не только спину, но и взгляд. И то, и другое принадлежало красивой девушке с высокой грудью, правильными чертами смуглого лица, и красиво уложенными тёмными, почти чёрными волосами. Это на неё «показала» «сопровождающее лицо», как на свою дочь.

- Весь – внимание, – придавил щекой ладонь Иванов. – Только для начала представьтесь.
- Прохорова Анна Николаевна, двадцать один год.
- Прошу.

Под ещё более кислое лицо Иванов задействовал ладонь уже по линии благородного жеста. Прежде чем начать, девушка соблюла традицию: откашлялась, правда, без помощи кулака.

- Неделю тому назад мы с подругами...
- С этими?

– Да... Так, вот: мы с подругами поехали на дискотеку в Зелёный Дол...

– Отменный выбор! – хмыкнул Иванов. Любой на его месте хмыкнул бы: Зелёный Дол соседствовал с «Шанхаем» – основными поставщиком трупов и изнасилованных не только по Старогородскому району, но и по всем остальным. «Шанхайские» частенько забредали в Зелёный Дол, и всегда с одной целью: в поисках приключений или на голову потенциальных жертв, или на свою задницу. Да и сам Зелёный Дол по линии «производственных показателей» не слишком отставал от легендарного соседа: «давал жизни»... отнимая её. По этой причине эти «заповедные места» посещали только коренные: специфический контингент из наследия двадцатых-тридцатых годов и их потомков. Эти люди никогда не боялись, потому что бояться надлежало их. Классика: «чужие здесь не ходят». И вот – такое вопиющее пренебрежение «техникой безопасности»!

- И откуда вас занесло в сии «благословенные места»?
- С Юго-Запада.
- Всех троих?

– Да, мы все – соседи... из одного дома.

Иванов цыкнул, и покачал головой.

– А ближе Вы не могли поискать приключений на свою... а теперь и мою задницу?

Юго-Запад являлся бурно застраиваемым «спальным» районом города, а, по сути, отдельным городом на триста тысяч душ. От Зелёного Дола, а равно «Шанхая», он отстоял на двадцать километров, да и то – по прямой... которой не было. Добраться туда с Юго-Запада можно было лишь «на перекладных» с тремя пересадками. Даже мужественные таксисты, априори непривередливые – при условии хороших денег – отказывались ехать туда. А, если кто и соглашался, то лишь до просёлочной автобусной остановки, на которой автобус останавливался классические «раз в полгода». Конечно, попадались и отдельные героические личности, готовые совершить подвиг... из расчёта «трёх счётчиков на душу населения».

Но, как и любых других героев, этих можно было счесть по пальцам одной руки: ряды редели. И не только – ряды желающих. Потому что – уже другая классика: «Только он не вернулся из боя».

- Ближе не могли...

Девушка ушла глазами в сторону. Это показалось Иванову странным, и вместе с тем... показательным. Иначе говоря: ещё до начала работы, уже было, над чем работать.

– Ладно, извините, что перебил. Больше не буду.

– Принято, – «не по уставу» хмыкнула девушка. – Ну, вот... Мы там... потанцевали, конечно... выпили лёгких коктейлей...

- Этих?

Иванов звучно щёлкнул указательным пальцем по кадыку. Девчонка не смутилась, даже напротив – усмехнулась.

– Не без того... В общем, всё было, как обычно...

– Вы, что: завсегдатаи? – еле сдержал в себе обывателя Иванов. Да и то: одна поездка – это одно дело, а «как обычно» – совсем другое! – Может, и знакомых встретили?

Прохорова опустила голову, но Иванов заметил, как глаз её исподлюбья обстрелял подружек. Обстрелял так, словно испрашивал согласия, а заодно «ориентировал». Те попытались «рассредоточиться», но недостаток профессионализма не мог не сказаться: глаза выдавали. Да и кожные покровы лица в этот момент совсем, уж, предательски, не отличались белизной. Пришлось Иванову сделать в памяти «зарубку номер два».

– Мне повторить вопрос?

Прохорова вздохнула, и, не поднимая глаз, покачала головой.

– Да, там мы встретили одного знакомого...

– Одного?

– Да, – основательно – «в переводе на литературу»: «предательски» – дрогнула голосом Анна.

Иванов старательно не заметил дрожи.

– Фамилия знакомого? Ну, или хотя бы имя?

– Ну...

– Ну?

– ... Руслан Явлов...

– Чеченец? Ингуш?

– Вроде этого, – индифферентно пожала плечами Анна.

Иванов отклеил лицо от ладоней, и молча уставился в «заявителя». Взгляд его оказался настолько беспардонным и продолжительным, что та не выдержала:

– Что?!

– Не обидишься на меня за вопрос? – приоткрыл глаз Иванов, «не снимая глаз с лица «ответчицы».

– Постараюсь...

– Знакомый... по имени Руслан Явлов... встретился вам не случайно? Так сказать, не попался по дороге?

Вот, чего девчонки не умели делать, так это «держать удар». Наверняка, они умели очень многое, как в постели, так и за её пределами, но «сохранять лицо» ещё не научились. Именно поэтому они дружно и очень заметно, как в плохой пьесе, вздрогнули, после чего растерянно забегали глазками по сторонам.

– Догадливый, – первой «вернулась к образу» Анна. Даже сверх того усмехнулась. Не зря она с первого «обхода» показала Иванову безоговорочным лидером троицы. – Да, это он пригласил нас...

– Иначе говоря, это он достал вам билеты?

– Да.

– На всех троих?

– Да.

– Из расчёта – по одной на душу населения? – почти невинно приподнял бровь Иванов.

– Как Вы можете такое...

Неожиданно оборвав себя, Анна махнула рукой.

– Ну, в итоге вышло, что да... Хотя приглашал он только нас... Ну, нас двоих... Как Вы говорите, «из расчёта два на два».

– Вас – это...

– Меня и Лену Келлер...

Анна повела глазом направо. Соседка – красивая лицом, высокая, длинноногая, несколько костлявая на вкус Иванова девушка с роскошными белокурыми волосами, распущенными по плечам, ещё ниже опустила голову.

– А мужчин должны были представлять Руслан и...

– ... ещё один наш знакомый по имени Магомед... Магомед Яхьяев.

– Сплошные «Магомеды», – неделикатно покривил щекой Иванов. – Ну, да это – дело вкуса. И что было дальше?

Теперь уже Анна вопросительно приподняла бровь.

– «Дальше» – это когда?

– Когда Вы встретились... где-то. Кстати, где именно?

Словно удивляясь наивности взрослого мужика, девица передёрнула крутыми плечами и даже скорчила рожу... из красивого лица:

– У входа, конечно.

– Они были вдвоём?

Обычный – «на вкус» постороннего лица – вопрос застал девицу врасплох. Она попыталась «согласовать ответ» с товарищами по несчастью, но те настолько квалифицированно рассредоточились взглядами на полу, что попытка «по pasaran». Пришлось девушке «согласовывать ответ» с самой собой.

– Да, вдвоём... поначалу.

– Вынужден бестактно «зацепиться», – художественно «опреснил» щеку Иванов. – Кто да кто?

Девушка поморщилась – и попыталась уйти глазами.

– Мне повторить? – как всегда на работе, не оказался джентльменом Александр Сергеевич.

Анна закусила губу, но вздыхать на манер романтической героини – из провинциальных барышень – не стала.

– Не надо. Это были знакомые... или друзья Руслана... Я как-то раз видела их вместе...

– Если я верно понял, Вы хотите сказать, что до этого уже встречались с Русланом, как минимум, один раз? Так сказать: «эх, раз, ещё раз...»?

Иванов не был бы следователем, если бы... не оказался им и на этот раз. Адекватно реагируя на «беспардонность» визави, Анна отработала челюстями настолько художественно, что их хруст слышен был, наверно, и за дверями кабинета.

– Насчёт «хотите сказать» – это... Я так не говорила... Я вообще не хотела бы об этом говорить... Но Вы правы: я действительно встречалась с Русланом и раньше.

– Характер встреч?

Полусонная щека Иванова уже вернулась в объятия ладони. Возможно, именно это обывательское телодвижение вкупе с отсутствием подтекста в вопросе и «расхолодило» потерпевшую. Она не только утратила бдительность, но и сама легкомысленно дёрнула плечиком и скорчила рожу.

– Ну... мы познакомились на одном вечере в центре города...

– Танцы до упаду? – лениво приподнял бровь Иванов.

– Да.

На контрасте с предшествующим текстом, Анна вспыхнула: дерзко, почти «не по уставу».

– И? – без труда игнорировал дерзость Иванов, хотя «на учёт» её, всё же, поставил.

Девица неожиданно смутилась.

– Ну, после этого мы ещё раз встретились...

– После чего?

Иванов прямолинейно и даже нагло «оперпендикулярил» взгляд.

Лицо Анны прибавило в цвете.

– Ну, мы... ну... это...

– Переспали, – даже не потратился на вопросительный знак Иванов. – Значит, я не ошибся: «эх раз, ещё раз...». Да?

Соседки Анны хихикнули. Это было показательно: вот тебе и подружки! Сама же Анна ещё ниже опустила голову, но тут же выпрямилась уже с дерзким взглядом на лице.

– Да, переспали! Это – преступление?

Не снимая сонного выражения с лица, Иванов спокойно, почти равнодушно, двинул плечом.

– Нет – всего лишь факт. А заодно – информация к размышлению.

В отличие от товаров, продолжающих хихикать и обмениваться взглядами, не слишком уважительными по отношению к подружке, Анна поняла намёк. И не только поняла, но так прямо об этом и заявила:

– Я Вас понимаю, товарищ следователь. Девуца уже... как это у вас называется...

– ... «вступила в половую связь», – «подсказал» Иванов.

– ... потом снова пришла на свидание... будем называть вещи своими именами...

– Разумно, – «одобрил» следователь.

– ... а потом заявляет об изнасиловании... Классическая шантажистка. Наверняка, получила отставку, а теперь или взаимности домогается, или вымогает что-то взамен. Не так ли, товарищ следователь?

– Вам бы «опером» работать, милая... хм... хм... девушка.

Несмотря на усмешку в полусонных глазах, Иванов так и не оторвал щеки от ладони.

– Только не будем забегать вперёд. Давайте соблюдать последовательность... Итак, Руслан встретил Вас у входа в этот «гадючник»?

Щека Анны неожиданно искривилась в усмешке.

– Насчёт «гадючника»...

– Тогда – насчёт встречи? – тут же «поправился» Иванов.

– Ну-у... В общем – да...

– Только Вас? То есть, лично Вас, или «вас» с прописной буквы?

Впервые за время общения девушка посмотрела на Иванова с неожиданным интересом и даже симпатией.

– А Вы – интересный мужчина, товарищ следователь... Нестандартный... В другое время я бы, не задумываясь...

– Тронут оказанным доверием, – почти достоверно «потупил взгляд» Иванов. – Но из «другого времени» давайте вернёмся в настоящее... То есть, уже в прошедшее по отношению к настоящему...

– Хорошо: вместе с Русланом был Магомед – если это Вас интересует...

– «Интересует»...

Лицо Александра Сергеевича художественно деформировала болезненная гримаса, явно «от чистого сердца».

– ... Как говорит «русский народный пословица»: «сто лет маку не родило – и голоду не было»... Очень меня «интересуют» подробности Вашего межнационального адюльтера! Так «интересуют», что спасу нет! Особенно, с учётом хреновой уймы «подрасстрельных» дел в этом сейфе, которые мне, кровь из носу, надо выдать в плановые сроки!

«Не пропадёт наш скорбный труд...»! Иванов не зря «надрывался у микрофона». Неподдельное безразличие следователя к тому, чему девушки придавали, как оказалось, несвойственное значение, произвело должное впечатление на контрагента. Как и все прочие заявительницы, эти больше всего опасались «избыточного мужского любопытства» молодого ещё мужчины – а любопытства-то и не случилось! Следователь откровенно скучал и совсем не выражал «плотоядного» удовольствия от прихода заявительниц. По этой причине девчонки

заметно успокоились, и теперь были готовы «исповедоваться» перед Ивановым, как перед близкой подругой. Анна – явный лидер троицы – не составила исключения.

– Извините, товарищ следователь... Можно узнать Ваши имя-отчество?

«Лёд тронулся, господа присяжные заседатели!» – воскликнул бы великий комбинатор. Иванов же только лениво пошевелил губами:

– Александр Сергеевич... не Пушкин.

Возможность штампованной хохмы со стороны девиц была «убита в зародыше», и тем оставалось лишь доверительно хохотнуть в ответ.

– Ещё раз извините, Александр Сергеевич, – почти улыбнулась Анна. Этой почти улыбки члену Иванову хватило для того, чтобы обеспокоиться за свой внешний вид... «ниже ватерлинии». Девица того стоила... как и многообещающий взгляд её бесстыжих, отнюдь не страдальческих, глаз.

Зазвонил телефон. Зазвонил, как всегда, неожиданно и не вовремя: разговор только выходил «на пик». Иванов нехотя снял трубку.

– Да... А с какого хрена?!

Ни в чём не повинная трубка шлёпнулась на рычаги. Некоторое время Александр Сергеевич «отводил душу» посредством вполне различных матерков, пока, наконец, не врезал пальцем по кнопке селектора.

– Маш, этот хрен по фамилии Сидоров ещё не вернулся, что ли?.. Твою мать!.. Что случилось», «что случилось»?! Опять труп – и опять не мой, а «чужого дяди»!.. Ну, совершенно же невозможно работать!.. А куда я денусь?!

Иванов опять подверг насилию селектор, и некоторое время раздражённо барабанил пальцами по столешнице, традиционно для таких случаев уставившись в никуда. Наконец, он поднял глаза на девиц и обошёл их всех по очереди почти извиняющимся взглядом.

– Девчонки, я – буквально на двадцать минут: «подниму» труп, «отпишу» его – и тут же обратно! Дождётесь?

– А куда мы денемся?! – кивая на телефон, усмехнулась бедовая Анна, «по-родственному» уже закидывая ногу на ногу – так, что микроскопическая мини-юбка оказалась не в состоянии прикрыть совсем даже не микроскопические и очень аппетитные бёдра. Правда, Александр Сергеевич этого не видел: он с головой погрузился в работу... с сейфом, куда определял на временное жительство документы со стола.

– Ну, вот и славно!

Даже вынырнув головой из сейфа, Иванов не восхитился зрелищем соблазнительницы и её соблазнов: уже «отсутствовал в кабинете» – хотя бы в мыслях.

– Тогда – «все в сад»!

Препроводив заявительниц в коридор, Александр Сергеевич схватил со стола подхватил «боевую» – латаную-перелатаную – кожаную папку, закрыл дверь на замок, и «по дороге»... в туалет заглянул в приёмную.

– Маня, так я поехал. Кстати, там, в коридоре, я оставил заявительниц...

– Поняла: на моё попечение?

Иванов усмехнулся.

– Если сбегут, я не буду в претензии – ни на них, ни на тебя.

– Поняла, – ещё раз, теперь уже под улыбку, «поняла» Маша, возвращаясь к пишущей машинке...

Глава пятая

Через тридцать пять минут, почти уложившись в «плановые сроки», Александр Сергеевич вернулся. Девчонки, с сигаретами в зубах, встретили его в палисаде у входа в прокуратуру. Встретили, как и курили: вразброд, каждая сама по себе.

– Ну, вот, – без энтузиазма покривил щекой Иванов: надеялся, всё же, на другой исход. На исход заявительниц в неизвестном направлении. – Как сказал один товарищ: «Не пройдёт и полгода – и я появлюсь».

На ходу, перед самыми дверями, он подхватил под локоть Анну.

– Мамзели, прошу на второй тайм!

Подружки молча выстроились в затылок друг другу и тронулись согласно «табели о рангах»: первой – Анна, второй – Келлер, «пока ещё незнакомка» – замыкающая. Не соблюдая этикета – войдя в кабинет первым – Иванов рухнул в кресло, и, как наждачной бумагой, прошёлся скрежещущим «ветеранистым» носовым платком по мокрому лбу.

– Продолжим... Итак: картина под названием «случайная встреча у входа в „гадючник“». Докладчик – Прохорова Анна Николаевна... Сударыня – Вам слово.

С почти достоверной застенчивостью «докладчик» потупила взор.

– Ну, меня... всех нас у входа в... пусть будет в «гадючник»... встретили Руслан с Магомедом... Там, внутри, мы познакомились с остальными... хм... как бы это...?

– Членами трудового коллектива, – полусонным голосом «помог» Иванов. Анна и остальные девчонки рассмеялись. Контакт намечался – к установлению самого себя. Для дела, пусть ещё и не существующего, это было хорошо. А, если и не хорошо, то полезно.

– Да, спасибо, товарищ следователь... Александр Сергеевич...

Уточнение было многозначительным. Ещё многозначительней оказался взгляд Анны, «обещавший радости рая», и уже не из ромansa.

– И каковы были числом те, остальные? – мужественно преодолел искушение Иванов.

Девушка поморщилась: воспоминания явно не относились к числу приятных.

– Ещё двое...

– То есть, всего – четверо?

– Да.

– И?

Анна в очередной раз замялась.

– Ну... всё было нормально...

– В каком смысле?

Иванов и не подумал отказаться от роли «банного листа». Осознав бесперспективность афронта, «докладчица» принялась шумно отдуваться.

– А, если углубить? – опять «не снизошёл» Иванов.

Девушка «смущённо» уставилась в пол.

– Ну... мы... это...

– Вы – «это», а я – «не»! – вдруг оппонировала молчавшая доселе третья подружка, самая неказистая из всех: ниже среднего роста, с рядовым лицом, рядовыми ногами, обычными тёмно-русыми волосами, правда, с хорошо сформировавшейся грудью и коварным взглядом.

– Представьтесь, пожалуйста.

Иванов опять вернул щеку «в объятия ладони».

– Михалёва Люда... Людмила... двадцать два года.

– И что Вы «не», Люда... она же – Людмила?

Михалёва покраснела.

– Ну... в том смысле... что я с ни с кем...

Девушка искала слово – и не находила его. Пауза затягивалась – и Александр Сергеевич «пошёл на джентльмена»:

– Ни с кем не уединилась. Так?

– Да.

Михалёва отметилась в следователя тёплым, почти благодарным взглядом. Контрастируя с ним, взгляды подружек, обращённые на Людмилу, были совсем другой энергетики. Подружки и не скрывали осуждения «третьей из трёх» за её афронт, как сегодняшний, так и тогдашний.

– В переводе на русский язык, – продолжил киснуть лицом Иванов, – Анна Прохорова и Елена Келлер вступили в половую связь с «лицами кавказской национальности» ещё в «гадючнике», официально именуемом Домом культуры Старого города?

Испепеляемая «дружелюбными взглядами подружек», Михалёва уклонилась только глазами, но не текстом:

– Да.

– Ты просто нам завидуешь! – нервно покосилась в её сторону Келлер, сколь красивая, столь и недалёкая, как и большинство красивых женщин.

– Было бы, чему! – не осталась в долгу Михалёва. Келлер моментально вспыхнула, обещая «подружке» совсем не «прелести рая».

Прохорова удержалась, но только от текста. Оба взгляда, которыми она последовательно обошла Келлер и Михалёву, явно не относились к числу одобрительных. Неконтролируемой откровенности девица явно предпочитала дозированную правду, наверняка полагая её более полезной для судьбы дела и всех его фигурантов.

– Могу я узнать состав «творческих» дуэтов? – поморщился Иванов: дело нагромождалось, как снежный ком, и этим только запутывалось.

Прохорова и Келлер исподлобья обменялись смущёнными взглядами: не разучились ещё. Михалёва, как «третий лишний», «отсутствовала». Первой отсмущалась Келлер – и захихикала, что её реальному образу подходило много больше потуг на мысль. Правда, хихикала она соло: Анна в этот момент «боролась сама с собой». И, только, «проиграв схватку», махнула рукой.

– А, ладно: всё равно узнаете... В общем, я была с Русланом, а Ленка – с Магомедом...

– Хотя Ленка не возражала бы и против обратного «расклада», – неожиданно хмыкнула Михалёва. Задетая за живое, Келлер ещё раз «задействовала огнемёт». Прохорова лишь усмехнулась. Тоже – молча.

Иванов вздохнул, и, презрев эстетику, совсем «не по-дворянски» почесал за ухом, недовольно кривя при этом щекой.

– Подробности, если можно.

Поскольку Анна молчала, взгляд следователя переключился на Михалёву. Та, если и вспыхнула румянцем, то в глубине души.

– Лена... ну, Келлер... встречалась с Русланом и раньше...

– Иначе говоря, вступала с ним в половую связь?

– Да.

– А Прохорова?

Михалёва неожиданно закашлялась, чересчур старательно «для борьбы с инородным телом в горле». С десятков секунд Иванов терпеливо ждал восстановления потерпевшей рабочих кондиций. Так и не дождавшись, он обратился за разъяснением «к первоисточнику» – одними глазами, без текста. Анна, только что испепелявшая взглядом подружку – заразилась от Келлер – опустила глаза.

– Да, я тоже была с ним...

– «In flagranti delicti»? – почти зевнул Иванов. Глаза Прохоровой честно округлились.

– Виноват, – покривил душой Иванов. – Вы не обязаны знать «Похождения бравого солдата Швейка». Большинству хватает «Букваря». Поэтому даю перевод: «In flagranti delicti» – значит: «в постели». То есть, Вы тоже были с упомянутым Русланом в постели.

К удивлению Иванова, Анна неожиданно покраснела. Честно говоря, тот и не рассчитывал на подобную реакцию. За неимением оснований.

– Ну... в общем... да...

– А с Ибрагимом?

Брови Анны стремительно выгнулись.

– С каким Ибрагимом?!

– Тьфу, ты! – хлопнул себя по ляжке Иванов. – Вертится в мозгах: «Все они – Ибрагимы!»... как в «Белом солнце пустыни»... Ну, вот я и... Конечно же, не с Ибрагимом – с Магомедом?

Анна нахмурилась – и покосилась на Келлер.

– С ним была только Лена...

Келлер вспыхнула, но вступить в дискуссию не успела: Иванов решительно хлопнул ладонью по столу.

– Ну, вот мы и закончили с предисловием! Подведём, так сказать, промежуточный баланс: до randevu в «очаге культуры» Келлер имела половую связь с Русланом и Магомедом, Прохорова – с Русланом, Михалёва половых связей...

– А... – попыталась возмутиться Келлер. Попытка не удалась: Иванов «сыграл на опережение»:

– ... с указанными лицами...

– ... А-а-а!

– ... не имела. Так?

За отсутствием реплик Иванов «огласил приговор»:

– Так! Ну, а теперь мы переходим к тому, что было после... Кстати – «после чего»?

Общий для всех, вопрос адресовался одной Прохоровой. Вероятно, как наиболее сообразительной. Откровенно недоумевая, та пожала плечами:

– Ну... после вечера... разумеется.

– Значит, Вы были до самого «финального свистка»?

– Ну, да.

– И когда он раздался?

Анна попыталась обменяться взглядами с Келлер. С тем же успехом она могла обмениваться взглядами и с письменным столом Иванова – настолько «мужественно» отразила этот взгляд Келлер, сама пребывающая в растерянности, правда, «бараньего» типа.

– В начале первого ночи, – «вошла» Михалёва, явно не сострадав растерянности подруг.

– Почему это помните только Вы? – «плеснул бензинчику» Иванов.

Усмешка на лице Михалёвой стала злорадной и почти мстительной.

– Потому что они и не могли ничего помнить.

– Обе?

– Да.

– Это ты «лепишь» потому, что тебя никто не захотел! – не выдержала Келлер. – И правильно: кто на тебя позарится?!

– Нет, не потому! – не дрогнула Михалёва. – Будь вы не «в дугу», меня бы не «трахнули за компанию» уже в другом «гадючнике»!

– Ну, вот, и радуйся, что хоть кто-то на тебя польстился, стерва!

Прохорова не поддержала товарку, и обмен мнениями закончился так же быстро, как и начался. Михалёва и Келлер напоследок обменялись «дружелюбными» взглядами, «пожелали друг другу всего хорошего» – и разошлись головами, как пристяжные в упряжке.

Александр Сергеевич «окончательно проснулся», некоторое время хмыкал и водил головой из стороны в сторону.

– Да, ничего не скажешь: хороши подружки... Вот, уж, действительно: «убереги нас, Господь, от таких друзей, а от врагов мы как-нибудь сами уберёмся»...

– А мы и не друзья, – потемнела глазами Михалёва. – И никогда ими не были... Были когда-то подружками... Вернее, думали, что были...

Случайно познакомились на какой-то вечеринке. Так и узнали, что живём в одном доме. «Вот и вся любовь»...

– А чего же ты за нами потащишься?!

Даже не стерпев «понижения уровня», Прохорова снизошла лишь до полуоборота головы. Разумеется, Михалёва – «настоящая подруга» – не осталась без адекватной реакции.

– Дура была!

– А сейчас?

– Да, если бы не твоя мамаша!.. Пристала, как банный лист!

Убийственная – по замыслу автора – ирония ужала глаза Анны.

– То есть, ты – не в претензии? За всё?

– Не в претензии!

Плюя на гордыню, Михалёва не ограничилась полуоборотом.

– В отличие от вас, мне такая реклама ни к чему! Это с вас, шлюх – как с гуся вода! А маманя твоя делает вид, будто не знает, кто ты такая!

– Да я тебя, сучка...

Прохорова не успела «реализовать дружеские намерения»: только что полусонный Иванов уже делал «брек».

– Ну, и реакция у Вас! – уважительно хмыкнула Анна. – Хотя, чему удивляться: вас же обучают... всяким, там, карате...

Иванов не стал разубеждать пребывающую в заблуждении потерпевшую в том, что «всяким, там, карате обучают» исключительно «оперов» – а «мы – мирные люди». Из тактических соображений не стал: заблуждения людей по ту сторону барьера нередко оказывались полезными для следствия.

– Ладно, Анна...

– Николаевна.

– Николаевна. О себе мы поговорим чуть позже, а сейчас давайте закругляться с поводом, который привёл вас сюда. Итак, если я правильно понял: четыре лица кавказской национальности, двое из которых вам – за исключением Михалёвой – были знакомы прежде, предложили, так сказать, продолжить вечер. Так?

Прохорова и Келлер в очередной раз покосились друг в друга: сомнениями делились. Михалёва привычно «отсутствовала».

«По совокупности доказательств» нетрудно было понять, что «дружный коллектив единомышленников» – всего лишь «сборная». Как в футболе.

А ещё было ясно, что совместным приключением «дружба» этих, таких разных людей, уже закончилась... и не начавшись.

– Так? – поднажал голосом Иванов. Анна «очнулась», но зазвучала не слишком уверенно.

– Ну, не совсем так... Нам предложили... ну, довезти нас до дому.

– Не нам, а мы! – жёстко отзвенела Михалёва, и даже «огнедышащий» взгляд Прохоров не смог её опалить. – Точнее – вы: ты и Келлер!

– «Келлер»? – «многообещающе» усмехнулась Прохорова, «замещая на реакции» подругу, которая вряд ли смогла бы выдать качественную иронию. – Ты даже не хочешь называть её по имени?

Михалёва не уклонилась только от обмена взглядами. Диалог не состоялся, и Иванов «на законных основаниях» поморщился.

– Так, граждане потерпевшие: отношения будете выяснять за пределами этого кабинета... А сейчас – вернёмся к нашим баранам... Значит, вы сели к ним в машину?

– В автобус, – сухо поправила Михалёва.

– В автобус?!

– Да, в «ЛАЗ».

– И?

Михалёва покосила глазами в Прохорову, словно передавая той эстафету. Анна усмехнулась и покачала головой.

– Спасибо... «подруга»... Ладно: возможно, мы и сами попросили довести нас. Я не помню.

«Предлагая объяснение амнезии», Иванов бестактно щёлкнул себя указательным пальцем по кадыку.

– Возможно, – покривила щекой Анна. Мы там действительно... хм... выпили.

– «Выпили»?

– Хорошо: напились... Чего и сколько, не помню... Но в том, что мы попросили нас довести, ведь нет криминала?

– Разумеется, нет.

– Спасибо, Александр Сергеевич, – в очередной раз многообещающе подалась вперёд Анна. – Иначе как бы мы добрались домой? Как бы мы выбрались из этой «дыры»?

– А вы собирались?

Иванов перебрался удивлённым взглядом на Михалёву: это ведь она озвучила «провокационный» вопрос, которым надлежало «глушить» ему.

И вопрос получился. Он оказался не просто «ударом вразрез перчаток»: он произвёл эффект. Классический: разорвавшейся бомбы. Келлер вздрогнула и ещё ниже опустила голову. А Прохорова закусила губу и сжала кулаки, лишь усилием воли удерживая себя от «воздаяния» подруге.

Афронт Михалёвой всё больше смахивал на «подарок судьбы».

И Иванов не стал противиться фортуне.

– А они действительно не собирались?

– Не собирались. Действительно.

Зашикать девчонку не удалось бы и с третьей попытки. Но «подруги» не сделали и одной: «всё – суета сует». Условия для работы складывались творческие – и Иванов «принялся творить»... и вытворять.

– Прошу подробности.

Михалёва покосила глазом в направлении Анны, уже частично подавленной и хмурой.

– Аня спросила Лену: «Как обратно добираться будем?». А Ленка засмеялась: «Не наша проблема. В крайнем случае, «заночем в гостях»...

По её голосу я сразу поняла, что это значит...

– А Прохорова? Она поняла?

Не поворачивая головы, Михалёва ухмыльнулась.

– Так она у нас – самая сообразительная... С Ленкой хохотали на пару...

– А какого же хуя ты с нами поехала?! – взорвалась Анна. – Такая «небесно чистая» – с такими «грязными шлюхами»?!

Глаза у Михалёвой потемнели, но текста не последовало.

– Вы можете ответить на этот вопрос, Михалёва? – в очередной раз «перебежал» Иванов.

– Могу... Я – ничем не лучше... Я знала... предполагала... допускала, чем это закончится.

- И не возражали против этого?
- Попытка отмолчаться не прошла: Иванов «дал дубля».
- Если бы разбились по парам – нет...
- А разбились не по парам?
- Михалёва неуверенно двинула плечом.
- Ну, вначале... да, вначале было по парам...
- А, кстати, где было «по парам»? А то у нас получается, как у дедушки Крылова: «Слона-то я и не приметил!».
- Людмила честно наморщила лоб.
- Честное слово, товарищ следователь: я там никогда раньше не была... Но показать могу.
- Я была, – под изумлённый взгляд Анны, ни с того, ни с сего «проявилась» Келлер. –
- Раза два, по-моему.
- А...
- С Русланом, если Вас это интересует.
- Келлер позволила Иванову лишь открыть рот – без текста.
- Мы с ним там... ну... хм... хм...
- «Мы с ним там»? – немедленно взял реванш Иванов.
- Занимались любовью...
- Адрес?
- Садовая, двадцать четыре...
- Ироническая усмешка, столь несвойственная простоватой девице, основательно потру-дилась над красивым личиком.
- «Садовая»! Надо же было обозвать этот «гадючник» таким красивым именем!
- «Садовая»? – наморщил лоб Иванов. – Это в «Шанхае», что ли?
- Да.
- Теперь пришёл черёд Иванова кривить щекой в усмешке.
- Знакомый домик: «та ещё малина»! И жильцов его я знаю: и маму, и дочку.
- Шлюхи!
- Пока Келлер усваивала реплику следователя, Анна сходу «въехала в тему». Столько презрения было в её голосе, что, будь пол за дверью кабинета, обязательно удостоился бы плевок. – «Ковырялки» хреновы!
- Может, и так, – бесстрастно двинул плечом Иванов. – Только «не судите – да не судимы будете. Ибо каким судом судите, таким будете судимы»!
- Анна моментально «ушла в запас».
- Так-то лучше... Вернёмся к нашим баранам.... Итак, вас привезли на эту «малину»?
- Анна, Вы, часом, не уснули?
- Нет.
- А как – насчёт ответа?
- Да, нас привезли на «малину».
- Дальше!
- Прохорова замешкалась с ответом, и Иванов немедленно «обратился в следователя»:
- Я, что, клещами должен из вас вытягивать?! Не хотите заявлять – «вот вам Бог, вот порог»! Изнасилование – категория дел частно-публичного обвинения: нет заявления – нет дела! Вопросы?
- «Всё осознав», Анна решительно... откашлялась.
- Знаете, я сразу поняла, что одним Русланом дело не обойдётся...
- ??? – приподнял бровь Иванов. Анна опустила глаза.
- Ну, на Магомеда я ещё была согласна: красивый... горит желанием... стоит, как у коня...

– Но нашлись соискатели и кроме Магомеда?

– Да.

Вероятно, реминисценции оказались настолько «яркими», что Анну передёрнуло от брезгливости.

– Ладно – хозяин: мужик, хоть и с пузом, но толк в любви понимает. Я – не в претензии: «долбил» так, что я за раз трижды кончала... Будет, о чём вспомнить в старости... Но попался ещё один... дегенерат...

Тут все девчонки «в унисон» содрогнулись от отвращения.

– Страшилище со сломанной челюстью... Со слов Руслана, он в детстве упал с коня. Ему нас больше всех хотелось...

– Особенно тебя, – хмыкнула Михалёва.

– Ну, не тебя же! – не задержалась Анна, в том числе, и на подруге.

– Обслюнявил всю, как малолетний щенок...

«Завидую ему!» – «открытым текстом» выдали глаза Иванова, но этим «откровением» следователь и ограничился. Образовавшуюся паузу заполнила барабанная дробь пальцами по столу.

– А этому... уродцу... «давать» нужно было обязательно?

Подружки немедленно «рассредоточились» взглядами. В очередной раз «брошенная под танк», Анна неопределённо повела плечами.

– Ну, как Вам сказать, Александр Сергеевич... Меня лично Руслан попросил. Не знаю, что он говорил Ленке и Люде, но мне сказал так: «Побудь с ним. Он, конечно, отвратный, но нужный человек и очень щедрый: озолотит. И с бабами давно не был»... Ну, вот я и...

Иванов не успел ещё перевести взгляд на Михалёву, а та уже не задержалась с оппозицией.

– Не знаю, что Руслан «напел» Ане, но со мной разговор был короткий: «Иди в комнату!»... А там на мне друг друга меняли Руслан, Магомед, хозяин дома и это страшилище...

Михалёва закусила губу.

– Против Руслана и Магомеда я не возражала: красивые парни... Правильно сказала Анька: будет, что в старости вспомнить... Да и у хозяина член оказался... хм... да... Но этот!.. Даже сейчас я содрогаюсь от ужаса...

– Но хотя бы кончить он смог? – лениво приподнял бровь Иванов.

Людмила согласилась молча, а Анна не ограничилась мимикой:

– Ну, Александр Сергеевич, грешить не стану: член у него оказался в порядке.... Не член – дубинка! Другой вопрос, что это чудовище лезло целоваться. И, ладно бы, в сиську, или хотя бы в шею: в губы! Бррр! Как вспомню – так вздрогну!

Товарки «в унисон» поддержали Аню дрожью и минами отвращения.

– Так, девчонки, – в очередной раз «приговорил» ладонью по столу Иванов. – Подведём очередной неутешительный итог. Значит, когда вы садились в автобус, вы не исключали для себя вероятности половых актов?

Иванов настолько бесцеремонно уставился в Прохорову, что та вынуждена была обойти глазами подружек, но зря. Не получив «шпаргалки», она взяла на себя и ответ, и ответственность.

– Нет...

– Больше того, вы не только допускали, но и желали половых актов?

– Гражданин следователь...

– Я имею в виду, с лицами, с которыми находились на вечеринке?

Анна поникла головой.

– Да...

– Насилие... какое-нибудь насилие в отношении вас применялось?

Анна скосила глаз в Михалёву, словно «доверяя» ответ именно ей. Хотя, возможно, причина заключалась не столько в «доверии», сколько в нежелании вновь наткнуться на ехидный афронт. Люда, пусть и молча, «акцептировала приглашение» – и отрицательно помотала головой.

– Нет... Но мы понимали, что... ну, что мы... ну... не имеем права уклониться...

– Вас били?

– Нет.

– Оскорбляли?

– Нет.

– Словом или действием?

– Нет.

Иванов протяжно вздохнул, и красноречиво поцокал языком.

– То есть, при взгляде со стороны это... как бы точнее выразиться... мероприятие... не произвело бы впечатления изнасилования? Ну, если предположить, что на «малине» оказался бы посторонний человек?

Михалёва замаялась – и переадресовала глазами вопрос Прохоровой. Та скорбно покачала головой.

– Я понимаю, Александр Сергеевич, что Вы можете так думать...

– Отвечайте на вопрос! Могло ли у стороннего наблюдателя...

– ... сложиться впечатление о нас, как о шлюхах? – «отработала на перехват» Анна.

– «Ты говоришь», – обставился руками Иванов.

– ??? – не стала притворяться Анна.

– Это – из Библии... Как иллюстрация к тому, что я, вообще-то, запрашивал не характеристики... Но можно и так.

– Ну, что ж...

Анна тоже недалеко убежала взглядом.

– Тогда на Ваш вопрос я отвечу так: не знаю... Может быть...

– То есть, среднестатистический советский гражданин имел основание подумать о вас, как о шлюхах?

– Среднестатистический – да, – усмехнулась Анна. – Вы, Александр Сергеевич – нет.

– Оскорбление? – покосил глазом Иванов. – При исполнении?

– Нет: констатация факта. Вы, Александр Сергеевич – не «среднестатистический советский гражданин». И не только потому, что Вы – следователь, который обязан непредвзято рассмотреть наше заявление.

– Которого ещё и нет.

Иванов «поставил точку» и лениво pokrивил щекой.

– Ладно, Анна... Николаевна: Вы не остались непонятой. Но о себе – как-нибудь после... А сейчас – вопрос «по существу»: сколько времени вы там пробыли, и сколько половых актов пришлось «на душу населения»?

Не отводя глаз от Иванова, Анна усмехнулась.

– Были мы там сутки «с копейками»... Точнее, около полутора суток... А насчёт «любви на душу населения»...

Она неуверенно пожала плечами.

– Ну, Вы сами понимаете, что «не любовью единой жив человек»...

– Понимаю – и учитываю «перерывы на обед».

– Вот именно: «перерывы на обед» – хмыкнула Анна. – Именно так нас и «драли»: с «перерывом на обед». Да и сами они куда-то отлучались. Дома оставался только хозяин... «Я вам не скажу за всю Одессу», но лично меня «отодрали» четверо, по три раза каждый. То есть, всего – двенадцать «палок».

– А что у нас – по линии извращений?
Усмешка Анны прибавила в кривизне.
– Ну, что Вы: благородные люди! Только – «фас»!..
– А как – насчёт кормёжки?
– Как на убой. Грех жаловаться...
Иванов удручённо покачал головой.
– Но хоть кто-нибудь из них вас ударил? Хоть один? Хотя бы одну?
«Народ безмолвствовал» не хуже, чем в пьесе классика.
– Может, ножом угрожали? Или ещё, каким, смертоубийством?..
Опять нет?
Иванов совсем не благородным образом взлохматил шевелюру на затылке.
– Ну, на волю вы хотя бы просились? О свободе молили своих мучителей?
Одна за всех, Анна неуверенно пожала плечами.
– Ну... вообще-то... после того, как поняли, что... двумя мужиками не обойдётся... Ну, да: просили отпустить...
– Мда: дела-а...
Иванов покачал головой. Уже не удручённо – сокрушённо.
– И каким же образом вам удалось вырваться?
«Шарик – налево» – и «микрофон» вновь оказался в руках Людмилы.
– Хозяин... как его... Салман... уснул с перепоя... остальные куда-то уехали. Ну, мы и ушли.
– Погони не было?
Михалёва промолчала, а Прохорова и Келлер «в унисон» неожиданно смутились.
– Не понял? – старательно, так, «не понял Александр Сергеевич. – Как прикажете это понимать?
Анна покосилась на Келлер. Старательно «уступая дорогу», та «съехала на обочину» – и Прохорова махнула рукой.
– А, один чёрт, узнаете!.. В общем... на следующий день Руслан позвонил Ленке, и назначил встречу. Ленка перезвонила мне. Ну, мы встретились.... Поговорили...
– Предмет разговора?
Анна замялась.
– Ну-у... Так... вообще...
– А конкретно?
На этот раз Анна покосилась на Келлер требовательно и сурово, и той пришлось включиться:
– Ну, он просил нас не обижаться...
– Не «дёргаться» или не обижаться?
– И то, и другое... Нам пришлось рассказать о том, что... нам пришлось рассказать маме...
– А он?
– Сказал, что если мы будем вести себя хорошо, то получим хорошие подарки: джинсы, там, косметику... Всё – фирменное...
– И Вы решили «не обижаться»?
– Получается, что так...
– И в благодарность за это он предложил вам прокатиться до ближайшей кровати?
Келлер густо покраснела.
– Да... Но... Откуда Вы...
– А я – телепат, – почти не хмыкнул Иванов. – Дар у меня такой... Ну, и в каком формате вы встречались на этот раз?

Келлер старательно наморщила лоб. Поскольку морщин там было явно больше извилин, то Александр Сергеевич дожидался ответа так же напрасно, как и песенная старушка – «сына домой».

– На квартире нас уже ждал Магомед, – усмехнулась, куда более догадливая Анна.

– Амур а труа в виде квартета, – «подвёл черту» Иванов.

– Примерно так.

– И от перемены мест слагаемых сумма не меняется.

Иванов даже не стал обставляться знаком вопроса. Анна усмехнулась – и застряла порочным взглядом на лице следователя.

– Александр Сергеевич, когда мы останемся наедине...

– ... то оформим Ваши показания протоколом, – скучным голосом закончил Иванов. – Вопрос на посошок: если всё – тихо-мирно, то какого хрена вас сюда принесло?!

Прохорова и Келлер дружно «ушли в запас», и на авансцену выдвинулась Михалёва.

– Всё просто, Александр Сергеевич: мама Анны.

– А урегулировать нельзя было? Ну, объяснить, что... ну, как это: «не пропадёт наш скорбный труд, и дум высокое стремление»?

– Это – насчёт обещанных подарков? – усмехнулась Михалёва, явно не последняя по интеллекту. – «Дохлый номер»: мама Ани полагает, что её дочка – «синенький, скромный чулочек». Ну, как же: студентка музучилища! Она же не знает, что музучилище – это синоним публичного дома.

Пронизывающим насквозь взглядом Анна тут же пообещала товарке многое и ничего хорошего. Но та не смутилась. Разгадка не составляла труда: эта встреча была официальной, неофициальные закончились третьего дня и новых встреч не предвиделось. Как и «дружбы между народов на все времена».

– Разумеется, Анина мама встревожилась отсутствием «благовоспитанной» дочки, и начала бить во все колокола. Она же не знает о «дружбе между народов», как Вы точно подметили, Александр Сергеевич.

– Вернее, она не знает об участии дочери в этой «дружбе»?

– Да.

– А почему она встревожилась настолько «географически точно»?

Михалёва даже не стала задумываться.

– Наверняка, «точку» «сдал» кто-то из наших общих знакомых, не слишком симпатизирующих Анне. Она ведь не делала секрета из своей «дружбы» с этим «черномазым».

– У меня – хотя бы «черномазый», а у тебя и «белобрысого» нет!

Уже не сдерживаясь, Анна вскочила со стула. Кулаки её были сжаты, а намерения – очевидны. Пришлось Иванову вновь развести «подружек» «по разным углам ринга».

– Так, девчонки: брэк! Все действия непроцессуального характера – пожалуйста, за дверями этого кабинета!

Зад Анны вернулся на место, а взгляд Иванова – на Михалёву.

– Если я верно понял, мама Прохоровой не ошиблась адресом?

– Больше, чем, – усмехнулась Люда. – Она встретила нас в нескольких шагах от «малины». Разумеется, сказка о том, как мы «заблудились», уже «не катила». Пришлось рассказать правду. Вернее, часть её: от всей правды с мамой Анечки случился бы удар.

– Ну, ты и сука! – то ли восхитилась, то ли констатировала Анна.

Ни один из «вариантов перевода» не произвёл впечатления на Михалёву: девчонка уже работала исключительно на себя. Неодобрение Келлер – в виде нецензурного шипения – также оказалось «гласом вопиющего в пустыне».

– Фу-у-у, – шумно выдохнул Иванов. – Чего только не бывает в биологии!.. То есть, инициатором вашего похода в прокуратуру явилась гражданка Прохорова...

– ... Наталья Михайловна.

– А сами бы вы...

– Ещё чего! – буркнула Келлер.

– В том числе, из-за обещанных подарков и Руслана? – отработал «самой невинностью»

Иванов.

– И Магомеда, – солидаризировалась с ним Михалёва, игнорируя ядовитое шипение с обеих сторон.

Некоторое время Иванов молча барабанил пальцами по столешнице, пока, наконец, звучно не опустил на неё ладонь.

– Значит, так, девчонки... Сейчас я выпишу вам постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы... на каждую. Вот по этому адресу поедете в бюро СМЭ.

Он быстро вставил чистый бланк в допотопную «Украину» и застрочил, как из пулемёта, стенографическими талантами вызывая непритворное восхищение всей троицы.

– Значит, вопрос о дефлорации я перед экспертом не ставлю...

– О чём? – наморщила явно не сократовский лоб Келлер.

– Ну, о лишении вас невинности. Этот исторический момент, насколько я понимаю, для каждой из вас имел место в далёком уже прошлом. А, вот, вопрос о наличии спермы...

Иванов оторвал взгляд от листа. В глазах его «прорисовалось» беспокойство.

– Вы после этого... «забега в ширину»... принимали ванну?

Девчонки переглянулись.

– Разумеется, – за всех троих пожала плечами Анна.

– И... подмывались? – дрогнул голосом Иванов.

– Ну, а как же! Мы...

Наконец, догадавшись, Анна оборвала себя, отвесив челюсть и широко открыв глаза. Иванов обречённо махнул рукой.

– И нижнее бельё, конечно, тоже постирали...

Убеждённый в отсутствии альтернативы, он даже не поставил вопросительного знака. Девчонки ещё ниже опустили головы.

– Когда же вы всё это успели?! Когда вы ушли с той «малины»?

Анна наморщила лоб.

– Дня два... Сегодня у нас что: среда?

– Ну?

– Значит, то было в понедельник утром, часов в десять.

Иванов звучно выразился, не расставляя запятых. Единственным цензурным выражением в его речи оказался вопрос:

– А почему не пришли в понедельник?

Анна отмолчалась, но Михалёва не задержалась с оппозицией.

– Так мама Анны ещё не дождала нас.

– А во вторник?

– По той же причине.

Ещё раз отведя душу, Иванов вернулся к машинке.

– Ладно, может, хоть какие-то телесные повреждения обнаружат... Или какое-нибудь венерическое заболевание.

Заявительницы дружно вздрогнули: маленький реванш Иванова состоялся.

– Одежду, в которой были на «малине», хоть не постирали? Ну, слава Богу! Тогда будьте добры принести её мне... ну, хотя бы завтра... Готово!

Иванов вытащил последний лист из каретки, расписался и вручил по экземпляру каждой из девчонок.

– А теперь садитесь к столу, пишите заявления.

Девчонки полумесяцем расселись вокруг стола.

– Что писать? – первой взялась за ручку Прохорова.

Иванов устало откинулся на спинку кресла, жалобно заскрипевшего под его тяжестью всеми своими немощными конечностями.

– В правом верхнем углу: «Прокурору Старогородского района от... дальше – фамилии, имя, отчество, домашний адрес – заявление...»

Иванов прикрыл глаза – и махнул рукой.

– «Такого-то числа в такое-то время такие-то люди доставили меня по такому-то адресу, где в течение... укажите продолжительность... заставляли меня вступать с ними в половую связь»... Так ведь было дело?

– Так, – без отрыва от производства буркнула Анна. – А как закончить?

– «Прошу привлечь указанных лиц к уголовной ответственности». Число, подпись... Закончили? Давайте сюда!

Иванов быстро пробежал глазами написанное.

– Всё правильно. А теперь быстро дуйте на экспертизу: через час она закрывается. Завтра утром жду вас у себя с вещами. А за это время я оформлю Ваши показания, и, если возникнет необходимость, завтра же и доработаем.

Девчонки только начали греметь стульями, как дверь в кабинет приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась голова секретарши.

– Александр Сергеевич, можно Вас на минутку?

– Ждать! – на ходу бросил Иванов. Затворив за собой дверь, он поднял глаза на Машу.

– Ну?

Маша якобы смущённо отвела взгляд.

– Саш, Пётр Николаевич уже не вернётся... ну, и мне тоже надо... пораньше...

Взгляд Иванов скользнул в направлении приёмной.

– Ты, что, уже закрыла дверь?!

– Да.

– Тьфу, ты!

Сберегая народное имущество, а также в силу воспитания, Иванов по-джентльменски ограничился всего лишь «объявлением плевка».

– А что? – не слишком расстроилась Маша.

– Да я хотел зарегистрировать бумажки... ну, заявления девиц!

– Тьфу, ты! – с видимым облегчением продублировала секретарша. – Я-то думала! Завтра с утра и регистрируешь!

– Завтра? – сдаваясь, поморщился Иванов.

– Ну, не возвращается же мне из-за этого?! Плохая примета! А, Саш?

Маша обеими руками подержалась за плечо Иванова. Рукам активно подрабатывали глаза. Почти – классика: «А взгляд её так много обещает...».

– А! – махнул уже своей рукой Иванов, обречённо и великодушно «в одном флаконе». – Ладно. В конце концов, заявление каши не просит.

– Спасибо, Саш! – уже на бегу махнула рукой секретарша.

– Иди, уж, – буркнул Иванов, и открыв дверь кабинета, так и не переступил порога.

– Так, девчонки: быстро – на экспертизу! Завтра в девять утра жду всех троих! Общий привет!

Первой, не глядя на следователя, вышла Михалёва, выдав прононсом что-то вроде «До свидания». Келлер прошла впритирку с Ивановым, и не буркнула, а хихикнула. Наиболее зрелищным... и ощутимым стал выход Прохоровой: ей «не хватило пространства дверного проёма», и она буквально протиснулась между дверным косяком и Ивановым, обеими своими грудями проехавшись по груди следователя. Глаза её при этом совсем не походили на глаза

«жертвы преступления». Контакт оказался настолько тесным и продолжительным по времени, что Иванову пришлось даже «отступить во вторую линию обороны», уступая оперативное пространство атакующей стороне. «Не по уставу развернувшийся» член также пришлось «демонтировать»...

Глава шестая

Проводив клиентов, Иванов первым делом сел на телефон.

– Толик, ты?

На «Толика» откликнулся начальник ОУР (Отделения уголовного розыска) Старогородского РОВД Галимов, по званию – капитан милиции накануне производства в очередной чин.

– Привет, Сергеич! – энергично отозвалась трубка.

– Привет, Толик! За здоровье поговорим как-нибудь после, а сейчас я сразу к делу. Ко мне тут пришли три девицы с заявлением об изнасиловании... Нет, я их уже отослал на экспертизу, так что к тебе они сейчас не подойдут... Запиши реквизиты... Записал?.. Теперь запиши адреса и реквизиты потенциальных насильников... Записал?.. Что? Когда они будут? Вызвал на завтра, на девять утра... Ну, а что ты хотел: до окончания рабочего дня в бюро – меньше часа! А туда ехать полчаса!.. Придут, куда они денутся!.. Что говоришь? «А если не придут»?.. А не придут – хрен с ними!.. Врать не стану: дело – мерзкое... С доказательствами будет хреново... Девчонки сами напортачили... Да и девчонки – «те ещё»... Но это – не по телефону... Да, «подробности – письмом»... Да, надо «колоть» всех ёбарей! Если экспертиза микрочастиц ничего не даст, всё обвинение будет построено только на словах... Мне нужен хозяин «малины» и этот «дефективный»!.. А чего тянуть: прямо сейчас и засылай! Как возьмёте, звякни: я подскочу!.. Ну, пока!

Положив трубку, Иванов с полминуты невидящим взглядом смотрел в окно. Потом, будто страхиная с себя оцепенение, автоматическим движением, не глядя, левой рукой вытащил из тумбочки стола чистый бланк, и вставил его в машинку. Можно, конечно, было, заполнить и от руки, но начальство требовало «культуры производства». Да и печатать Иванов научился быстрее, чем писать.

Заполнив пустую графу под фамилию, он тут же перевернул страницу, и принялся «изливать чужую душу». Использование бланка протокола допроса – свидетеля ли, потерпевшего ли – до возбуждения уголовного дела формально не воспрещалось, хотя и не поощрялось. При доследственной проверке требовалось отбирать всего лишь объяснительные. Но «чтобы два раза не ходить» – а случаев «пролёта» с допросами было, хоть отбавлять – следователи нашли выход: если дело возбуждалось, то протокол шёл в него «под своим именем». Если же в возбуждении отказывалось, то в отказном материале протокол допроса фигурировал уже как протокол опроса. Убиралась всего лишь буква «д» в заголовке, зато как менялся процессуальный характер документа! «Области» не нравилось, но Пётр Николаевич смотрел на это дело, как и положено: никак. Не замечал, то есть.

Иванов так увлёкся составлением протоколов, что на часы взглянул, когда за окном уже начало смеркаться.

– Мать твою – почти шесть!

Звонить в бюро СМЭ было уже ни к чему: народ там подобрался дисциплинированный, и после семнадцати ноль-ноль никого и с собаками было не сыскать. Даже со служебно-розыскными.

– Ладно, завтра придут – сами расскажут.

Едва трубка вернулась на рычаги, телефон зазвонил.

– Молодцы девчонки! – досрочно одобрил «шлюх» Иванов. – Да, слушаю?

– Александр Сергеевич, я так и знал, что Вы ещё на рабочем месте.

Иванов немедленно прокис взглядом: «Городецкий!». Для одного дня это было слишком.

– Да, я ещё на рабочем месте... Слушаю Вас.

– Я не задержу Вас, Александр Сергеевич... Вы не могли бы завтра... ну, скажем, к половине девятого, подъехать ко мне?

Иванов поморщился: он явно поторопился с определением «слишком». Формату этого сомнительного удовольствия только предстояло меняться, и это совсем не радовало: он, рядовой следователь, не заслужил столь «большого счастья».

– Весьма сожалею, но я на девять утра вызвал потерпевших. По делу об изнасиловании.

Намечавшаяся «убойной», информация не прошла даже под внушительный нажим голо- сом.

– Я думаю, мы управимся, Александр Сергеевич, – «обнаδέжила» трубка. – Полчаса на машине – и никаких проблем!

– На какой машине?

– Как на какой? На прокуратурской, конечно!

Предваряя ответ, Иванов усмехнулся в трубку. Для большей иллюстративности.

– Похоже, мы с Вами, товарищ Городецкий, существуем в разных измерениях. Или в разных системах координат. А, может, даже в параллельных мирах... «На прокуратурской машине»! На прокурорской, товарищ Городецкий, ездит только прокурор! А мы, грешные следователи, ездим в автобусах, трамваях, троллейбусах! Если поджимает время, берём такси... за свой счёт... Может, Вы дадите мне машину?

Трубка выразительно закричала в ответ.

– Я, Александр Сергеевич... не могу... То есть, и хотел бы... Но я и сам без транспорта всю последнюю... весь последний день, то есть...

– Ладно, – как рукой, «махнул» языком Иванов. – Проехали... Ну, а что за срочность такая? Давайте встретимся после обеда, когда я буду гарантированно свободен!

Трубка ещё раз закричала в ответ – весьма показательно по времени.

– Видите ли, Александр Сергеевич... дело в том, что Первый...

Ну, в общем, в десять утра я должен буду лично доложить Первому о ходе расследования этого дела.

– Лично? – одним голосом «приподнял бровь» Иванов. – Минутя «отраслевого» секретаря? За что такая честь?

Трубка разрядилась протяжным и очень правдоподобным вздохом.

– Вы правы, Александр Сергеевич: это – тот случай, когда «доверие не окрыляет»... Ну, вот, «не радует»: дело-то – на контроле в ЦК, и не республики – КПСС...

– И чего им неймётся? – в очередной раз не уважил выборный орган Иванов. – Да, у нас в любой прокуратуре – куча дел, представляющих куда больший интерес не только для народного хозяйства, но и для ЦК!

И ничего – на хрен никому не нужно!

– Алек – сан – др Сер – гее – вич!

– Ну, хорошо, хорошо... Но, всё же: что, там, за проблема возникла? Или это – не по телефону?

– Ну, почему? – опять минорно вздохнула трубка. – Просто есть... ну, появились... некоторые моменты, по которым нам с Вами нужно будет согласовать позицию... Ну, что она стала нашей общей.

– Общей?! Нашей с Вами?!

Иванову даже не понадобилось притворяться. При этом он больше рассмеялся, чем удивился.

– Уж, не собираетесь ли Вы и меня потащить «на допрос» к Первому?

– Если понадобится, – резко изменился в голосе собеседник: куда только девалась «человечность»! – и Вы пойдёте, как миленький!

Восклицательный знак в конце предложения априори исключал возможность «обжалования приговора». Разумеется, Иванов – «не новичок в политике» – не стал кочевряжиться больше, чем позволяли характер и ситуация.

– Хорошо: буду...

Положив трубку, он с полминуты отводил душу, потом разорвал лист бумаги напополам, и под тяжкий вздох взялся за ручку:

«Аня! В девять ноль-ноль ко мне придут сегодняшние заявительницы. А меня вызывают в «ЦК»! Задержи их до моего прихода! «Вечно твой – Фокс».

...Уже знакомый милиционер козырнул Иванову в «предбаннике» обкома, и сразу же поднял трубку внутренней связи.

– ... Есть, товарищ Городецкий, понял.

Бережно, словно ребёнка в люльку, положив трубку на рычаги, Александр Сергеевич кивнул головой милиционеру в «конторке». Щёлкнули электрически замки, и дверь открылась.

– Проходите, товарищ Иванов: товарищ Городецкий ждёт Вас.

– «КГБ!» – неодобрительно хмыкнул Иванов, лишь слегка «убавив громкость». Сравнение едва ли польстило бы областному комитету партии: Иванов не любил «наших славных чекистов». И не потому, что «наслушался «Голоса Америки». «Просто» КГБ – через областного прокурора, естественно – пару раз привлекло его к соучастию в своих «героических» мероприятиях, и это произвело неизгладимое впечатление... на его душу: «шрам» остался на всю жизнь. А ведь, казалось, после знакомства с «интимной жизнью» «внутренних» органов его уже ничто не могло удивить.

Ан, нет: оказалось не то, что казалось. На «подведении итогов» не сдержанный Иванов традиционно не сдержался, и, мягко говоря, но грубо выражаясь, противопоставил этих чекистов Феликсу Эдмундовичу с его установкой на «холодную голову» и «горячее сердце». Заодно он «противопоставил себя линии партии»... в лице самозванных «чекистов», которые отождествляли себя с этой линией, даже не пытаясь её придерживаться. Обмен мнениями перешёл в... обмен мнениями о личности Иванова. В глаза «пока ещё товарищу» Иванову было высказано очередное сожаление о «неправильном понимании товарищем политики партии и правительства». За глаза же «товарища Иванова» – уже как «гражданина» – занесли в конduit УКГБ в качестве лица, представляющего несомненный интерес «для активной разработки».

Вот и теперь, увидев воочию «нерушимость единства коммунистов и беспартийных» – из пуленепробиваемого стекла и электрических замков – Александр Сергеевич в очередной раз не мог удержаться от «неправильного понимания политики партии и правительства». Причина заключалась не только в характере Иванова, но и в форме «наглядной агитации». Вот, уж, действительно: «Вышли мы все из народа – как нам вернуться в него?!». Что говорить о нём, рядовом и беспартийном, если даже Петра Николаевича, прокурора района, коммуниста с... дватилетним стажем, члена бюро райкома – и того выдержали в «предбаннике» до получения санкции «сверху»! Выдержали, несмотря на предъявленный партбилет и удостоверение прокурора!

Не переставая хмыкать под нос, Иванов проследовал мимо охранника, уже переключавшегося на очередного «соискателя». Городецкий «обосновался» на четвёртом этаже шестизэтажного здания, по высоте – из-за высоченных, под четыре метра, потолков – превосходящего «ростом» стандартную девятиэтажку. Четвёртый этаж отнюдь не являлся следствием предпочтений товарища Городецкого: всего лишь соответствовал рангу. Классика: «каждый сверчок – знай свой шесток». Все заведующие отделами «селились» на четвёртом этаже. Пятый занимали отраслевые секретари. Ну, а на самом верху, как и положено, обитали «небожители»: секретари Первый, Второй и Третий. «Партийная скромность» обязывала товарища Первого совместить «восьмое» и «девятое» небеса в одном, хотя он и не возражал против обратного расклада.

Как и у всех, более-менее значимых чиновников, у заведующего отделом административных органов тоже имелся секретарь (помощник, референт). Увидев знакомую физиономию следователя прокуратуры, этот товарищ по-канцелярски осклабился – и исчез за дверями кабинета шефа. Возвращался он уже с полусладкой улыбкой на устах.

– Прошу Вас, товарищ Иванов: товарищ Городецкий ждёт Вас.

Секретарь-референт не слишком врал: Городецкий действительно ждал Иванова – даже у самых дверей, да ещё с протянутой для приветствия рукой.

– Здравствуйте, уважаемый Александр Сергеевич! – подсахарил и без того приторную улыбку Городецкий.

– Здравия желаю, – кисло осклабился Иванов: он и назвал бы заведующего по имени-отчеству, да не помнил реквизитов.

– Прошу Вас присаживаться.

На манер джентльмена, Городецкий отработал седалищем «что Вы, что Вы: только после Вас!». Несколько секунд он облучал гостя почти счастливой улыбкой.

– Ну-с, Александр Сергеевич – начнём, что ли?

– Пожалуй... Раньше сядешь – раньше выйдешь...

– Ха-ха! – старательно имитировал смех Городецкий. – Да Вы, Александр Сергеевич – вольтерьянец неисправимый! Никакого почтения к выборным органам!

– А, если – «ближе к телу»? – ещё раз не выразил почтения Иванов.

Городецкий немедленно отставил улыбку.

– Ну, что ж... Я буду прям, Александр Сергеевич...

– Надеюсь на это.

Несмотря на заявленную прямооту, Городецкий с полминуты убежал взглядом и «не находил нужных слов». Наконец, кажется, «нашёл».

– Первый... виноват: с Первого... секретаря областного комитета партии требуют жертв...

– Надеюсь, речь – не о нас с Вами? – приподнял бровь Иванов.

Городецкий покривил щекой.

– Всё Вам – шуточки, Александр Сергеевич... Нет, по счастью, пока нет: не о нас. Пока речь – только о нашем общем знакомом.

– Только о нём одном?

Зав художественно ушёл глазами.

– Ну, если прямо...

– ... как Вы и обещали...

– ... то «наверху» не возражают против «расширения списка»...

Городецкий перестал блуждать глазами и выразительно покосился на гостя. Тот не только не подумал блуждать, но и в очередной раз «не засиделся в окопах».

– И за счёт кого?

– На наше усмотрение.

Зав художественно поработал бровями.

– Делом в Москве занимается лично Заведующий отделом административных органов ЦК!

– Лучше бы он занимался делом!

– Алек – сан – др Сер – ге – евич!

– Хорошо, хорошо! – «смирно отработал «хэндэ хох» Иванов. – Только знаете, что я Вам скажу – а Вы скажете им?

Ещё ничего не зная, но уже кое о чём догадываясь, Городецкий начал терять в окрасе.

– Вот именно, товарищ Городецкий, – усмехнулся Иванов. – «Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения – и не будет ему знамения»!

– То есть?

– То и есть: я не собираюсь подавать беднягу замдиректора на блюде и под пикантным соусом! Хотите забрать у меня дело – забирайте! Можете сами «пристраивать» беднягу «под топор». Но я в таких делах не участвую.

Иванов не выдержал, и, забывшись о месте пребывания, в сердцах врезал кулаком по столу.

– Да, что же Вы за люди, такие?! Слуги народа... хреновы!

– Александр...

– Да, ладно!

Одним лишь взмахом руки Иванов посадил Городецкого на место, от которого тот всего лишь попытался совершить начальственный отрыв.

– Вы знаете, сколько вагонов ежегодно приходит в непригодность или откровенно гибнет как в системе Министерства путей сообщения, так и по ведомствам? Десять процентов от балансового количества!

– Откуда у Вас такие цифры? – попытался развернуть грудь заведующий.

– Газеты надо читать!

Иванов бесцеремонно завернуть грудь ответственного товарища.

– Это открытые сведения – из партийных документов! Десять процентов! А это – десятки тысяч вагонов! А за прошлый год к ответственности привлечено всего десять человек! Да и, какая это ответственность?! Так, для порядка: штраф, год условно! Ни одного лишённого свободы даже за сотни вагонов!

– А это у Вас откуда? – уже осторожнее «вынырнул из окопа» Городецкий.

– Ежегодный обзор судебной практики, – устало махнул рукой Иванов. – Плюс материалы Пленума Верховного Суда и наше ведомственное «что-то».

– И?

Иванов усмехнулся.

– Это – мой вопрос, товарищ Городецкий! В расширенном варианте: «какого хрена Вы взялись за этого бедолагу?».

Городецкий немедленно убежал глазами – и схватился... нет, не за сердце: за телефон. Но прежде он весьма красноречиво оставил кресло.

– Здравствуйте. Это – Городецкий. Мне назначено на десять, но не могли бы Вы спросить Василь Васильича, не мог бы он...

– «Вынужден носить себе дрова на себе для своего дровяного отопления», – вполголоса хмыкнул Иванов – и не остался не услышанным: по причине аллюзии с Райкиным Городецкий покраснел, но изложение ходатайства, всё же, закончил:

– ... принять меня раньше... Да, спасибо: жду.

С минуту зав благоговейно прижимал к уху телефонную трубку. Наконец, он встрепенулся, и, как в строю, «вытянулся во фрунт».

– Могу?! Большое спасибо.

Подрагивая конечностями, Зав обошёл кресло, и принялся суетиться. Во время работы с макулатурой губы у него тряслись, а руки ходили, как и положено, ходуном. По причине «ответственности момента».

– Осчастливили, что ли? – «добавил соли» Иванов.

– Собирайтесь! – честно дрогнул голосом Зав: ничем иным он дрогнуть уже не мог – всё было задействовано в работе.

Иванов закричал, и медленно оторвал зад от стула.

– Мне собираться – как тому голому: поясок подпоясать...

Но как же мы пойдём без согласованной позиции?

– А я Вас «под танк брошу», – без отрыва от макулатуры сознался Городецкий. – Одного. Иванов уважительно покачал головой.

– Спасибо за прямоту. Одна беда: на мне, где сядешь, там и слезешь.

– Но хотя бы пять минут Вы побудете крайним!

Заведующий с беспокойством оглядел кабинет. Вся его трепещущая наружность выдавала открытым текстом: «Ничего не забыл?!». Иванов усмехнулся, и пожал плечами.

– Пять минут – крайним? Ну, что ж: тоже – довод...

В приёмной «самых товарища Первого» им пришлось около пяти минут «дозреть» на стульях у стены: Второй успел «несанкционированно» просочиться раньше. Наконец, вельможный – в обращении с «народом» – референт изобразил из себя ключника Петра у ворот рая:

– Можете проходить, товарищи.

При виде заведующего и «сопровождавшего его лица» Первый и не подумал хотя бы обозначить движение навстречу. И правильно: «нечего баловать мальчонку», пусть и в количестве двух.

– Садитесь, товарищи.

– И на том спасибо, – вполголоса буркнул Иванов, не обращая внимания на помертвевшего от такой непочтительности Зава. А как иначе: «Оскорбление Величества» – это не только про царское время! Первый начальственно медленно поднял... слегка приподнял... тяжёлый взгляд на вошедших. На Городецком он задержался не дольше, чем на предметах интереса, а, вот, Иванов удостоился большей дозы.

– Значит, это Вы и есть?

– Ну, если Вы – о паспортных данных, – усмехнулся следовательно, – то это я и есть. Ив́анов Александр Сергеевич, то есть. «Ив́анов» – с ударением на первом слоге. Как и положено у дво-рян.

Городецкий дополнительно помертвел – и предпринял отчаянную попытку дематериализоваться. Только напрасно он изводил себя: «Первый» даже пепельницу на столе достаивал большего внимания.

– Я не о паспортных данных.

Первый опять «не справился с весом», и вернул тяжёлый взгляд на стол. Но булыжники его слов намертво придавили Городецкого, тщетно пытающегося слиться с «окружающей средой». Хорошо ещё, что тот успел сгруппироваться и отчасти трансформироваться в духа бесплотного.

– Значит, Вы и есть знаменитый «диссидент от прокуратуры»?

– Польщён, гражданин начальник, – приторно улыбнулся Иванов. – «Диссиденты» – не самые бесполезные люди.

Была у Александра Сергеевича нехорошая – и очень вредная для здоровья – привычка: сразу же «лезть в бутылку». Другой на его месте промолчал бы, «прикинулся пиджачком», изобразил мертвенную бледность. Словом, отреагировал адекватно обстоятельствам. Но у Иванова всё было – как у того прапорщика из анекдота: «Здесь Вам не тут!». От любых намёков на чью-то высокопоставленность и собственную подчинённость он заводился «с полуоборота». И дальше «несло» его так, что «об остановиться» и речи уже не было. И ведь понимал Александр Сергеевич, что «язык мой – враг мой» – а ничего не мог поделать ни с собой, ни с ним, вражиной.

Первый улыбнулся – нехорошо и даже многообещающе.

– Узнаю орла по полёту...

– Но у добра молодца не одни сопли в ассортименте, – не задержался Иванов: «уже несло».

– Не понял, – как раз, всё понял «товарищ Первый».

– Если бы это было не так, Вы бы не стали подвергать меня «кулинарной обработке».

Весь диалог «по лезвию ножа» Заведующий старательно «отсутствовал личным имуществом»: «ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу». К чести Первого, тот и не собирался подтягивать его к соучастию: вероятно, знал цену и некупаемость затрат.

– Ну, что ж – логично, – почти одобрительно хмыкнул «гаулейтер». – «Безумству храбрых поём мы славу». Или – песню?

– Что-то поём...

– Ну-ну, – ещё раз «пообещал» «товарищ Первый». – Тогда – Ваше слово?

– Нет.

Городецкий ещё решительней втянул голову в плечи, стараясь хотя бы таким образом укрыться от «смертоносного огня» начальственных глаз. Но Первый и не собирался расходовать понапрасну драгоценную энергию. Оно и правильно: ещё пригодится – для более «достойных клиентов». Секунд двадцать «от получения афронта» он молча выстукивал из столешницы не определяемый на слух мотив. Наконец, его неожиданно пролетарская с виду ладонь решительно «прихлопнула» сомнения.

– Хорошо! И Вы готовы подписаться под этим?

– Готов.

Иванов и не подумал «убирать с дороги» встречный взгляд.

– Готов – независимо от того, под чем «под этим»: под заявлением или «под приговором»... самому себе.

Звучно щёлкнул замок папки: «дипломат» Иванов остерёгся брать – во избежание обвинений в умысле на теракт... по причине негабаритности груза. С листом бумаги наперевес – по традиции непочтительно игнорируя Городецкого – он подошёл к столу Первого.

– Здесь вольный пересказ будущего постановления о прекращении уголовного дела. Вы спросите: почему вольный? Всё просто: часть доводов не носит процессуального характера. Но Вам ведь они и не нужны – процессуальные-то доводы? Вы ведь не юрист.

Бумага легла на стол Первого, а Иванов возвратился на место.

«Гаулейтер» медленно скользнул глазами по тексту, пару раз хмыкнул, пару раз «опреснил» лицо, и, наконец, выпустил лист из рук. «Вольтерьянец» плавно заскользил по столу.

– Ну, что ж, нахально... но убедительно... Значит, Вы считаете, что замдиректора по транспорту – «герой труда»?

– Нет, но он и не преступник. Он делает всё возможное и невозможное... для той ситуации, которая сложилась на заводе... и за его пределами.

– Не понял?

Не обращая внимания на компаньона и его предостерегающую «отмашку глазами», Иванов уже «лез в бутылку».

– Я настолько косноязычен?

– И всё же – поподробнее, если можно? Вы считаете, что на заводе сложилась ненормальная обстановка, которая не обеспечивает сохранности вагонов?

Ухмылка Первого давно уже вышла за пределы нормативной, но это не смутило Иванова, к тому времени же «находящегося в бутылке».

– Отдаю должное Вашему чувству юмора, товарищ Первый секретарь, но зачем же за деревьями не видеть леса?

Городецкий, давно уже «существующий в автономном режиме», опять успел побледнеть лицом раньше Первого. Но и тот не слишком отстал от подчинённого в скорости и качестве окраса.

– Вы намекаете на...

– ... пороки системы хозяйствования. И не намекаю, а говорю прямо. И пороки эти – уже не изъяны, а суть системы. И тут даже «железная рука» умного руководителя бессильна. Потому что – «тришкин кафтан»: подлатают в одном месте – порвётся в другом. Надо менять систему управления... А, может, и форму собственности.

– Не понял...

Первый отчего-то покосился на телефон, а затем беспокойно обошёл взглядом стены – так, словно пытался убедиться в отсутствии у них классических «ушей».

– Надо менять принципы хозяйствования, – «почему-то» не уstraшилcя Иванов. – А заставить людей беречь имущество можно только одним способом...

– Воспитанием коммунистического отношения к труду! – «идейно воскрес» Городецкий.

– Нет, – даже не усмехнулся Иванов. – До этого «коммунистического отношения» – как до морковкина заговенья. Поэтому воспитать можно, только сделав «ничейное» имущество своим.

– Оно и так общенародное! – кося глазом на начальство, вновь заступился за марксизм-ленинизм Городецкий. Иванов даже не удостоил его взгляда.

– «Своим» – значит, находящимся в коллективной собственности: бригады, завода, треста. За своё люди будут стоять насмерть: от этого напрямую зависит их личное благополучие. А искать крайнего в условиях теперешнего «бесхозного хозяйствования», чтобы потрафить взглядам начальства – безнравственно. Это даже не путь в никуда: это путь вниз, в преисподнюю! Да, вы можете посадить бедолагу зама: у нас ведь, если нельзя, но очень хочется, то можно. Но это уже – без меня! Я в таких делах не участвую!

Помертвевший от страха Городецкий не знал, куда девать тело, к несчастью, оказавшееся начальственно дородным: метр восемьдесят пять на сто килограммов живого веса. Руки его то ныряли под стол, то прятались под ягодицы, не давая покоя ни себе, ни «нижнему бюсту». А фронт «ничтожного следователишки» превзошёл все мыслимые пределы: Иванов «докатился до ревизии основ» – а, значит, до антисоветизма. Правда, из Москвы уже доходили какие-то неясные намёки на грядущие перемены, в том числе, и в экономике. Но точных-то инструкций не было! Установок на новый курс не было! А, значит, всё, что правее и левее – по-прежнему, ревизионизм и оппортунизм!

Неожиданно уклонившись от дискуссии, Первый осторожно покосился на бумагу.

– Но здесь этих доводов нет...

– А зачем бежать впереди паровоза?! – покривил щекой Иванов. – Будет день – будет и пища! А пока достаточно и того, что я указал в своём рапорте на Ваше имя.

– Кстати – насчёт рапорта, – поморщился секретарь. – Вы, конечно – известный бретёр, но зачем же так откровенно?! Зачем Вам понадобилось озаглавливать этот документ словом «рапорт», да ещё на имя Первого секретаря обкома партии, да ещё начинать его словами «Настоящим довожу до Вашего сведения»?! Я ведь не Ваше непосредственное начальство!

– Ну, а как же статья шестая Конституции о «руководящей и направляющей»? – не стал обряжаться в невинность Иванов.

Первый с ухмылкой на лице подался вперёд.

– Но Вы же... как это: процессуально самостоятельное лицо?! Я тут консультировался с юристами, и они мне так прямо и сказали: следователь – процессуально самостоятельное лицо! Ещё сослались на какой-то кодекс!

– «Процессуально самостоятельное»...

Под горькую усмешку на лице Иванов покачал головой.

– Шага ступить не дают этому «процессуально самостоятельному»... Вот Вы: какого... извиняюсь... Вы вмешиваетесь в ход расследования?! Это я – такой дурак, что плюёт против ветра: другой «возьмёт под козырёк»! Вот тебе и вся «процессуальная самостоятельность»! И ведь такая ситуация не по одному этому делу: по всем хозяйственным!.. А, если бы я был членом партии, или, хотя бы, комсомольцем?! Да Вы бы меня поедом заели!

Не вздумай «шагать не в ногу», потому что – сразу же: «Эй, кто, там, шагает правой?левой!левой!левой!».

– Хотите работать со мной?

Челюсти Иванова и Городецкого отвисли в унисон. Иванов – как «не из нашего двора» – подобрал её первой.

– Работать с Вами? Кем? Каллисфеном? Чтобы и меня тоже «скормили львам»?

– Ну, почему так сразу...

– Да потому, товарищ Первый секретарь, что правду у нас, как не любили, так и не любят. И чтобы ни делалось, всё будет, как у Екклесиаста: «что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем».

– Ну, не скажите, – покачал головой Первый. – Судя по той информации, которой я располагаю, некоторые «большие товарищи» в Москве задумываются примерно в том же направлении, что и Вы.

Городецкий до крови закусил губу: «промахнулся» с Ивановым!

Не разглядел «перспективных» блёсток в гражданине, который неожиданно оказался... или может оказаться «товарищем», да ещё – вышестоящим!

– Так, что подумайте над моим предложением: оно, как говорится – «на полном серьёзе». А чтобы Вы не сомневались, вот Вам мои прямые телефоны, рабочий и домашний.

Первый быстро начертил цифры на листке отрывного календаря, и вручил его Иванову.

– Что же до Вашей бумаги, то я сегодня же отправлю её в ЦК со своим дополнением...

Глаза Первого сузились до размера щёлок.

– Думаю, сегодня это – то самое лыко, которое будет в строку...

Глава седьмая

В прокуратуре Иванова «дружелюбно» встретил пустой холл. Никто не только не подпирал стены, но даже стулья «от разных пап и мам» были свободны все, до единого. Сходу «промахнув» дверь своего кабинета, Иванов ворвался в приёмную. Пребывающая в гордом одиночестве Маша лениво клацала пальцами по клавишам электрической «Ятрани».

– Маш, а где мои «подзащитные»?! – с порога «поздоровался» Иванов.

Маша оторвалась от машинки, но лишь для того, чтобы молча развести руками.

– А, если подробнее? – не удовлетворился таким лаконизмом Иванов.

Секретарша немедленно обложила руками в молитвенном заверении.

– Саш, вот, честное слово: с девяти до половины десятого я то и дело выглядывала в коридор!

– Ну, может, они подёргали дверь и ушли? – не унялся Иванов. —

Как раз в те промежутки, когда ты «отсутствовала» в коридоре?

– А ты бумажку не видел?

– Какую?

– Ту, что у тебя на двери?

Иванов немедленно «вернулся на исходную». В «простенке» между дверью и табличкой с его реквизитами торчала другая бумажка – не та, которую он оставил: «Всех прошу обращаться в приёмную! Ст. следователь Иванов».

Иванов махнул рукой.

– Ладно, Маш: реабилитирована...

Войдя в кабинет, он устало опустил на стул, и покачал головой. Итак, череда неприятностей продолжалась. В его жизни, в том числе, и следовательской, эта неприятность была не первой, не последней и не самой крупной: случались и покрупнее. Но, всё равно: девицы не пришли! И с чем он оставался: ни заявлений, ни объяснительных, ни актов экспертизы!..

Прекращая тризну по себе, Иванов отметился ладонью по лбу.

– Экспертиза!

Пальцы его принялись терзать наборный диск. «С того конца» неожиданно откликнулись сразу: обычно дозвониться до бюро было немногим проще, чем до такси. Иванов давно уже научился распознавать голоса «ответчиков»: коллектив бюро СМЭ не менялся годами, а совместные выезды «на труп» лишь укрепляли знакомство. Сейчас на зов Иванова «откликнулся» эксперт Данилов – мужик «средне истраченный», средне испорченный и, как большинство судебных медиков, с неплохим, пусть и специфическим, чувством юмора.

– Сергей Палыч? Приветствую Вас: Иванов из Старгородской прокуратуры.

– А, Александр Сергеевич! Привет, привет. Как жизнь молодая?

– Как и положено – бьёт, разводным и исключительно по голове.

– Ха-ха! Весь внимание, Александр Сергеевич.

– Сергей Палыч, я там вчера подсылал к вам трио заявительниц по изнасилованию. Не скажете, кто их обслуживал?

– Скажу: я. Только девиц было не три, а две.

На какое-то мгновение Иванов остался без реплики: новый поворот в деле, пусть и очередной.

– И кто же игнорировал медосмотр?.. Виноват: фамилии тех, кто пришёл?

– Фамилии? Минутку, Сергеич...

На том конце зашуршали бумагами.

– Ага, вот: Келлер и Михалёва.

– Любопытно, – хмыкнул Иванов. На этот раз пауза оказалась настолько продолжительной и интригующей, что эксперт не выдержал и обозначил частичный интерес:

– Не поделитесь, Александр Сергеич? Или это – тайна?

– Тайны, особенно женские – по Вашей части, – вздохнул Иванов. – Никакой тайны, уважаемый Сергей Палыч: не пришла лидер, и можно сказать, заводила.

– Любопытно, – согласились с того конца. Правда, этой скромной констатацией интерес эксперта и исерпывался.

– Ну, тогда – мой черёд любопытствовать, Сергей Палыч. Чем обрадуете, или наоборот? Трубка вполне очевидно «пожала плечами».

– «Я всю правду тебе расскажу, а на большее ты не рассчитывай!».

– Смешно.

Иванов не только не рассмеялся, но даже обошёл без восклицательного знака. Но с эксперта – «как с гуся – вода»:

– Тогда так: «род лукавый и прелюбодейный ищет знамения – и не будет ему знамения».

– Неужели совсем ничего?! – качественно упал духом Иванов.

– Ну, вопрос о дефлорации в Вашем постановлении, Александр Сергеевич, отсутствует вполне обоснованно.

– Было бы нелепо его ставить.

– Вот-вот. Дальше: мазки из влагалищ я взял...

Эксперт выдержал паузу – и скептически цыкнул сквозь зубы.

– ... но шансов никаких. Я уже связывался с биологами: ничего они там не нашли.

– Никаких следов спермы...

– ... и даже трихомониаза. Что же до телесных повреждений, то никаких ссадин, никаких кровоподтёков ни у одной из потерпевших я не обнаружил... Нет, правда, на левой груди у одной... у Михалёвой... обнаружено то, что в просторечии именуется «засосами». То же самое – на шее у Келлер. Но это – следы скорее бурной страсти, чем насилия. Даже следов от зубов... ну, знаете, некоторые в порыве страсти кусают груди...

– Я не кусаю, – буркнул Иванов.

– Ха-ха, – лаконично отозвалась трубка. – Так, вот, даже этого нет.

– Спасибо, – протяжно вздохнул Александр Сергеевич. – Когда можно будет подыхать за бумажками?

Трубка «замялась».

– Да, понял я, понял! – «поморщился в трубку» Иванов. – Как всегда – очередь на «биологию»?

– Но не для Вас, Александр Сергеевич! – многозначительно «приподняла бровь» трубка. Многозначительность её имела под собой основания: заведующая судебно-биологической экспертизой неровно дышала к Иванову. Не в личном плане: виды на него она имела исключительно, как на потенциального зятя. Даже не на потенциального: на будущего. Её дочь, лет на двенадцать моложе Иванова, только что поступила в университет, поэтому речи о немедленном замужестве не шло. Но маманя «имела в виду» перспективного товарища. Так сказать, впрок. Потому что, как справедливо заметил персонаж одной кинокомедии: «Такие лётчики на дороге валяются».

И то: умница, не писанный красавец, но и не «красавец», «в связях, порочащих его, замечен не был», «отмечен наградами фюрера и благодарностями рейхсфюрера», подающий надежды, а не «Кушать подано!». К тому же, отслужил срочную, а, значит – настоящий мужик.

Но самым главным достоинством Александра Сергеевича являлось то, что он, единственный городской следователь прокуратуры, до сих пор не был женат! Холостяк до тридцати, да ещё «без хвоста» – это ли не находка?!

Поэтому мелкие знаки внимания Иванову оказывались непрерывно: то экспертиза – вне очереди, то в сокращённые сроки, то снисхождение к «полуфабрикатам» – неупакованным вещдокам «с пылу, с жару».

А на свадьбе одного следователя прокуратуры Иванова и вовсе – «как бы случайно» – вынудили соседствовать стульями с юной дочкой заведующей. «Попутно» его вынудили к многочасовой галантности и даже отдельным неосторожным словам, тут же превратно истолкованным. После этого слухи о том, что Александр Сергеевич не только «обречён», но и «обручён», перевалили черту «упорных», и стали общим местом всех разговоров в бюро и прокуратуре...

– Значит, дня через три могу подскочить?

– «И ждём Вас!» – вполне достоверно, с «кавказским» акцентом процитировал «товарища Саахова» неунывающий «кавказец»-эксперт.

Вздыхая «по дороге», Иванов положил трубку. Настроения, и без того отсутствующего, заметно убыло. Да и откуда ему было взяться, тому настроению, если две заявительницы сходили с нулевым результатом, а одна так и вовсе уклонилась по непонятной причине?! Всё это накладывалось дополнительным «оптимизмом» на уже имеющиеся «радостные» факты в количестве трёх. Первым из них был тот, что заявления девицы – что выяснилось впоследствии – унесли с собой. Случайно или «случайно», но у Иванова их не было. А, значит, и регистрировать было нечего. Вторым фактом шло то, что составленные протоколы так и остались не подписанными. И, заключал троицу факт, не менее «оптимистичный»: тряпок для «биологии» и экспертизы микрочастиц тоже не было. Вырисовывалась классическая ситуация: «кругом – шестнадцать», она же «куда ни кинь – всюду клин».

В формирование «круговых шестнадцати», а равно означенного «клина», активно участвовали и все прочие «мажорные» факты, главным из которых оставалось дело о «теракте на подъездных путях». Немного уже зная нравы и обычаи «их мира» – и не того, который «подвергается» отечественными газетами – Иванов не сомневался в том, что «продолжение следует». Человек, попавший на заметку в ЦК, был обречён на вечное пребывание в анналах. «Вожжа из-под хвоста» удалялась только вместе с несчастным.

Поэтому, даже если девицы «осчастливили бы» его своим появлением и даже с «детальями» интерьера, он не рассчитывал на обретение возможности спокойно заняться этим делом. Не позднее завтрашнего дня Петра Николаевича «осчастливят» звонком из «области», и в состоянии панического ужаса тот потребует от старшего следователя Иванова пустить все дела по боку, и заниматься исключительно делом «государственной важности». Иванов не исключал и активное участие обкома – в лице его первого секретаря – в мероприятиях по собственному вразумлению. Он «почему-то» не сомневался в том, что вместе с делами «побокую» обязательно будет пущено и «благородное» предложение «товарища Первого» в части дальнейшего трудоустройства принципиального следователя. Причина – банальнее некуда: хрестоматийная «близость к телу рубашки», которая «своя».

Иванов «не накручивал» и «не впадал». Это были не фобии, а всего лишь знание жизни. Увы, но быть могло всё то, что и раньше бывало. И всё это на фоне того, что в оставшуюся декаду Иванову предстояло закончить производством десять уголовных дел, не считая тридцати «отказных» материалов! А что значит: «окончить производством»? Это значит, что обвиняемым во всем деле, направляемым в суд, надо было предъявить «окончательное» обвинение, потом ознакомить потерпевших с материалами дела, и, наконец, в присутствии адвоката выслушать от обвиняемого заявление о его полной невиновности, выбитых из него показаниях и зубах и «стопроцентной» фальсификации дела!

И «на всё, про всё» – десять дней, считая и воскресенья! Хорошо ещё, что в марте тридцать один день, не то Иванову, как и любому другому «следаку» на его месте, пришлось бы каждый оставшийся день «кончать жизнь самоубийством»!

В самый разгар тризны по себе и ещё даже не возбуждённому делу зазвонил аппарат. Не ожидая ничего приятного, Иванов без энтузиазма поднял трубку.

– Сергеич, привет: Толик! – прогудела трубка «не определяемым» на слух голосом начальника ОУР капитана Галимова.

Сердце Иванова дрогнуло: сейчас «обрадуют» окончательно! И как это он мог забыть про «ментов»?! Вот, уж, действительно: «слона-то я и не заметил»!

– Привет, Толик.

Иванов дрогнул не только сердцем, но голосом: «я не могу иначе», как справедливо заметила одна певица, до этого уже сознавшись в том, что и «сердце моё – не камень».

– Как настроение, Саня?

– Бодрое – уже на дне, – на всякий случай, тут же упал духом Иванов: «ну, чтобы два раза не ходить». Да и перспектива внеочередного «облома» показалась отчего-то такой близкой и понятной. Наверно, «от жизни такой». – Что, хочешь «ещё больше поднять» его?

– Нет, – рассмеялся в трубку начальник ОУР. – Не «больше» – просто.

У Иванова начало отлегать от сердца: неужели он ошибся с прогнозами?!

– Не томи, братан!

– Мы тут «загораем» в Зеленодольском отделении, – не стал томить «голос оттуда». – А знаешь, почему? Ждём тебя. Так что, подсказывай, и немедленно!

– Кого-то взяли? – «частично воскрес» Иванов.

– Смешной вопрос!

Соответствуя заявлению, трубка хмыкнула и даже хрюкнула.

– Всех, конечно!

– И уroda – тоже?

– И уroda – тоже! Так, что, давай, Сергеич: «дуй» к нам! Как говорится, «и ждём Вас!».

– Ужо буду!

Одной рукой Иванов ещё «дрожал в трубку», а другой уже собирал «дипломат».

– «Ужо буду»!.. Что так нескоро?

Лучше бы начальник ОУР не спрашивал, да ещё почти с упрёком: Иванов «завёлся с полуоборота»

– Так ведь у меня – ни волшебной палочки, ни ковра-самолёта, не говоря уже о «задрипанном» авто! Мы – люди простые: автобусом добираемся! Ничего другого у меня под жопой нет и не предполагается!

«Заведя» себя, Иванов не ограничившись «констатацией факта», и развил тему юдоли бедного следователя. И развил он её настолько «фигуристом», что определение «нижнего бюста» в его речи оказалось единственным корректным выражением.

– Ладно: просто «ждём», – понизил «уровень скорострельности» Толик: против таких доводов – как против того «лома».

Иванов вернул трубку рычагам и поморщился. Новость, конечно, обнадеживала, но до Зелёного дола с остановки «Районная прокуратура» автобус не ходил ни прямой, ни «кривой». Требовалось идти на соседнюю улицу, чтобы «на перекладных», правда, лишь с одной пересадкой, добраться до этого, Богом забытого уголка. Несolidно – для старшего-то следователя прокуратуры – но Иванов давно уже научился соизмерять потребности с возможностями. Да и установку «всему своё время, и время всякой вещи под небом» он усвоил давно и прочно: знал, где нужно давать апломб, а где его отсутствие.

Поэтому, обоснованно не рассчитывая на счастливый случай в лице «благосклонности» шефа – к слову, отсутствующего на рабочем месте – Иванов проявил истинно «беспартийную скромность». Он запер дверь, вывесил «завещание» на тему «не поминайте лихом!» – и, не заглядывая в приёмную: нечего баловать не оправдавшую надежд Машу – вышел на обшарпанное, полуразвалившееся крыльцо прокуратуры.

Дорога – с учётом всех «входящих и исходящих» – занимала минут сорок, а то и больше. Сегодня Иванов имел все основания считать, что ему крупно повезло: автобусы подходили на удивление быстро и даже с опережением графика... наверняка отсутствующего не только на указателе у прохуdivшегося остановочного павильона, но и «в природе». Вопреки обыкновению, сегодня автобусы «выходили на точку» одновременно с Ивановым. Ждать не пришлось не минуты, а на пересадке от Александра Сергеевича и вовсе потребовалось «слегка размяться», чтобы успеть добежать до отходящего ЛАЗА и запрыгнуть в его чрево...

Глава восьмая

...В марте любого года – холодного и не очень – Зелёный дол представлял собой зрелище не для слабонервных. И не только по причине специфического контингента и специфических же проявлений его. Снежные сугробы, которым больше подходило определение завалов, в течение всей зимы были покрыты толстым слоем чёрного пепла: отапливался посёлок по старинке – местной котельной. По причине «географии и бытовых нюансов» дома местных жителей заносило снегом по самую крышу, а когда начинало таять, то аборигенам оставалось лишь «караул» кричать: ни о какой ливневой канализации здесь и речи быть не могло. Природа сама прокладывала себе дорогу – по обыкновению, прямо через дворы местных жителей. Что же до «Караула!», то он был классическим «гласом вопиющего в пустыне»: традиционно оплошавшее начальство вместе с подопечными уповал только на милость Божию.

По сумме причин улицы, дороги и тропинки Зелёного дола с прибавлением градуса становились классическим бездорожьем. Если прямо – непролазными топями. Преодолеть их можно было только ранним утром, по свежему ледку.

Но летом Зелёный дол преображался. Правда, заслуги местных властей в этом опять не было: всё предписывалось законами природы. Местность словно вспоминала былое и свои «реквизиты», обязывающие «соответствовать» хотя бы частично. Даже «хрестоматийный» налёт сажи на всём подряд не снижал впечатления. Деревня – она и есть деревня: каждый дом по старинке окружали многочисленные клёны, тополя, берёзы, карагачи – даже сосны. Останки парка культуры и отдыха, некогда знаменитого на весь город, воскресали оазисами чудом сохранившихся лесных насаждений. Поскольку народу в посёлке было негусто, то не только в останках парка, но и на ветвях придомовых деревьев слышался гомон птиц, давно уже ставших экзотикой в областном центре: кукушка, дятел, жаворонок, иволга, снегирь и даже обыкновенная синица.

Иванову нечасто «выпадала удача» посещать эти, далёкие от благословения Господня, края. Но если «выпадала», да ещё летом, то всю дорогу от автобусной остановки до бревенчатой избы Зеленодольского отделения милиции он преодолевал нарочито медленным шагом. И риск нежелательной встречи с аборигеном стоил того: где ещё в их «индустриальной столице» можно было увидеть живую природу... живьём?

Но сейчас «природа» не радовала: солнце уже взошло, и последние остатки спасительного льда растаяли под его лучами, такими неуместными «в свете реаний» Зелёного дола. Поэтому до милицейской «избушки на курьих ножках» Иванов добрался измученным донельзя и по колено в грязи. Последнее оказалось совсем даже не фигуральным выражением: не только ботинки, но и брюки Александра Сергеевича претерпели от «зеленодольского марта».

Зато встречали Иванова «на высшем уровне»: начальник Зеленодольского ОМ майор Штыков, начальник ОУР Старогородского РОВД капитан Галимов, и целая группа «оперов», как зеленодольского, так и старогородского «розлива». Конечно же, все они были рады видеть Иванова: «не пропадёт наш скорбный труд, и дум высокое стремление».

– Работали уже?

Это был первый вопрос, который Иванов задал после того, как частично привёл себя в соответствие с занимаемой должностью.

– Не только работали, но и отработали, – усмехнулся Толик Галимов. – Но, разумеется, не под протокол: ждали тебя.

– И каковы результаты?

Галимов перестал улыбаться.

– Сергеич, херня, какая-то, получается! Никто не отрицает факта, но все в голос утверждают, что всё было по согласию и даже по любви. Тем более что, как оказалось, две заявительницы из трёх уже, мягко говоря, е... лись с этим... как его?

– С Русланом Явловым.

– «Откуда дровишки?» – приятно удивился Галимов.

– «Элементарно, Ватсон», – устало махнул рукой Иванов. – Я ведь не сразу «упал на колени», а лишь после того, как пообщался с заявительницами... чёрт бы их побрал...

Изменяя себе, «приюту спокойствия, трудов и вдохновенья», Александр Сергеевич добавил ещё кое-что – неподцензурное, но от души.

– А что такое? – оживился Галимов.

– Да, сучки, куда-то заныкали свои заявления! Я весь обыскался: «хрен ночевал – рано вышел»! Раз – ни в сейфе, ни в столе, ни в «дипломате», значит, унесли с собой, дуры!

Иванов на мгновение отключился взглядом – и хлопнул себя по ляжке.

– Ну, точно: меня, как раз, секретарша отвлекла!.. Только на кой хрен им это понадобилось?! Заразы, мать их так!

Почему-то не сострадав коллеге, Галимов и его зам Олег Нестеров обменялись многозначительными взглядами.

– Заныкали, говоришь...

Взгляд капитана, почти загадочный и даже исполненный оптимизма, переключился на бревенчатый потолок. Правда, там он не задержался – в основном, благодаря содействию Иванова.

– «Не радуйся, мой свет!» – огорчённо махнул рукой Александр Сергеевич. – Похерить уже не удастся: девицы побывали на экспертизе. Вместе с моим постановлением. Так что –дохлый номер, и пытаться не стоит... Но, вот, ведь народ: даже здесь, сучки, подгадили!

– А где ещё? – весь преисполненный надежды, почти участливо подался вперёд Нестеров.

– Одна из заявительниц – некто Прохорова Анна Николаевна, двадцати одного года от роду – не пришла на экспертизу.

Галимов и Нестеров обменялись ещё парочкой взглядов, опять настолько загадочных, что Иванов не выдержал:

– Чего?!

– А того, – улыбнулся Галимов, – что эта твоя Прохорова была занята очень важным делом: перепихом... с кем, как ты думаешь?

– С Русланом Явловым, я так думаю.

Толик уважительно приподнял бровь, и, не отрывая взгляда от лица заместителя, показал тому головой на Иванова.

– «Учись, студент!».

По завершению урока взгляд его переключился на лицо следователя.

– Ты – как всегда, Сергеич!

– Но, как это случилось? – игнорировал дифирамб Иванов: очередной поворот – и очередной безрадостный. – Он, что, перехватил их по дороге?

А почему только её одну?

– Всё просто, Сергеич: девицы твои отправились на экспертизу поодиночке.

Галимов недобро ухмыльнулся.

– Правильно: как «трахаться» – так вместе, а как отвечать – так врозь!

– «Сладку ягоду рвали вместе мы, горьку ягоду – я одна»! – поддержал начальника заместитель.

Иванов вспомнил «дружелюбный обмен мнениями между подругами» – и раздумал удивляться.

– Ну, вариант объяснений Прохоровой нам ещё, может, доведётся услышать... А что сказал Явлов?

– Сказал, что поджидал её не у экспертизы, а у дома. У её дома.

– Логично, – опреснил лицо Иванов. – В противном случае, ни одна из девиц не дошла бы до экспертизы: Явлоев наверняка уломал бы всех троих... Ну, а у дома-то, какого хрена он оказался? И какого хрена там оказалась Прохорова – вместо того, чтобы оказаться в бюро?

Галимов немедленно «скорчил рожу».

– Явлоев объясняет это тем, что «соскучился»... Вернее: объяснял.

Иванов понимающе усмехнулся.

– То есть, когда товарища «отработали»... и обработали...

– ... он сознался, что решил сыграть на опережение... Ну, чтобы девчонки «не шебуршились»... Они же «удрали без спроса»... Опять намекал на щедрые подарки...

– А почему он ждал именно её? Как он объяснил этот момент?

Капитан махнул рукой.

– Тут, как раз, всё просто. Да он и не скрывал: Прохорова – вожак этой троицы, и без труда уломала бы «ведомых»... как их, там?

– Келлер и Михалёву.

– Вот, вот!

Иванов вспомнил кабинетные выпады Михалёвой в адрес Прохоровой – и с сомнением покачал головой.

– Ну, Михалёву вряд ли... Но я жду ответа на другой вопрос: почему Анька оказалась дома, а не на экспертизе?

Галимов попытался «запросить взглядом» Нестерова, но тот успел «самоустраниться». Пришлось капитану соло вздохнуть, и неуверенно почесать за ухом.

– Ну, с девицами, как ты сам понимаешь, мы ещё не беседовали... из-за «наличия отсутствия»... А со слов Явлоева она и не собиралась ехать на экспертизу.

– А как Явлоев узнал об этом?

– Говорит, слово за слово – и Прохорова рассказала ему всё.

– То есть?

– Ну, что мать встретила их всех троих возле «малины», вытянула подробности – и заставила пойти в прокуратуру.

Иванов неожиданно закусил губу, и покачал головой.

– Ёшь, твою мать! Ну, и дело вырисовывается! Мало того, что доказательств – с «гулькин хрен»... никаких доказательств, так ещё такая вопиющая «недисциплинированность»!

«Опера» дружно рассмеялись. Но Иванов и не думал подключаться к общему веселью. Не от природной угрюмости: его положение было наиболее сложным из всех. Ведь, как бы там ни было, а свою «часть дороги» «опера» уже прошли. Дальше – классика: «хоть трава не расти!».

– Толик, девиц нужно обязательно найти! – не приказал, а взмолился Иванов. – Кровь из носу – и не позднее завтрашнего дня!

Конечно, с точки зрения объективных интересов дела следовало просить о дне сегодняшнем, но Иванов был недостаточно глуп и неопытен для того, чтобы презреть интересы субъективные. Даже не интересы, а «постоянно действующий субъективный момент». Просить «опер» о перевыполнении плана, когда они уже и так порадели, мог либо дурак, не думающий о дне завтрашнем, либо идеалист, для которого существуют только УК и УПК и не существует фактор межличностных отношений, либо «варяг-областник», которому с этими ребятами ««детей не крестить»».

Ни к одной из «заявленных» категорий Иванов отношения не имел. Хватило ума не иметь.

– Сделаем, Сергеич! – немедленно обложил руками Галимов. —

Мы уже озадачили участкового по месту жительства девиц. Конечно – не наш район, но, по счастью, тот мужик начинал у нас. И пока он ещё, кажется, не скурвился: заверил, что будет наведываться к девицам «до победного конца». Ну, а завтра мы и сами подключимся. Олег?

– Я лично поеду, – немедленно «подрос головой» Нестеров. – Возьму с собой Мишу Ахатова, и мы вдвоём с ним прошвырнёмся по всем адресам. Как раз, у меня завтра намечается «Волга»: один «клиент» расщедрился.

Человеку со стороны могло показаться, что Иванову дают представление: не столько бальзам на раны, сколько «лапша на уши». Но ни о каком представлении и речи не было. Представление – это для чужих: «гражданских» и проверяющих. Своему – а Иванов уже несколько лет «пыхтел в одной упряжке» с РОВД – всегда говорили правду: «да» или «нет». Потому, что «не одним днём жив человек»: завтра ведь и «операм» придётся кланяться прокуратуре. Обязательно придётся: се ля ви! Ни к чему забывать уроки истории: «нас сегодня перебьют – а вас завтра»!

– Принято, – «утвердил» Иванов: максимализм должен быть по максимуму разумным. – А «малину» проверили?

– Разумеется, – хмыкнул Галимов. – Ну, её обитателей ты знаешь!

– «Ответственных квартиросъёмщиков», – покривил щекой Иванов.

Капитан рассмеялся.

– Можно и так! В любом случае, мама с дочкой уже ждут тебя.

– Где?

– В правом «обезьяннике».

– Ты закрыл их в камере?

Иванов лишь слегка приподнял бровь. Но реакция Галимова оказалась более непосредственной.

– А что, я должен был выдать им талоны на усиленное питание?!

– Согласен. А остальные?

– Все – в «обезьяннике».

Тяжело кряхтя, Иванов поднялся с «изношенного» табурета.

– Ну, пошли...

Глава девятая

«Обезьянник» зеленодольского ОМ больше всех остальных соответствовал классическому определению. В отличие от «каменных мешков», традиционно состоящих на балансе всех, без исключения, ОВД, зеленодольское отделение располагало камерами «открытого типа», почти на американский манер. То есть, половина большой комнаты... двух больших комнат, была перегороджена металлической решёткой, внутри которой были устроены – тем же способом – секции для отдельных сидельцев. «Гражданский» сказал бы: «индивидуальные ячейки». Непривычно, зато удобно: все – на виду. Если сидельцы проходили по разным делам, то здесь же, но уже «по ту сторону решётки», их и разрабатывали.

Иванов подошёл к решётке, за которой в самом углу клетки притулился на корточках едва различимый в потёмках человек.

– Ну, этого и представлять не нужно: «тот ещё красавец».

Смуглое «лицо кавказской национальности» злобно засопело в углу: скошенная, почти отсутствующая нижняя челюсть оказалась единственной «достопримечательностью» лица.... этого лица.

– Выходи, чучело! – «вежливо попросил» Галимов.

«Временный жилец» поднялся на ноги. Даже эта позиция не добавляла ему роста: парень был классический «метр с кепкой». Низкорослый, субтильный, со смуглой, почти шоколадной кожей, с маленькими, чёрными, как угольки, злобными глазками, он производил бы отталкивающее впечатление и без отсутствующей челюсти.

– Садись.

Не дожидаясь исполнения уже своего приказа, Иванов сел на табурет напротив. Стол с привинченными к полу ножками «развёл» их с подследственным.

– Реквизиты? – взялся за перо Иванов. Подследственный не шелохнулся.

– Как звать тебя, «зверёныш»?

«Зверёныш» надсадно засопел. Стоявший за его спиной «опер» сделал «шаг навстречу» – и подследственный коротко вскрикнул.

– Мовсар Бичоев.

– Каким был в очереди?

Под тяжкий вздох – работа началась – Иванов раскрыл протокол допроса «о двух листах». Уродец сверкнул быстрым глазом: всё понял – и сразу. Но это не помешало ему начать традиционно:

– Я не понимаю...

– Русский язык не понимаешь? – без отрыва от протокола не шевельнул бровью Иванов.

– Нет, язык понимаю. Вопросы не понимаю.

Иванов «приподнял» один глаз и укоризненно посмотрел им ...на Галимова.

– А ты говорил мне, что с товарищем уже провели разъяснительную работу... Я «смертельно разочарован», товарищ капитан...

Толик скрипнул зубами.

– Сергеич, ну, вот... честное пионерское! Сейчас поправим! Ты только выйди на минутку... ну, или хотя бы ответись!

Иванов задумался: Гамлет и «Мыслитель» Родена – в одном лице. Выходя из раздумий, он поморщился – и потрепал мочку уха.

– Я не буду вам мешать: займусь протоколом.

– Идёт! – «санкционировал» Галимов – и тут же раздалась глухая стучка, звук падающего на пол тела и «буцающих» его ботинок. Примерно через полминуты «ударного труда» – «ударного» в прямом смысле – «подшефный» взмолился о капитуляции.

– Третьим! Я был третьим! Но всё было по согласию! Девки сами... Они сами!

– Ты ещё скажи, что они тебя умоляли отье... ть их! – вразрез кулакам ухмыльнулся Васильев, здоровенный «опер» Зеленодольского ОМ, недавно «сосланный» из «района» за совершение должностного проступка. Должностной проступок был вполне традиционным для оперативного работника: не рассчитал собственных сил... и сил «подшефного». Последней оказалась хлипкой конституции, в результате чего Нефёдов оказался в «ссылке».

Несколько глухих ударов дополнили картину «оперативной работы» с подозреваемым.

– Я всё скажу! – взвыл Бичоев. – Всё скажу – только не бейте!

– Сергеич?

«По получению запроса» Галимова, Иванов, словно нехотя, оторвался от протокола, и равнодушным взглядом скользнул по распростёртому на полу телу чеченца. «По дороге» он отдал должное оперативникам: ребята отработали качественно, не оставив на лице «подшефного» никаких следов контакта того с их кулаками. Разумеется, «лужи крови» исключались даже на уровне теории.

– Перерыв, мужики, – «санкционировал» Иванов, и Васильев отпустил ногу «подшефного», которая закрывала ему доступ к паху «объекта работы». – Водворите эту сволочь на стул. А ты, мразь...

Сорванным ещё по дороге прутиком Иванов приподнял нижнюю челюсть «объекта», присутствующую только наполовину.

– ... если будешь врать – пеняй на себя. Тогда я не просто выйду – совсем уйду. Больше того, оставлю тебя до утра с этими добрейшими людьми. И уже ничего я не смогу тебе гарантировать. Сохранение «девственности», в том числе. Конечно, сами эти, донельзя благородные люди...

Галимов не выдержал – и прыснул в кулак: изящные манеры – не из репертуара оперативных служб.

– ... до тебя не опустятся... даже чтобы «опустить» тебя. Применительно к тебе и твоему заду каждый из них имеет законное право сказать: «Я свой х... не на помойке нашёл!». Но тебе от этого легче не станет. Здесь и без них хватает желающих познакомиться с твоим «очком» поближе. И тебе так «воткнуто», что дышать будет больно! Что у тебя из глотки потечёт! А потом об этом – со всеми «гастрономическими подробностями» – оповестят широкие круги общественности.

– Ты понял, сука!

Галимов настолько внушительно схватил «объект» пятернёй за задницу, что тот завизжал. Наверняка, куда больше от ужаса, чем от боли: на протяжении всего монолога Иванова глаза нохча работали только на расширение формата.

– Вижу, что-то уже до тебя доходит, – усмехнулся Иванов. – Значит, шанс не стать «жопником» у тебя ещё остаётся... Итак, я тебе задаю вопросы, а ты на них отвечаешь! Вот, такой у нас будет с тобой разговор. Начнёшь уклоняться – пеняй на себя! «Шаг вправо, шаг влево» – считай, что твоя дырка уже в вазелине! Я понятен?

Чеченец больше задрожал шеей, чем кивнул головой. Так или иначе, согласие было получено.

– Итак, ты был на дискотеке в ДК?

– Нет.

– А кто был?

Пауза, которую Бичоев попытался взять на обдумывание, была немедленно пресечена кулаком Васильева. Это немедленно же взбодрило подследственного.

– Руслан, Магомед... и ещё другие наши... которые не поехали... ну, на эту...

– На «малину»?

– Да.

– А ты где был в это время?

– Дома.

Иванов отклеил один глаз от протокола.

– Значит, тебя пригласили уже потом?

Нохч отрицательно мотнул головой.

– Нет, за мной заехали.

– На автобусе?

– Да.

– На том же самом, на котором везли девиц?

– Да.

– То есть, вы все вместе приехали на Садовую, двадцать четыре?

– Да, все вместе.

Иванов отложил ручку в сторону и уставил в «подшефного» «без промаха бьющий глаз». Уродец зримо напрягся в ожидании развития сюжета.

– Ответь мне, и по возможности честно: кто тебя пригласил в автобус и для чего? Желательно – в прямой речи! Знаешь, что такое «прямая речь»?

Бичоев опустил глаза, и засопел. Короткий, профессиональный удар по почкам мгновенно стимулировал его речевую активность.

– Меня пригласил Руслан... Ну, Явлоев... Он сказал...

«Объект» изобразил муки творчества.

– ... Да, он сказал: «У нас там – три ебливые сучки»... Это не я – это он так сказал...

– Продолжай, продолжай!

– «Двух из них я уже «драл» раньше...»... Это всё он, Руслан... говорил...

– Ну, понятно, понятно!

– Вот...

«Хорошее отношение» следователя привело к тому, что Бичоев уже уже начал осваиваться в своём новом положении. Больше того, он освоился настолько, что приподнял голову и даже попытался дать хрестоматийную картину воспоминания. А именно: сдвинутые к переносице брови, кожа на лбу «гармошкой», «потусторонний» взгляд.

– ... А дальше он мне сказал: «Поехали с нами: девки – класс!»...

Я стал отказываться...

– Такой правильный? – хмыкнул из-за спины Галимов, только что присоединившийся к Васильеву.

Взгляд чеченца опять вернулся на пол.

– Нет: у меня мать больная... И я ещё – ни с кем...

– «Ни с кем»?! Когда же ты лишился челюсти?

И не желая того, Иванов добавил соли на раны. Бичоев засопел так увесисто, что можно было не сомневаться: при других обстоятельствах этот вопрос дорого обошёлся бы Александру Сергеевичу.

– В детстве... конь ударил... копытом.

– Ладно, хрен с эти конём – возвращаемся к нашим баранам. Итак, вы приехали на «блатхату». Что было дальше?

Бичоев наморщил лоб.

– Дальше?... Дальше Руслан отправил хозяйку и её дочку за водкой и закуской...

– Куда отправил?

Чеченец равнодушно двинул плечом.

– Я не знаю... Но их не было минут пятнадцать... Может, по соседям... может, в магазин... Может, и у этих шлюх что-то было...

– У хозяйки с дочкой?

– Да.

– А они – шлюхи?

Бичоев впервые за всё время усмехнулся. Вернее, попытался сделать это: вместо благородной усмешки получился оскал персонажа фильма ужасов, и куда почище Носферату. Да, что, там, Носферату: Фредди Крюгер – и тот «отдыхал»!

– Ещё, какие! Это знают все – и в Зелёном доле, и в «Шанхае». Ещё бабка... ну, мать этой шлюхи, держала там притон. Там всегда можно было купить водку, самогон, анашу, «снять девочку». Потом она превратилась... как это в русских сказках?..

– В бабу Ягу.

– .. Да. А потом она передала дело своей дочери. Дочь уже торговала не только водкой, но и собой.

Иванов от удивления покачал головой. И удивление его вызывал не «моральный облик» держательниц притона, а «подзащитный». Разговорившийся Бичоев уже не производил впечатления тупого чудовища. В отличие от нижней челюсти, с мозгами у этого затравленного волчонка всё было в порядке. Хотя бы, в относительном.

– Дочка... уже этой дочки... от неизвестного папаши оказалась... как это: «яблочко – от яблоньки».

Тут уже Иванов не выдержал.

– Ты где школу заканчивал?!

– Здесь, – удивлённо распахнул глаза Бичоев. – В Зелёном доле.

– Восьмилетку?

– Да. А потом – горный техникум.

– И окончил?

– Да.

– Ну, и дела! – покачал головой Иванов. – Образованный пошёл нынче клиент! И где ты работаешь?

– В шахте, горным мастером. На «Зеленодольской».

– Ну, и как – девочки? Понравились?

Переход с безобидного трёпа на криминал оказался для «подтаявшего» чеченца столь неожиданным, что на его месте обладатель полноценной нижней челюсти обязательно её откусил бы. А Бичоев – «в связи с наличием отсутствия» – только поперхнулся, и в очередной раз «потерял лицо». Правда, без челюсти, каковую он потерял много раньше.

– Чего ж ты на них полез, такой образованный?

– А разве они возражали?! – вспыхнул неожиданной злостью Бичоев. Вспышка была немедленно подавлена увесистой затрепщиной Галимова, но сам факт был показательным. И таковым не в плане характера монструозного нохча.

– Значит, не возражали?

Очередная «бочка дёгтя» в очередной же раз не бодрила. Но самым неприятным было то, что нохч, кажется, говорил правду. Всё это вполне согласовалось с теми материалами, которыми уже «располагало следствие». Но ещё больше портить и без того отсутствующее настроение Иванову не хотелось. Тем более, в присутствии не до конца «вскрытого» «клиента». Поэтому, оставив неприятности «на потом», он пробежался пальцами по истраченной временем столешнице: добирал злости.

– Все трое не возражали? Ты ведь всех троих «отымел»? Только не врать!

Бичоев опустил голову и чуть слышно выдал уже откуда-то снизу.

– Да...

– Так.

Иванов взялся за ручку и быстро зафиксировал признание. Зафиксировав, со смешанным чувством усталости и удовлетворения он потянулся на табурете. Сейчас он и на спинку откинулся бы, если бы таковая имелась в наличии.

– Значит, ты признаёшь, что был «третьим по списку»?

– Признаю...

– А кто был первым?

Не поднимая головы, «подзащитный» неожиданно хмыкнул.

– Станный вопрос, това... гражданин следователь! Конечно же,

Руслан. Они с этой, как её... с Леной пошли в... ну, если это можно назвать спальней. Потом он поменял её на Аню...

– «Поменял»! – хмыкнул Иванов – и «опера» по достоинству оценили замечание дружным смехом. – И как отнеслась Аня к тому, что, как говорят спортивные комментаторы, «вышла на замену»?

Бичоев pokrивил и без того донельзя кривым лицом.

– Не сказать, что с восторгом... но особенно и не возражала... Просто когда Лена вышла из... ну, спальни, они разошлись взглядами... Ну, как лошади – головами в упряжке... Устыдились, что ли, друг друга...

– И сколько времени Явлоев отсутствовал с Леной?

– Полчаса, не больше.

– А с Аней?

– Около часа.

– А вы... Сергеич, разреши?

Галимов приподнял руку, словно школьник на уроке.

– Валяй.

– А вы... ну, ты и все остальные – что делали в это время?

Вспоминая, Бичоев «поехал щекой» так усердно, что свернул остатки челюсти набок.

– Мы... сидели за столом. Выпивали.

– Кто да кто?

Бичоев почесал за ухом.

– Я, Магомед, Ибрагим...

– Мацаев?

– Да... Он – хозяин... этой...

– «Малины»?

– Ну, да. Эта... ну, дочка... задолжала ему... за дозы, кажется... Ну, вот он забрал у неё хибару. Дочку... с её дочкой оставил «на торговле»... ну и так – время от времени...

– Поёбывал? – «спрямил» Галимов. – Обеих?

– Да – и маму, и дочку.

Галимов несколько секунд гулял взглядом по потолку.

– А девицы пили?

– Наравне со всеми, – усмехнулся Бичоев. – А тут ещё Ибрагим специально для них принёс откуда-то бутылку шампанского. Ну, а потом они перешли на водку.

Пока Галимов «опрашивал» подозреваемого, Иванов быстро строчил в протоколе. И только когда оперативник вновь «забрался на потолок», вероятно, посчитав свою миссию выполненной, а вклад в дело разоблачения насильников существенным, Иванов включился.

– Так, приятель. Если мы будем делать такие «подробные остановки» на каждой «ёбле», мы и до ночи не управимся! Отсюда предложение к тебе: давай сразу всю «цепочку»! Идёт?

«Подзащитный» молча кивнул головой.

– Тогда – пошли!

Бичоев наморщил лоб.

- Ну, может, я ошибусь насчёт последовательности...
- Ничего, мы «поправим»! – насмешливо покосился на свой кулак Васильев.
- Нет, я не о том, – чуть ли не смутился Бичоев. – Просто все... ну...
- Ебались? – догадался-подсказал Галимов.
- Да, ебались... Все – и со всеми... Мы с Ибрагимом были последними.
- То есть, трёх девок имели четверо мужиков? – включился Иванов.
- Да.

Иванов отложил ручку и усмехнулся, глядя прямо в глаза «подзащитному».

- А тебя не смутило это обстоятельство? Ну, трёх девок – четверо мужиков?

Бичоев не выдержал прямого попадания, но это не помешало ему ухмыльнуться хотя бы в пол.

– А чего смущаться? И Явлоев, и Яхьяев привозили на эту «блат-хату» русских девчонок пачками, и те были только рады обществу! Кстати, эта Лена уже бывала на Садовой вместе с другими девчонками.

Иванов тут же взглянул поверх Бичоева, где и встретился глазами с Галимовым. Стоя за спиной подозреваемого, капитан молча покачал головой. Осуждение, присутствующее в его взгляде наряду с остальными компонентами, значительно уступало в доле констатации формата «дело – швах». Иванов полностью разделял этот минор: с каждым часом дело становилось всё и более и более «дохлым».

Нет, факт знакомства – и даже интима – не отменял вероятности факта изнасилования. Изменял в сторону уменьшения этой вероятности, но не отменял. В практике Иванова были дела о привлечении мужей за изнасилование жен, с которыми те состояли в зарегистрированном браке и делили одну площадь. Только недаром ведь один американский адвокат сказал: «Важно не то, что было на самом деле, а то, сможем ли мы это доказать!». Изрядно «понюхавший жизни», Иванов мог бы даже уточнить эту установку: «Важно не то, что было на самом деле, а то, ЧТО мы сможем доказать!». Вот с этой точки зрения – проходимости дела в суде – всё только усугублялось. И усугублялось стараниями потерпевших, оказавшихся такими далёкими от «идеала».

- И ты её там видел?
- Да.
- Но тебе её тогда не дали «откушать»?

Бичоев в очередной раз опустил голову, но над его душой уже завис капитан Галимов.

- Ты готов показать в суде, что её там «долбили» все, по очереди?

Не поднимая головы, «объект» пожал плечами.

- Ну, за всех я не скажу, но Руслан и Магомед были с ней точно...

И не по одному разу...

- Так!

Иванов звучно прихлопнул ладонью протокол.

– Мы опять увлеклись, а время – деньги. Поэтому, давайте подведём баланс. Значит, инициатором этой «дружбы между народов» был Руслан Явлоев? Так?

- Так, – даже не задумался «подзащитный».
- «Имели» девиц четверо: Явлоев, Яхьяев, Бичоев и Мацаев. Так?
- Так, – с несколько меньшим энтузиазмом сознался Бичоев.
- На сколько времени «задержались» с вами девицы?

Бичоев приподнял голову, и несколько мгновений старательно бродил взглядом по потолку.

- Сутки... с небольшим.
- Сколько половых актов было совершено всего?

Бичоев неожиданно «интеллигентно» откашлялся, а затем побежал глазами по полу в разных направлениях.

– Я непонятен?!

Соседство двух знаков в одном вопросе было явно не случайным. Иванов не только качественно удивился, но и посмотрел. И отчего-то не на подозреваемого, а на Галимова. Капитан моментально «сориентировался в обстановке» – и «ретранслировал вопрос»: кулаком по печени. Бичоев охнул, и тут же оказался готов к предметному разговору.

– Я был с каждой по разу.

– Со всеми получилось? – участливо осклабился Иванов.

Бичоев неожиданно смутился, но, памятуя о «средствах для освежения памяти» – ненадолго.

– Первый раз... с Аней... у меня не получилось... Ну, я кончил...

– ... не успев и начать? – «посочувствовал» Галимов.

– Да.

– А остальные?

– Яхьяев по два раза был с Леной и Аней, и один раз с этой... с Людой... С ней все были по разу...

Неожиданно для присутствующих, лицо Бичоева, и без того кривое донельзя, нашло возможности дополнительно окриветь.

– Она, прямо надо сказать – «не фонтан»...

– Зато ты – «фонтан»! – беззлобно хохотнул Галимов, беззлобно же награждая «объект» подзатыльником. – Тебе ли, сучара, ещё привередничать?! Ты скажи «спасибо» Явлоеву, что он разрешил тебе попользоваться тремя дармовыми письками! «Не фонтан»! Ах, ты, «гондон штопаный»! «Коль еб... ть – так королеву»? Так, что ли?

На своей шкуре ощутив правоту Екклесиастовых слов насчёт многой мудрости, в которой много печали, Бичоев тут же принялся «отсутствовать в наличии». Из «небытия» его извлёк очередной вопрос Иванова:

– Что по Ибрагиму?

– Он был по разу с Людой и Леной.

Иванов быстро записал показания – и взглянул на часы.

– Ну, и последний «ёбарь» – Явлоев?

– По три раза с Леной и Аней, – чётко, как в строю, доложил Бичоев. – Ну, а про Люду я уже говорил: один раз.

Припомнив визит заявительниц, Иванов невольно усмехнулся: не в этом ли заключалась причина столь «острого обмена мнениями»? Михалёва не смогла простить экс-подружкам большую востребованность? Или это они не смогли простить ей меньшую?

– Какие-нибудь извращения? В рот, «в очко», групповуха, посторонние предметы?

Бичоев тут же обложился руками.

– Нет, только по парам. Клянусь, честное слово, гражданин следовательно!

– Насилие?

– Какое, там, насилие? – забылся ухмылкой Бичоев, но, вспомнив о «санкциях», тут же исправился. – Никакого насилия, гражданин следовательно. После того... ну, после спальни они шутили и пили, как ни в чём не бывало.

В который уже раз Иванов поднял глаза на Толика, стоящего за спиной Бичоева, и в который уже раз тот с сокрушённым видом развёл руками. Перевода не требовалось: «Полный „абзац“!».

– Ладно...

Глаза Иванова опять снесло на часы, и он сокрушённо поцокал языком: и не заметил, как день прошёл. Нет, «как именно» – заметил: как псу – под хвост! Не заметил лишь – как скоропостижно.

– Толик, братан: тайм-аут до утра. Не возражаешь?

– Нет, – снисходительно махнул рукой Галимов, и повёл глазом в сторону «обезьянника». – А с этими?

– Всех придержи. Если нужна моя подпись, давай бумагу.

– Не нужна: оформим, как надо.

Зад Иванова уже начал отрыв от стула, но на полдороги задержался.

– Кстати, Толик, а этот хрен... ну, Руслан Явлоев – тоже здесь?

Капитан неожиданно загулял взглядом по сторонам, но ушёл недалеко: был «задержан» Ивановым.

– Да, понимаешь, Сергеич... Нет, мы его, конечно, опросили. Вот протокол... ну, то есть, объяснительная... Но куда он денется: он же – студент «универа»?!

– А, если – честно?

Галимов под смущённое лицо развёл руками.

– Ну, не на чем было везти, Сергеич! Честное слово, завтра привезём!

– Ладно.

Иванов сложил бумаги в «дипломат», и уже щелчок последнего замка совместил со щелчком по лбу.

– Чуть не забыл: дай-ка сюда этих сучек!

– Маму с дочкой? Щас!

Через минуту потасканного вида неопрятная женщина неопределяемого уже возраста и девчонка лет четырнадцати, во всём «наследующая» «старшему товарищу», раболепно улыбались Иванову.

– Здравствуйте, Александр Сергеевич.

Эти лица, которым больше подходило определение «рожи», имели право на формальное приветствие: два года назад Иванов успешно расследовал дело о групповом изнасиловании теперь уже четырнадцатилетней девчонки. Правда, возвращению потерпевшей на путь истинный это не помогло. Хотя, возможно, они с Ивановым «всего лишь» имели различные представления об «истинности пути».

– Здравствуйте, – поморщился Иванов: от этих существ дурно пахло во всех отношениях. – Капитан Галимов уже опросил вас, и вы ему всё рассказали. Не откажетесь от своих показаний?

Бабёнки дружно затрясли головами.

– Тогда завтра в девять утра, жду вас обеих у себя. Не забыли ещё, где находится прокуратура?

– Ну, что Вы, Александр Сергеевич? – сифилитически щербатым ртом оскалилась «мамания». – Будем! Обязательно будем!

Иванов повернулся к Штыкову.

– Николай Иванович, отпусти их – под мою ответственность.

– Александр Сергеевич, а вдруг...

Договорить Штыков не успел: щёлкнув замками «дипломата» «в обратном направлении», Иванов уже извлекал из его чрева два пустых бланка «подписки о невыезде».

– Так, обе распишитесь! Если попытаетесь смыться...

– Господь с Вами, Александр Семёнович!

– ... если попытаетесь смыться – отправлю в СИЗО! Всё – свободны!

Бросив «подписки» в «дипломат», Иванов повернулся к Штыкову.

– «Ну, теперь твоя душенька спокойна»?

Лицо майора оплыло довольной улыбкой.

– Тогда всё, мужики, – вздохнул Иванов. – До завтра, а то мне ещё топать до остановки по вашей трясине.

– Довезём! – расщедрился Штыков, но, как тут же выяснилось, предельно экономно. – И не до нашей остановки: до старогородской, где останавливаются «экспрессы»!

– Так мы тебя ждём, Сергеич! – уже в спину попрощался Галимов.

– Вечно твой, – не обернулся Иванов...

Глава десятая

Уже «подмерзая» на остановке – график автобусов позволял – Иванов честно хотел вернуться в прокуратуру. Ну, не то, чтобы «хотел», но с сомнением и даже злостью посматривал на остановку через дорогу – ту, с которой «экспрессы» уходили в центр Старогородского района. Нет, ни о каком пробуждении «стахановского начала» в Иванове и речи не шло. Всё объяснялось более простыми и даже прозаическими вещами: сроки. Сроки по уголовным делам. Те самые, которые «поджимали».

Никто Иванова в прокуратуре не ждал. И не потому лишь, что рабочий день «приказал долго жить». Помимо «завещания» на двери, Александр Сергеевич подстраховался ещё и тем, что никого не вызвал на этот «пропавший» день. Поэтому работать оставалось исключительно с бумагами, не предполагавшими участия «третьих лиц». Нужно было, наконец-то, «добить» обвинительные заключения по тем делам, которые обвиняемые уже «осчастливили» своими подписями в протоколах об окончании следствия.

Таких дел, из общего числа в шесть единиц по текущему... истекающему месяцу, набралось четыре. Два дела ещё «просили каши»: нужно было свозить адвокатов «на экскурсию в СИЗО» и вытерпеть там «плач» двух последних «Ярославн». Но при наличии «доброй воли» и «отдельная незавершённость» этих дел не мешала Иванову заготовить «объёбоны», как фамильярно именовали в прокуратуре обвинительные заключения. Вряд ли обвиняемые именно по этим делам при предъявлении окончательного обвинения могли дать «оригинальные» показания, сильно отличающиеся от тех, что уже неоднократно давали на протяжении следствия.

Но даже, случись таковое, Иванов ничем не рисковал. Почти ничем: ему пришлось бы пожертвовать лишь парой листов бумаги, копиркой и пятнадцатью минутами работы за безотказной «Украиной». «Голь на выдумки хитра», и «голь прокуратурская» не являлась исключением.

Даже подшитое – с эксклюзивом для областного суда! – уголовное дело не являлось препятствием для внесения необходимых изменений. «Компрометирующий» лист удалялся из дела, во вновь отпечатанном листе маникюрными ножницами делались вырезы по контуру шёлковых нитей, которыми сшивалось дело – и при помощи обычной ученической линейки лист заправлялся в подшитое дело на место удалённого. Как говорится, «ловкость рук – и никакого мошенничества».

Если же дело только находилось в стадии монтажа, то задача и вовсе упрощалась: перепечатывался всего лишь один лист. Ну, максимум, два.

Со временем следователи научались «рассчитывать свободные площади». То есть, обвинительное заключение готовилось заранее, ещё до предъявления обвиняемому «последнего прости», а для отсутствующих показаний на листе обвинительного заключения всего лишь оставлялось свободное место. Количество машинописных строк рассчитывалось априори – на основании личного опыта...

Именно этой работой и хотел заняться Иванов. Ну, не то, чтобы «хотел»: подумывал. Точнее, сомневался: «Не заняться ли?». Не от «избытка Стаханова в себе» – потому, что, несмотря на «освобождение от всех дел», никто его от этих дел не освобождал. «Наверху» не посмотрели бы на то, что его «задрючил» обком, что ему попало «гнилое» дело с такими же потерпевшими и подозреваемыми, что бесконечные «подснежники» выбивают из графика и не дают сосредоточиться на плодотворной работе. Довод у тех, кто «сверху», был всегда один, и всегда «убойный»: «Вы посмотрите, какую Вам зарплату платят?! Народ её от себя отрывает! Вы должны оправдывать и отрабатывать! От вас и так никакой отдачи! И это – за такие деньги!».

Для Иванова – в отличие от многих коллег – довод насчёт денег был «убойным» лишь «нецелевым назначением». Потому что «убивал наоборот»! «Такие деньги!». Какие деньги?! Только, получив должность старшего следователя, Иванов мог без стыда «за бесцельно прожитые годы» озвучивать друзьям и знакомым цифры: сто восемьдесят рублей. Таким был его должностной оклад. Плюс за три звёздочки сверх этой суммы шли ещё сорок. Четвёртая звезда ещё только «корячилась», да та и обещала не больше червонца в месяц! Ну, а о премиях нельзя было даже сказать того, что они «блыснули»: им не грозила и такая перспектива. Не существовало тех премий в природе!

Вот, и получалось: двести двадцать рублей минус «подходный», минус «бездетность», минус «Общество Красного креста и Красного полумесяца», минус разовые, но регулярные поборы – и «на руки» оставалось сто тридцать, максимум, сто сорок. Хорошо ещё, что комсомольские взносы перестали удерживать: два года назад Иванов попрощался с комсомолом по возрасту. Попрощался – и нисколько не огорчился этим обстоятельством. Ведь это только певец, известный своими мафиозными доходами, мог заявлять: «Не расстанусь с комсомолом: буду вечно молодым!». Правильно: его доходам комсомол не грозил – даже способствовал.

Иванову уже неоднократно предлагали «тёпленькое» местечко юрисконсульта на солидном заводе, прославленном своим экспортом-импортом. Однажды у него по делу – а Александра Сергеевича чаще других «напрягали» хозяйственными статьями – проходил чуть ли весь заводской бомонд. Это помогло без малейших усилий с его стороны обрасти связями, нужными и ненужными. Как-то раз Иванов не снёс очередного напоминания о «грандиозности получаемой зарплаты» – и отправился на завод «на экскурсию». Главный инженер – тот, который и проходил у него по делу фигурантом номер один, но так и не дошёл «до нужной кондиции» и до скамьи подсудимых – принял его, как родного. Как «родного человечка», которому «порадеть» не только «не грех», но и обязанность. Памятуя «доброе отношение следствия», он был готов не просто трудоустроить «заслуженного человека», но и сделать это немедленно. «Один звонок в обком, один звонок из обкома – и никакая прокуратура не задержит Вас, больше, чем на полчаса!».

Вдохновлённый готовностью «местоблюстителя», Иванов посидел в приёмной, у юристов, пошатался по заводу – и как-то сразу понял, что не готов ещё к таким резким переменам в судьбе. Конечно, всё было – «за» завод и «против» прокуратуры. Оклад и режим – прежде всего. Поскольку Александр Сергеевич «шёл» на начальника юридического отдела, оклад ему полагался в двести пятьдесят рублей. Сверх оклада шла ежемесячная премия в размере пятидесяти процентов от суммы оклада. Значит, ещё сто двадцать пять. Всем труженикам выдавались бесплатные продовольственные наборы – на общую сумму в двадцать пять рублей в месяц. Начальство, к каковому был бы отнесён и Иванов, пользовалось этой преференцией дважды.

То есть, ещё пятьдесят рублей. Иванову сразу намекнули на членство в профкоме – и разовые премии уже от него. Разовые, но ежемесячные, в размере двадцати рублей. Кроме того, можно было выписать материальную помощь – в размере месячного оклада. Конечно, это уже – не каждый месяц, но надо ведь и совесть иметь! А ещё была так называемая «тринадцатая премия» – «размером» в три месячных оклада!

В среднем «зашкаливало» за шестьсот рублей в месяц – и без «довеска» в виде упрёков «за незаслуженно получаемую гигантскую зарплату». А ещё никаких сверхурочных: два выходных в неделю – «железно» твои! Рабочий день – до пяти, а потом – шагом марш на выход! «Вот это жизнь – живи, не тужи», как пел один товарищ! Никакого же сравнения с «прокураторским рабством»! Но Иванов не смог уйти сразу: «не хватило политического мужества», как сказал бы уже другой товарищ, ответственный... своей безответственностью.

Пришлось Александру Сергеевичу возвращаться из сказки в жизнь. Ну, как «пришлось»: сам надумал... или не надумал. И в этой жизни ему сегодня предстояло решить вопрос: ехать ли назад в прокуратуру, или «отложить удовольствие» на ближайшую субботу, «прихва-

тив» заодно и воскресенье. После тяжёлых непродолжительных раздумий Александр Сергеевич «повернулся к лесу задом, к дому передом». А тут и «экспресс» подошёл. Подошёл, как меч Александра Македонского к «гордиевому» узлу. И сомнениям не оставалось ничего другого, как «приказать долго жить». Своевременно нагрянула и мысль о поджидавшей его дома бутылке мадьярского вермута «Кечкемет». В итоге – и без «приказа» – у сомнений не было ни единого шанса...

...«Утро вечера мудренее» – великая народная мудрость. Иванов не успел открыть дверь в холл прокуратуры, как навстречу ему со скамьи поднялись две знакомые фигуры: мама и дочка Селезнёвы. Те самые, которым он грозил накануне «депортацией в СИЗО». Александр Сергеевич уже не помнил их по именам, но это уже было неважно: главное, что пришли.

– Здравствуйте, Александр Сергеевич, – первой согнулась в раболепном поклоне щербатая ртом мамаша. Робко улынувшись, дочка тоже «сделала книксен».

В ответ Иванов молча кивнул головой и начальственно поморщился: *noblesse oblige*. Нечего «баловать мальчонку». Да и не мешало сразу же подготовить свидетельниц к даче «чистосердечных» показаний. Поэтому, открыв дверь, Иванов даже не озвучил команды на вход, а, по-прежнему молча, спиной к «подзащитным», сделал повелительный жест одним пальцем. Разумеется, «повторять приглашение» не потребовалось.

Блудя себя, Иванов не упал с размаху в кресло, а «великородно» опустился в него. Звучно щёлкнули замки «дипломата»: «убивать» клиентуру надлежало квалифицированно, наповал и без «контрольного выстрела». Александр Сергеевич разложил на столе весь наличный запас материалов по делу, вооружился ручкой, и лишь после этого... не поднял глаз на Селезнёвых, робко мнувшихся у порога.

– Проходите и садитесь.

Продолжая непритворно робеть, парочка расположилась на самом краешке скамьи для посетителей, словно куры на насесте. Оторвавшись от бумаг, Иванов, наконец, снизошёл до взгляда на «объект работ». Первой глаз зацепил старшую Селезнёву.

– Девиц привезли при Вас?

Даже сидячее положение не помешало свидетельнице основательно «прогнуться».

– Да, Александр Сергеевич, при нас.

– И где Вы были в этот момент?

Селезнёва попыталась улынуться щербатым ртом.

– Где же, как не на кухне, Александр Сергеевич?!

– Отвечать на вопросы! – начальственно окаменел лицом Иванов:

«каждый сверчок знай свой шесток!». Селезнёва не побледнела (не умела этого делать) и не смутилась (по чину не полагалось), но струхнула изрядно.

– Извините, Александр Сергеевич... Да, мы с дочкой были на кухне.

– С вами был ещё кто-нибудь?

Забывшись на мгновение, Селезнёва в недоумении, а вернее, от недомыслия, приподняла плечо.

– Мать... и этот... Ибрагим.

– Кто такой? – строго приосанился Иванов: так надо было.

Селезнёва в очередной раз «потерялась» и не сразу «нашлась». Вместе с ответом.

– Ну, он... это... Ну, мы живём у него...

– То есть, теперь он – хозяин дома?

– Ну, да, – шмыгнула носом Селезнёва. – А мы живём у него.

– И с ним, – без отрыва от протокола «невинно уточнил» Иванов.

Селезнёвы хихикнули «в унисон»: эта тема было много ближе и понятнее обоим. Классика: «это дело мне по силам, откажусь теперь едва ли!», как пел товарищ Антошка.

– Дальше!

Селёзнёва почти задумалась, и, не торопясь, скорчила физиономию. С претензией на ироничность.

– А дальше привезли этих девчонок...

– На чём привезли?

– На автобусе.

– И кто «привезли»?

Тётка попыталась наморщить далёкий от сократовского лоб.

– Ну... этот... Руслан... Потом... этот... Магомед... Кажется – всё...

– «Красавчика» забыла, – оскалилась желтозубым ртом Селёзнёва-младшая. Мать тоже не задержалась с оскалом.

– Точно! «Красавчик» тоже был с ними!

Иванов слегка покривил щекой.

– Насколько я понимаю в биологии, «Красавчик» – это урод по фамилии Бичоев?

– Он! – в унисон расцвели физиономиями Селёзнёвы: мама – давно увядшей, дочка – так и не расцветшей.

– Так-с...

Иванов отложил ручку, чтобы освободить пальцы... для умственного труда: несколько секунд они вместе занимались со столешницей. Наконец, мысль «настучалась».

– А кого-нибудь из девиц вы раньше видели?

Старшая Селёзнёва немедленно ослабилась.

– Лену!.. Ну, такая... с длинными ногами, красивая... с распущенными волосами... Руслан её уже привозил сюда.

– Сюда – это куда? На Садовую, двадцать четыре?

– Ну, да.

Иванов на минуту отвлёкся на протокол и вновь поднял глаза.

– Всё?

Старшая честно пожала плечами, но «у микрофона» её уже замещала дочка.

– Лена была у нас... ну, до этого... два раза. А ещё была эта... как её?... Аня.

– Аня?!

– Вот, падло буду! – перекрестилась четырнадцатилетняя девчонка, и тут же помертвела лицом. – Ой, простите, Александр Сергеевич!

– Ничего, – легко отпустил Иванов. Легко – оттого, что на душе стало ещё тяжелее от груза очередной новости: и Аня, оказывается – «та ещё»... Джульетта! – И с кем она была?

– Как с кем?! – явно неумышленно, в горячке разоблачения, «забыла устав» дочка. – С Русланом, конечно!

– И сколько раз?

– Один!.. Ну, у нас – один...

Иванов отложил ручку, и покачал головой: «чего не бывает в биологии! Даже «самые отсталые слои населения», оказывается, способны на проблески абстрактного мышления! Четырнадцатилетняя девчонка, ничего в своей жизни не видевшая, кроме нужды и членов многочисленных сожителей матери, не окончившая даже шести классов, моментально «сориентировалась в обстановке»!

– И когда это было? – частично подобрел Иванов.

Девчонка задумалась – и обменялась вопросительными взглядами с матерью. Та некоторое время изводила морщинами лоб, пока, наконец, не отметила в себя классически прозвеневшей ладонью.

– Да этой же зимой и было! В самом начале: в конце ноября!

– И? – вопросительно приподнял бровь Иванов.

Первой хихикнула Селёзнёва-младшая.

– Она так стонала... в спальне, что нам пришлось уйти в «предбанник»... ну, в сени.

– Она – это Аня?

– Да.

– А Лена?

Лицо старшей Селезнёвой, и без того деформированное бесчисленными пороками, дополнительно покорёжило гримасой презрения.

– Вы не поверите, Александр Семёнович, но она ничем не лучше нас. Ну, разве что – помоложе и посвежее. Да и папа у неё – какой-то начальник... А так...

Презрительный взмах руки «художественно иллюстрировал» характеристику. Иванов вздохнул: оснований для оптимизма с каждым словом информаторов становилось всё меньше.

– Ну, с теми разами – ладно: разобрались... в общем... А – в этот раз? Что было на этот раз?

Селезнёва-мать, на этот раз без консультаций с дочкой, невозмутимо, что само по себе уже было возмутительно для таких «личностей», пожала плечами.

– Да всё то же и было. Только девиц было уже трое. Ну, две первые – Лена и Аня – вели себя понаглее: они же уже были здесь... А третья...

Старшая наморщила лоб, и теперь уже не смогла обойтись без помощи извне. «По техническим причинам»: амнезия сифилитического происхождения.

– Люда, – «оказалась на месте» дочка, как обладательница «всего лишь» триппера и гонореи – более памятливая.

– Да-да: Люда!.. Вот эта Люда... она... ну... держалась от них... в стороне, что ли...

Тут Иванов счёл нужным вопросительно приподнять бровь.

– В стороне? И в чём это выразилось?

Побитое жизнью лицо мамы изрезалось морщинами во всех направлениях сразу.

– Ну... она... ну, она была как бы сама по себе... Эти двое... две... обе... хихикали, подначивали друг друга...

– Подключали Руслана?

– Ну, а то!.. А эта... Люда... была... ну, как сбоку – бантик.

– Словно и не подружки вовсе?

– Ну, да!

– Но ебали-то всех?... Хм... хм...

Иванов закашлялся: чуть-чуть забылся в горячке допроса.

Но «клиенты» были людьми «с пониманием», и подобные мелочи тактично игнорировали.

– Всех, но по очереди! – доверительно подалась вперёд мамаша.

– То есть, никаких групповух?

– Никаких: вот-те крест!

Безбожная шлюха, Селезнёва-старшая и в самом деле перекрестилась.

– Всех заводили в спальню по очереди!

– И как они вели себя? – напрягся Иванов.

Лицо... или, что, там, было у Селезнёвой вместо него, расплылось от удовольствия с примесью злорадства.

– Уж, во всяком случае, не страдали.

– До или после? – продолжил въедаться Иванов.

– И до, и после! – так и не отказалась от ухмылки Селезнёва. – Мне кажется, только «красавчик» им не понравился. Но и ему они не отказали. Никто из них.

– Но хотя бы пытались?

– Что? – слегка отвесила челюсть Селезнёва.

– Отказать «красавчику»?

Ухмылка немедленно вернулась на лицо... или что там было у Селезнёвой.

– Даже не пытались! Только покривили рожами, но пошли, как миленькие!

– Может, их застращали? – «рискнул заступиться за жертв» Иванов.

– Нас бы так «застращали»! – неожиданно вклинилась дочка. – Я бы точно не отказалась! Шампанское, сыр, колбаса, шоколад, Ленке и Аньке – по колечку с фианитами...

– Колечки-то – золотые?

– А то! – недобро ухмыльнулась дочка: вот тебе – и четырнадцать лет! – Нам с матерью, в лучшем случае – «Пошли на хуй!» – а этим... «Застращали»!

– И то! – развернула плоскую грудь маманя. – Как можно говорить «застращали», если две девицы из трёх уже прежде «ебались»... ой, извините, товарищ следователь... ну...

– Сношались, – пришёл на помощь Иванов.

– Во, точно: сношались с этими чеченцами у нас дома!

Образовавшаяся пауза дала Иванову возможность немедленно приподнять бровь. Хотя, с учётом характера заявления, он сделал бы это и без паузы.

– «С этими чеченцами»?!

По счастью, ни вопрос, ни ударение расшифровывать не пришлось.

– Именно «с этими»! – сходу «въехала» Селезнёва-старшая. А тут и дочка ухмыльнулась.

– Только без «красавчика». В прошлые разы были Руслан и Магомед. Руслан... ну, как это... «был» с Ленкой и Анькой. А Магомед – только с Ленкой.

Иванов отложил ручку.

– Почему «только»?

Теперь мать с дочкой осклабились «в унисон»: почувствовали, что немножко можно.

– А потому, Александр Сергеевич, – первой «вышла в эфир» «старш`ая», – что Ленка – попроще. Она даст любому...

– ... кто её «хорошо попросит».

Это уже дочка выразительно подчеркнула голосом «хорошо».

– Без обид, Александр Сергеевич, но у Вас она отсосёт прямо в кабинете, и совершенно бесплатно. И не потому, что Вы её «попросите», а потому, что девочка «знает порядки».

«Мажорная весть» почему-то не обрадовала Иванова. Он уже знал, почему: потому, что она совсем не обрадовала бы «наш самый гуманный в мире суд». Не подозревая о том, девчонки изо всех сил работали на этот будущий «гуманизм» по адресу своих дружков-«насильников».

Поэтому, казалось бы, обязательная ироническая ухмылка так и не появилась на лице Иванова. К сожалению, Александру Сергеевичу, как и всякому мыслящему «следаку», приходилось «учитывать ситуацию», минимум, на два хода вперёд. И всё потому, что следующим (после девчонок) в очереди на совершение полового акта стоял... он сам! И «активировали» бы его ответственные товарищи из областной прокуратуры, которых и не требовалось выстраивать в очередь: многие и так уже заждались!

– Мда-а...

Иванов в очередной раз отложил ручку и предался тризне по самому себе. Ситуация вырисовывалась всё отчётливой, но лучше бы ей было «задержаться в тумане».

– Значит, если я вас правильно понял, девиц не привезли «трахаться»: они сами приехали – и именно «трахаться»?

– Так и было, Александр Сергеевич! – решительно подалась вперёд Селезнёва-старшая. – Вот-те крест!

– Хорошо... то есть, плохо, конечно, – «поправился» Иванов. —

И никакого сопротивления они не оказывали?

– Какое, там, «сопротивление»?! – в очередной раз «забыла устав» Селезнёва. – Эти шлюхи были рады-радешеньки!.. Ну, только Люда...

– «Только Люда»? – немедленно ухватился Иванов.

Селезнёва примяла и без того мятое лицо.

– Ну, она... ну, как это говорится...

– Выпадала из дружных рядов?

– Точно!

– И в чём это выразилось?

Мамаша с дочкой переглянулись: похоже было, что секретов друг от друга у них не водилось, как у самых близких подруг.

– Она не хотела... ну, чтобы «так», – озвучила явно общую точку зрения дочь – и мать тут же утвердительно закивала головой.

– «По любви», что ли? – «догадался» Иванов.

– Ну, да, – осклабилась дочка. – По отдельности с Русланом или, там, с Магомедом, она бы не возражала... и даже... как это?..

– Приветствовала бы.

– Вот именно.

В этот момент «неаристократические» лицо мамаша неожиданно прояснилось.

– Что? – немедленно «оказался на месте» Иванов.

– Мне показалось, что Людка ревнует чеченцев к подружкам!

– Или – подружек к чеченцам?

– Или так! – «благосклонно» махнула рукой мамаша. – Людку водили все по разу – и все, до единого, возвращались с постными рожами. Да и, пока они там были, мы с дочерью не слышали ни звука! Зато, когда там были Анька и особенно Ленка, нам приходилось уходить в сени: так они орали!

– Ясно, – решительно упал духом Иванов: картина вырисовывалась всё отчетливее – и от этого становилась только запутаннее. Около минуты ему потребовалось на того, чтобы вернуть себе, и то лишь частично – «политическое мужество». – Ну, а когда они возвращались... ну, девчонки... после... этого... ну, из спальни...

– Сияли, как медный самовар!

Селезнёва-старшая даже не стала дожидаться завершения вопроса. Сверх того, лицо её, и так не лицо Елены Прекрасной, исказилось очередной гримасой зависти и злости. С вероятностью до одной тысячной процента можно было предположить, что баба отчаянно завидовала «потерпевшим»: ну, вот, не повезло оказаться на их месте. И, что самое интересное, Иванов не смог обнаружить на её лице ни тени притворства. Это обстоятельство – в свете дальнейшей судьбы дела – «бодрило» ещё больше.

– Итак, подведём неутешительные итоги, – честно вздохнул Иванов. Селезнёвы дружно «не въехали» в содержимое – и простодушно опреснили лица. – Две из трех девчонок, а именно Келлер и Прохорова, «бывали»... я понятен?

– Понятен, понятен! – дружно закивали головами Селезнёвы.

– ... с указанными лицами на Садовой, двадцать четыре неоднократно. И отнюдь не по причине насилия или гипноза. Третья, а именно, Михалёва, тоже не возражала против «любви и дружбы» с членами коллектива... и их членами. Исключение – «красавчик» по фамилии Бичоев. Пока всё правильно?

– Да, да, всё правильно!

– Идём дальше, – под очередной вздох «первым двинулся» Иванов. – Никаких признаков физического или психического насилия со стороны чеченцев в адрес девиц вы не заметили. Не заметили ведь?

– Да, что Вы, Александр Сергеевич! – опять «забыла устав» Селезнёва-старшая. – Какое, там, насилие?!

– А девицы не пытались «вырваться из заточения»?

Селезнёва честно призадумалась – и немедленно подключила дочь. Та «вышла из строя».
– Только после обеда, ближе к вечеру. Да и не вырывались они, а просто ушли... «Натраха-лись» вволю – и ушли. Привезли же их ночью, часов... наверно, в час ночи. После выпивки сразу же «пропустили по кругу». Потом была опять выпивка...

– Опять сидели за столом?

– Да.

– Что, как ни в чём не бывало?!

На всякий случай, Иванов счёл возможным удивиться. Исключительно в интересах дела: чтобы Селезнёва-младшая прониклась осознанием. Но та удивилась не менее качественно, и явно без задней мысли.

– А как ещё, Александр Сергеевич?! Конечно, как ни в чём не бывало. Только Людка дулась, а Анька с Ленкой хихикали, хохотали, пили водку, заигрывали с чеченцами, позволяли им щупать себя прямо за столом.

– Точно! – решительно подключилась мать. – Мне даже показалось, что Ленка кончила прямо за столом, когда Магомед залез ей рукой в трусики... А, может, их там и не было...

«Гастрономические подробности» не могли не пролиться «серным дождём» на израненную душу Иванова, а потому и пролились. Последний, впрок заготовленный вопрос, носил уже сугубо формальный характер.

– А как ушли девицы, вы видели?

Селезнёва-мать равнодушно пожала плечами.

– Да при нас они и ушли. Чеченцы разошлись, остались только мы с дочкой...

– Ибрагим пьяным спал на печке, – уточнила дочь.

– Да, но больше никого не было. Девицы и ушли: мы им не мешали.

– Третий раз слышу, что «ушли», – поморщился Иванов. – Как именно ушли?

Мамаша опять пожала плечами.

– Собрались и ушли! Никто ведь их не привязывал. Да и дверь не была заперта, и никто им не мешал.

Иванов приподнял бровь.

– А когда вернулись чеченцы, что было?

– Ничего, – скорчила из рожи рожу маманя. – Руслан спросил: «Где девчонки?». Я ответила: «Ушли».

– А он?

– «Ну, и чёрт с ними: сами прибегут!».

– Так и ответил?! – приподнял и вторую бровь Иванов.

– Чтоб мне сдохнуть! – «покаялась» Селезнёва.

Иванов записал очередную порцию «утешительных» сведений, и принялся массировать уставшие глаза пальцами. Глаза он массировал исключительно по одной причине: не имел возможности помассировать мозг, который нуждался в разрядке куда больше, чем глаза.

– Мда... – наконец, вернулся он «в протокол». – А, вот, ответьте мне на такой вопрос: не показалось ли вам... ну, что это... ну, то, что чеченцы делают с девчонками... ну, в общем, что это – изнасилование?

Честно отвешенные челюсти и округлившиеся глаза не требовали озвучивания, но звук, всё же, пошёл.

– «Изнасилования»?! Да, что Вы, Александр Сергеевич?! Да, чтобы меня так «изнасиловали»!

– Ну, прямо – Одесса! – хмыкнул Иванов.

Селезнёва «не въехала».

– Чего?

– Да, это я – так, – махнул рукой Александр Сергеевич, благодарный свидетельнице за то, что та не стала «уточнять» места своего рождения. Ну, вот не было у него ни желания, ни настроения давать очередной «ликбез».

– Ладно, распишитесь: здесь, здесь и здесь.

Когда Селезнёва неуверенно повозила шариковой ручкой в отмеченных местах, Иванов пододвинул второй протокол.

– И за дочку – тоже... Всё: свободны. Только учтите: если хоть слово из того, что вы мне наплели, окажется брехнёй, пеняйте на себя!

– Александр Сергеевич!

Селезнёва-старшая немедленно обложила руками.

– Да, что Вы! Господь с Вами! «Брехня»! Да всё – как на духу! Вот честное...

– ... пионерское, – вместе с кривой щекой «поучаствовал в клятве» Иванов. – Я вас предупредил. А теперь валите отсюда – не до вас.

– Александр Сергеевич...

Уже стоя на ногах, Селезнёва-мать неожиданно замялась.

– Ну, чего тебе? – не выдержал Иванов.

– Нам бы этих... как их... повестки?

– В бухгалтерию, что ли? – хмыкнул Иванов. – Того завода, куда ты и дороги не знаешь, «героиня труда» с одним днём трудового стажа, да и тем неполным? А дочке – в «энский» класс» «энской» школы?

Селезнёва решительно прибавила в смущении.

– Нет... ну... вообще...

– Перед соседями хочешь, что ли похвастаться?

Селезнёва «окончательно» зарделась от смущения.

– И что тебе написать? – ухмыляясь, взялся за бланк Иванов. – «С девяти до двенадцати была у старшего следователя прокуратуры Иванова»? Или «С девяти до двенадцати брала у старшего следователя прокуратуры Иванова»?

– Второе – лучше! – хихикнула Селезнёва. – От второго я бы не отказалась...

– Больше уважать будут? – не остался в долгу Иванов. – А обо мне ты подумала? Я ведь разорюсь на кожвендиспансер!.. Ладно, бери, что дают, а дают всего лишь повестку!

Дабы не травмировать дополнительно психику свидетеля, который наверняка ещё пригодится, Иванов не стал развивать тему до утверждения о том, что «свой член не на помойке нашёл».

– Всё: чешите отсюда!

Дождавшись, когда радостно дрожащая от оказанной чести Селезнёва-мамаша закрыла дверь с той стороны, Иванов безрадостно откинулся на спинку кресла...

Глава одиннадцатая

– Сань, извини!

Обложив грудь руками, Сидоров почти встал на колени, пусть лишь одними глазами.

– Ну, так получилось! Был в СИЗО, а этот «козёл» как начал мне дурить мозги!

– Ладно.

Иванов великодушно махнул рукой, только что отнятой им ото лба.

– Долг платежом красен, Геночка: се ля ви. Так, что, свои люди – сочтёмся... Может, даже завтра... А, может, и сегодня...

– Что, совсем «гнилуха»?

Сидоров посочувствовал, как просыпался солью на раны.

– Прорвёмся, – не слишком уверенно махнул рукой Иванов. – «Нет таких крепостей, которые не взяли бы большевики»...

В этот момент дверь в кабинет распахнулась и на пороге «нарисовался» Петров. Петров был самым молодым из всей троицы следователей райпрокуратуры, и самым амбициозным. Его совсем недавно аттестовали на следователя: почти год, подобно всем остальным, он проходил с приставкой «и.о.», и теперь он упивался моментом личного торжества. Парень он был, в целом, неплохой, но лишь до той черты, которая отделяла личные дела от служебных. И речь шла не о «большевистской принципиальности»: за этой чертой неплохой в быту Сашка Петров превращался в карьериста Александра Васильевича.

Иванов уже неоднократно замечал, как, входя в его кабинет, Петров неодобрительно поглядывал на табличку с реквизитами старшего следователя: наверняка полагал сменные реквизиты задержавшимися за стеклянной пластинкой. Зато, с каким с восторгом обзирал он интерьер кабинета! Восторг был неподдельным, а сравнение, как всегда, относительным: что с чем сравнивать. В сравнении с кабинетами остальных следователей, кабинет «старшего», конечно, выглядел дворцом: новый пол «с цоколем», два старинных книжных шкафа, «двухэтажный» сейф, шикарный двухтумбовый стол с кожаной серединой под стеклом, мягкие стулья и целая скамья для посетителей.

Не было никаких сомнений в том, что Петрову глянулся кабинет целиком... за минусом человека по фамилии Иванов. Парадокс усиливался тем обстоятельством, что Петров активно набивался в приятели.

Этому способствовала и некоторая общность взглядов: на коньяк, на «тяжелый» рок, на бардов, на литературу. Карьерист Петров был ещё и интересным собеседником. Но даже в моменты «духовной близости» Иванов никогда не забывал слова литературного Груздева: «Доведётся, он и через тебя переступит». А тут ещё и «лично-служебный» момент накладывался: Иванов тяготился нелюбимой работой, и время от времени подумывал о «гражданке», а Петров откровенно делал карьеру, нисколько не смущаясь «косоглазием» собратьев по ремеслу...

– Тебя можно поздравить? – уже с порога иронически осклабился Петров. – И не единожды, но дважды: и с делом о «теракте на железной дороге», и с «групповым изнасилованием»?

– «Нет ничего тайного, что не стало бы явным», – вздохнул Иванов. – Машку, что ли, обаял?

Петров рассмеялся.

– Скажешь тоже: «обаял»? Не забывай, я – человек женатый. Да и была бы нужда: сама рассказала! Помнишь ведь, как Ручечник отзывался о бабах: «Языком метут – как метлой машут, заразы»!

Да, Петров умел «составить компанию», и не остаться в ней незамеченным. Первым лаконично отсмеялся Сидоров.

– Ну, я пойду, Сань: дел – как грязи.

Генка Сидоров был хороший мужик, и, что самое главное, «без второго дна». В небольшом «оперативном составе» райпрокуратуры он был старшим, и не только годами. Так, если Иванов холостяковал, а Петров имел полугодовалого сына, то у Сидорова был двенадцатилетний стаж семейной жизни и двое детей-школьников. И карьеры он не делал: пыхтел «ради хлеба насущного». Он позже всех окончил вуз, да и тот заочно.

К моменту окончания вуза он имел четырнадцать лет совсем не интеллектуального стажа: двенадцать лет – ГРП: «горнорабочий подземный», плюс два года армии. Но карьеры он не делал не только из-за бремени жизненного опыта.

И не потому, что не хотел: не мог. Не имел возможностей. Так случилось, что хорошего парня Генку Сидорова Господь обнёс всеми талантами, кроме одного: быть хорошим парнем. Для «горнорабочего подземного» это, возможно, благо, но только не для следователя. Следователем Геннадий Иванович Сидоров был никаким. То есть, следователем он был лишь потому, что запись об этом имелась в его служебном удостоверении. Иванов не любил свою профессию, но был профессионалом. Петров рвался «наверх», и потому уже был профессионалом (сверх этого шло отменное образование от престижного вуза в Москве). А Сидоров не был профессионалом, как ни старался им быть.

А он старался! Он очень старался! Он не отказывался ни от каких дел, но заканчивал всегда тем, что заваливал их все, до единого. В конце отпущенного ему процессуального срока Пётр Николаевич вынужден был традиционно перераспределять его дела между Ивановым и Петровым, оставляя «герою труда» лишь самые безобидные – те, что на прекращение. Сидоров обижался, но к удивлению всех, только на себя. Ну, вот, такой он был человек: хороший. Но и не больше того.

Как хороший человек, который «без второго дна», Сидоров постоянно советовался с Ивановым по тем или иным вопросам. Советы чаще всего заканчивались тем, что Иванов сам делал то, что Сидоров всего лишь «просил объяснить, как». И, что самое удивительное, Иванов никогда не тяготился этой работой. Иной минутный «профессиональный контакт» с Петровым «грузил» его на целую неделю, а «убитые» полдня на «вечного стажёра» Сидорова, перманентно растерянного и извиняющегося, вызывали только снисходительную улыбку.

Именно поэтому Иванов сейчас легко отпустил: и Сидорова, и Сидорову. Когда они остались вдвоём, первым делом Петров покривил щекой.

– Моя помощь не требуется?

Иванов приподнял одну бровь, и ухмыльнулся.

– Меня и без тебя «закопают».

Петров неожиданно покраснел – не разучился ещё – и «залёг» глазами на полу.

– Зря ты так... Я ведь без задней мысли... Ну, в том смысле, что я мог бы... ну, разгрузить тебя... в смысле: помочь допросить какую-нибудь из девчонок...

Иванов выдал на лицо «ухмылку номер два».

– Видел, стало быть? Ничего, да?

Глаза Петрова не залежались на полу – и забегали во всех возможных направлениях. Кожа его лица почти «опомидорилась».

– А ещё женатый человек! – продолжил «избиение младенца» Иванов. Не без оснований продолжил: Петров, «законный обладатель» совсем юной и весьма привлекательной особы, моментально «загорался» при виде... ну, не каждой юбки, но каждой достойной его внимания. Иванову частенько приходилось иметь дело с потерпевшими. И как только среди них попадались «ничего себе», не говоря уже о красавицах, Петров немедленно предлагал свою помощь в допросе и других процессуальных – и не только – действиях. Ну, вот, такой он был человек:

карьерист, умница – и обладатель неудержимого «ретивого». Последнее на законных основаниях могло быть отнесено не только к тому органу, что выше пояса, но и к тому, что ниже.

– Хм, хм, – нашёл единственно верные слова Петров.

– Да, ты прав, – обошёлся без переводчика Сидоров. – Две из них – точно по твоему вкусу. Как на заказ.

– Полагаю, мы говорим об одних и тех же лицах? – неожиданно усмехнулся Петров. – Келлер Лена...

– ... и Прохорова Анна, – заключил список Иванов. – Ты даже в курсе фамилий?! Обширное любопытство! Может, у тебя уже и мнение сложилось?

– О девицах? – улыбнулся Петров.

– О деле! – не улыбнулся Сидоров.

Улыбка на лице Петрова погасла так быстро, словно её там и не бывало.

– «Гнилое» дело... Я бы даже сказа, «дохлое»... И, если тебя интересует моё мнение насчёт суда, то я скажу так: «не прохонжэ».

– И что ты советуешь? – «поменял брови» Иванов. – Отказать в возбуждении? Возбудить и прекратить?

Петров красиво ушёл взглядом в сторону.

– Ну, это – твой крест... А я не смею ничего советовать... старшему товарищу... товарищу старшему следователю... Но я тебе не завидую.

– Ну, разве что – в этом деле, – уточнил Иванов, не снимая бестактного взгляда с лица Петрова. Тот не выдержал прямого попадания, засуетился – и заспешил к двери.

– Я совсем забыл: у меня там люди...

– Ну, разумеется, – хмыкнул Иванов...

– Александр Сергеевич, зайди ко мне!

С трубкой в руке Иванов задержался лишь для того, чтобы хмыкнуть: «Третьим будешь». Именно так: без восклицательного знака. «Третьим» – после Сидорова и Петрова – стал прокурор Пётр Николаевич. Не совсем «в том самом значении», но, всё равно, третьим.

– Иду...

Начальство встретило старшего следователя прямо у двери: признак не столько доверия, сколько крайнего волнения.

– Ну, как у нас с этим делом? – едва успел обменяться рукопожатием прокурор.

Иванов вздохнул.

– Хреново, Пётр Николаевич... Потерпевшие уже третий день не показываются. Ни спермы, ни тряпок на «биологию». А характеристики на них – хуже некуда: сплошной компромат.

Несколько мгновений Петру Николаевичу потребовалось для того, чтобы преодолеть ступор и подтянуть отвисшую челюсть.

– Какой спермы?! Каких тряпок?! Ты о чём говоришь?!

– Об изнасиловании, о чём же ещё?! – в свою очередь, вытянул челюсть Иванов.

– О каком изнасиловании?! Я же сказал тебе: все дела – по боку, заниматься только вагами!

Раздражение и даже возмущение прокурора было исполнено на высоком уровне, но Иванов лишь поморщился, и махнул рукой.

– Да, разве ж я против? Только ведь это – свежее дело... Ну, не дело ещё: так – материал... совсем «дохлый».

– Тем более его – по боку!

«Раздав инструкцию», прокурор вернулся за стол, и немедленно взгромоздился за ним монументом.

– «Изнасилование»! Да ещё – материал! Да ещё – «дохлый»! Ну, ты – как ребёнок, честное слово, Александр Сергеевич! Не понимаешь политического момента?

– Чего, чего? – насторожился Иванов: «печёнкой учуял» что-то классическое. Нехорошее, то есть.

– Забыл, какое внимание придаёт этому делу область? Забыл, что оно – на контроле в ЦК?

– Было! – махнул рукой Иванов, не слишком блюдя почтительность в адрес «руководящей и направляющей».

– И осталось!

Осталось не только дело, но и последнее слово – за Петром Николаевичем.

– Не понял... – всё понял Иванов. – Я только вчера... ну, позавчера разговаривал с Первым секретарём обкома, и он...

– А сегодня – только что – мне позвонили, и ещё раз воззвали к чувству долга!

Пётр Иванович тут же соорудил восклицательный знак из указательного пальца.

– Партийного долга, Александр Сергеевич! Понимать надо!

Иванов обомлел, даже не прилагая усилий.

– Но ведь они согласились с моими доводами! Первый даже решил отправить мой «самоднос» в ЦК вместе со своей «сопроводилкой»!

– Не успели: Москва опередила их!

– «Семь пятниц на неделе»... – хорошо так, упал духом Иванов.

– Вот именно! Так, что, завязывай с этим изнасилованием и переключайся на вагоны! Всё внимание – вагонам!

– «Всё внимание»...

Всё ещё «лёжа духом», Иванов сокрушённо покачал головой.

– А как же с этим делом?

– С материалом.

– Ну, с материалом?

– Вынесешь постановление об отказе в возбуждении! – раздражённо махнул рукой прокурор. – Мне, что, учить тебя нужно?! С утверждением проблем не будет – сразу же спишем в архив! Вопросы?

– В обком хоть не вызывают? – вздохнул Иванов.

– Пока нет.

Пётр Николаевич вышел из-за стола, похоже, лишь для того, чтобы подержаться за плечо Иванова, и подвергнуть того призывному взгляду.

– Пока... нет. Но могут! Так, что имей в виду!

– Я бы с радостью, – невесело хмыкнул Иванов. – Но пока это они меня «имеют»... в виду...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.